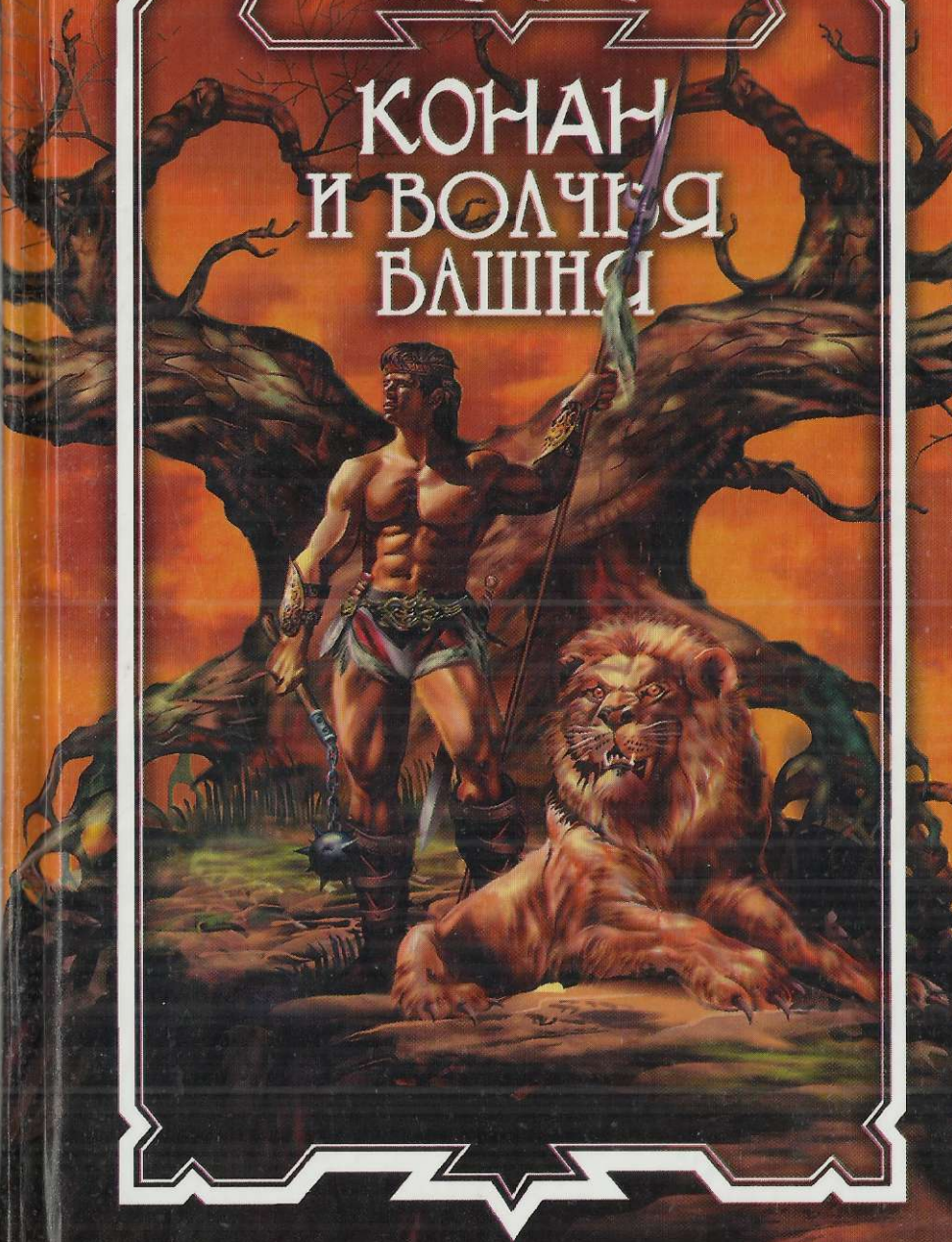


8-АМЛС КЭНН

КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШИНА



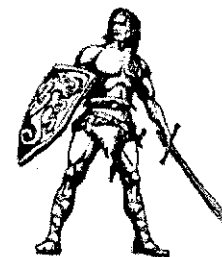
САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИГИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8
КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАИНКИ 12	КОНАН И ТРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРАДУШЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16
КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРЕВРАТИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИШЕСТВО МРАКА 24
КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ 32
КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕДАМИ 35	КОНАН И АЛАРЬ ПОВЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКИДАТЕЛЬ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40
КОНАН И ВАЛДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЫЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48

«АСТ»

Джеральд Старк

КОНАН И ВОЛЧЬЯ БЛШНЯ



«АСТ» «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва Санкт-Петербург

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
С77

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.05.03.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая
с ППФ. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Заказ 1439.

Старк Дж.

С77 Конан и Волчья башня: Роман / Дж. Старк. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 411, [5] с. — (Конан).

ISBN 5-17-007328-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-110-5 («Северо-Запад Пресс»)

В новом томе «Саги о Конане» читателя ждет знакомство с третьей книгой новой тетралогии Джеральда Старка — «Волчья башня».

Принц Конн, сын Конана-киммерийца, стал достойным наследником своего знаменитого отца. Но горячность и безрассудство свойственны молодости, а из-за ошибок сильных мира сего порой могут страдать целые народы...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003.



Страницы летописей — I

Прах, рассеянный по свету



*3 день Второй летней луны
1313 года по основанию Аквилонии.*



Волчья башня, безлунная и душная, медленно плывущая над лесами и горами Пограничья. Ключья тумана цепляются за выступы скал и вершины деревьев, смешиваясь с полосами дыма. Едкий запах горелой древесины и ткани, сладковато-гнилостные испарения — признак множества недавних смертей. Клубящаяся туманная хмарь повсюду... и, может, это к лучшему.

Обширное пепелище на Восходной окраине Вольфгарда, подле Бронзовых ворот. Два дня назад здесь шумела, сверкая радугой красок, Летняя Ярмарка, собиравшая гостей со всех окрестных земель. Теперь на ее месте — притихший



пустырь, утыканный обгоревшими остовами лавок. Завалившаяся набок карусель похожа на костяк невиданного чудовища, белесый скелет, обглоданный временем и хищниками. Между бывшими торговыми рядами, если присмотреться, можно уловить вороватое копошение. Тени перебегают с места на место, приглушенно рыча и торопясь урвать кусок добычи.

Городские ворота. Одна створка наполовину распнута, второй нет вообще. Она мертвым грузом расплалась на бревенчатой мостовой — груда дерева и слегка тронутого ржавчиной железа. Караульная будка при воротах пуста. Никто не окликает припозднившихся горожан и не присматривает за ведущим к столице трактом.

Да и окликать стражам порядка некого. В городе темно, факелы, обычно освещающие по ночам улицы, не горят, только в сумрачном массиве коронного замка мерцают еле различимые огоньки. Вольфгард не кажется мирно спящим, скорее вымершим, словно задетым смертоносным крылом чумы.

В застывшей тишине внезапный звук шагов заставляет вздрогнуть. Он приближается, усиливается, многократно отражаясь от стен. Это не мерный топот кованых сапог, не уверенный перестук копыт, но нечто иное — мягкое шарканье быстрых лап, грузная поступь тяжеловесного зверя, частый цокот собачьих когтей.

Животные появляются из темных переулков, выскакивают из подвалов, спрыгивают с крыш.



Принюхиваются, оглядываются и бегут дальше. Их много, невероятно много, больше, чем успел бы сосчитать пораженный человеческий глаз. Преобладают волки, столь частые в лесах Пограничья, однако среди них замешались и рыси, и вепри, и снежные барсы, и даже медведи. Косматая река течет, протискиваясь в ущелья проулков, перемахивая через низкие плетни и палисадники, огибая замершие в темном ужасе островки домов.

В голове колонны, как ни страшно, трусит лошадь. Коротконогая мохнатая лошадка асгардской породы ошалело косится по сторонам, фыркает от резкого запаха хищников, но движется вперед, повинувшись всаднику. Седок под стать коню — маленький и беззащитный среди ловких, стремительных зверей.

Не слышно ни рева, ни лая — только шелест сотен лап. Ни одной мимолетной свары, обычной между собравшимися в стаю хищниками, не завязывается в гуще странной процессии. Невиданное шествие набирает силу на главной улице Вольфгарда и движется напрямик к Бронзовым воротам, к остаткам Летнего Торжища, к тлену и зловонию разложения — прочь из кольца городских стен.

Но путь не свободен.

Передние ряды останавливаются, подаются назад, тесня задних. Хрупкая предутренняя тишина нарушается множеством звериных голосов, в которых слышится почти человеческий страх и нарастающая паника. Лишь мохнатый конек,



понукаемый своим странным всадником, неохотно рысит по мостовой — но вскоре и он вынужден остановиться, потому что в высокой арке ворот перед ним стоит Большой Зверь.

Скудный свет маслянисто поблескивает на лаково-черном панцире, убийственно острых шипах и многочисленных сочленениях семифутовой фигуры, похожей то ли на рыцаря в драгоценных латах, то ли на вставшее в боевую стойку гигантское насекомое — богомола. Зверь, явно красуясь, чуть разводит руки, поводит плечами, одетыми в шипастую броню. Вспыхивают длинные хитиновые клинки бритвенной остроты на обеих руках — не хуже прославленных рыцарских мечей. Гениальный безумец-скульптор мог бы придать такой образ воплощению Силы Хаоса. Тем не менее голос, гремящий металлом над останками ярмарки, звучит почти по-человечески — в нем, пожалуй, даже угадывается насмешка:

— Решила украсть мою Стаю, маленькая принцесса? Никто не выйдет из Вольфгарда без моего Слова. Твоя сила не сравнится с моей. Признай власть Вожака, Наделенная Даром. Или — умри.

Маленькая наездница молчит, словно бы в нерешительности, и с трудом сдерживает смертельно напуганного конька. Потом, по-прежнему не говоря ни слова, начинает вылезать из седла.

Словно две серых молнии метнулись к воротам — два красавца-барса, преодолев страх, атаковали Вожака, защищая Наделенную Даром. Но



даже на схватку равных это не тянет — воплощение Хаоса просто расплывается на миг в движении настолько стремительном, что глаз не в силах его уловить, и спустя два удара сердца на истоптанной земле остаются два исковерканных и вынотрошенных тела. Над звериной процессией разносится горестный стон. Но та, что вела скогров прочь из разоренного Вольфгарда, уже спешила.

Подошла к внушающему ужас Вожаку. Протянула маленькую ладонь.

— Посмотри, что ты наделал, Рэф из Ильгор-та, — говорит Ричильдис, Наделенная Даром, и в ее голосе нет ни страха, ни гнева — только глубокая печаль.

Большого Зверя, Вожака больше нет. Есть высокий, худой человек со странными светлыми глазами и копной растрепанных волос. Он озирается вокруг, словно внезапно проснувшись, и во взгляде его сквозит безумие.

Внезапно он испускает душераздирающий вопль и падает на колени, закрывая лицо руками. Мгновение Ричильдис смотрит на него, совсем взрослому горестно качая головой. Затем она возвращается к своему мохнатому коньку, который рад бы убежать, да некуда, и с трудом забирается в седло.

— Что теперь? — мертвым голосом спрашивает человек, обращаясь разом к молчаливому всаднику, темному небу над головой и шумно дышащему, нетерпеливо ерзающему сборищу зверей. — Крикнешь своей стае: «Ату его!»? Прика-



жешь своему любимцу? Но ведь не оставишь меня... так?

Всадница на низкорослой лошадке качает головой. Ее обычно звонкий голосок предательски срывается, но слова звучат вовсе не по-детски. Молодой волк со светло мерцающей в темноте шерстью, неотступно сопровождающий и оберегающий Наделенную Даром, выступает вперед, обнажая клыки, но Ричильдис останавливает его жестом.

— Суди себя сам, — звучит приговор. — Стая больше не убивает. Беги прочь из страны, начини жить заново... если сможешь. Только сперва оглянись вокруг и хорошенько запомни все, что было сделано безумцами по твоему слову. Я не могу тебе помочь... и не желаю тебя видеть.

Дсвочка — ей лет десять, у нее гладкие черные волосы, заплетенные в две косички, и ярко блестящие глаза лилово-синего оттенка — трогает коня с места. Она проезжает мимо притихших животных, как полководец перед строем, изо всех сил стараясь не оглядываться назад. Где-то через сотню шагов она внезапно шлепает конька по шее поводьями, поднимая его в неуклюжий тяжеловесный галоп, и скачет в сторону зубчатой полосы леса, через разоренное Торговое Поле, прочь от крепостных стен.

Ричильдис Канах, младшая из трех отпрысков королевской фамилии Аквилонии, подгоняет спотыкающуюся лошадь, убегая от родителей, от самой себя, и от устремленного ей вслед взгляда, тяжелого, как налитый свинцом арба-



летный болт. Белый волк, вывалив язык, рысью несется рядом, недоуменно поскуливая, а следом мохнатым шлейфом тянется диковинная Стая, брезгливо, как зловонную лужу, огибая за несколько шагов того, кто стоит на коленях под воротной аркой.

Когда проходят последние скогры, мужчина, пошатываясь, поднимается на ноги. Он не заслужил ни милосердия, ни жестокости, ни суда. Ничего. Все кончилось. Зверь, обитавший в его душе, умер, не родившись, человек же не сможет забыть и начать заново. Маленькая девочка убила его — убила также верно, как если бы застрелила из лука во время охоты.

...Кажется, вот на том флагштоке сохранилась отличная, крепкая веревка...

* * *

По замыслу осажденных, на исходе нынешней ночи предстояло совершить попытку вырваться из окруженной скограми Цитадели. Приготовления к ней завершились около четвертого ночного колокола, и тогда же обнаружилось исчезновение Ричильдис. Начались суматошные поиски, подогретенные брошенным кем-то предположением — вдруг оборотни, желавшие заполучить девочку, тайком пробрались в замок и украли ее? Тревога и беспокойство усилились во много раз после того, как состроивший чрезвычайно озабоченную мину Крэган Гипербореец открыл Аквилонскому семейству замысел маленькой прин-



цессы, отважившейся поступить по собственному разумению. Зная характер короля Аквилонии, колдун позаботился о сохранении собственной жизни и явился, окружив себя незримым магическим щитом, способным выдержать соударение даже с секирой дvergской работы — даром, преподнесенным гномской общиной Вольфгарда правителю Тарантии по случаю Летнего Торжища.

По просьбе Ричильдис, переданной Крэганом, вылазку пришлось отложить, однако с наступлением рассвета из замка выпустили два десятка разведчиков — проверить истинность слов Гиперборейца.

...Вольфгардская Цитадель медленно выплывает из тающей предрассветной дымки. Сперва появляются внушительные бастионы и угловые башни с узкими прорезями бойниц, затем — смутные очертания донжона. На дне сухого рва, окаймляющего замок, вперемешку валяются тела, человеческие и звериные. Отыщись в городе торговец редкостями посмелее, он мог бы сколотить кругленькое состояние, распродавая шкуры этих животных. В мире не существует подобных существ — рожденных горячечным кошмаром, противоестественно сливающим в себе черты самых разных лесных тварей.

Для размеренно отбивающих время курантов не имело значения, какие потрясения обрушились на горожан. Хитроумный механизм выполнял работу, для которой был создан. Громыкнули шесть ударов большого колокола, которым



вторил перезвон маленьких колоколов, и почти одновременно вздрогнули поднятые мосты у Оленьих и Снежных ворот, рывками поплыв вниз. Разматывающиеся цепи пронзительно залязгали, заставляя стоящих на надвратных башнях и стенах людей напряженно вглядываться в притихшие окрестные дома.

Мосты благополучно достигли склонов рвов и грузно улеглись на слегка осевшую под привычной тяжестью опору из бревен. Взлетело и рассеялось под ветром небольшое облачко пыли. Маятник курантов отсчитывал уходящее время, вокруг ничего не происходило и не изменялось: все то же удушливо-настороженное молчание, карканье ссорящихся ворон, розовато-желтый отблеск поднимающегося над землей солнца и голубоватые тени.

Надсадно заскрипели вытаскиваемые засовы — огромные деревянные брусья, окованные выплавленным в кузнях дverгов железом. Колышась под собственной тяжестью, воротины важно отошли в сторону, открывая темные зевы барбикенов. После мгновенной заминки оттуда, словно горошины из перезрелого стручка, вылетели всадники — около дюжины или чуть больше. Ворота торопливо захлопнулись, кавалькады пронеслись через сотрясающийся под дробными ударами копыт мост, и устремились по улицам — одна группа направилась к Полуденным кварталам, другая — к Восходным.

Люди настороженно озирались по сторонам, каждый случайный звук бросал их ладони к ру-



котям мечей, но пока тревоги были напрасны — дерзкая вылазка из осажденного замка оставалась пренебрежительно незамеченной. Никто не нападал на разведчиков, жуткие, кровожадные твари не выскакивали из засады, устроенной за покосившимся забором. Напротив, в одном из домов на Ивовой улице со скрипом распахнулось чердачное окно, откуда высунулась голова в помятом и слегка тронутым ржавчиной шлеме, нерешительно окликнувшая всадников.

Уцелевший горожанин прокричал, что нынешней ночью он и его семейство, хоронившиеся в усадьбе, заметили нечто удивительное: безумные оборотни, ломившиеся в соседний дом, вдруг бросили свое занятие и удрали. А ближе к рассвету по улице промчалась целая свора — никак не меньше тыщи! — разных жутких тварей. Они всем скопом бежали вон туда, — обыватель махнул в сторону видневшихся над крышами зубцов крепостной стены, оберегавшей город, — словно торопились поскорее убраться из Вольфгарда. С той поры ни один скогра на глаза не показывался. Никак и в самом деле пронесло, а?

Столь невероятное известие заслуживало того, чтобы быть услышанным в Цитадели, а потому одного из разведчиков спешно отрядили обратно — к тем, кто ожидал за крепостными стенами.

— Ваше величество, осмелюсь повторить уже сказанное: они ушли, — с издевательской вежливостью развел руками плечистый бородач в тем-



ных с золотом одеждах, украшенных блестящей эмалевой брошью в виде открытой ладони, даже не дослушав гонца. — Теперь это подтвердилось со всей очевидностью и непреложностью. Можно бить в набат, извещая перетрусивших обывателей о внезапном спасении. Жуткие скогры удалились по своим делам... во главе с вашей наслідницей.

— Заткнись, — еле сдерживаясь, прорычал в ответ человек, поименованный королевским титулом. Приплясывающий под ним вороной жеребец шарахался то влево, то вправо, никак не в силах уразуметь, чего добивается всадник. Тот, впрочем, и сам не мог решить, что намерен предпринять: вернуться в Цитадель, метаться по улицам в поисках бесследно исчезнувшего ребенка... или сперва зарубить откровенно веселящегося Крэгана, магика из Гипербореи, не в последнюю очередь повинного в ядовитом вареве, заварившемся в столице Пограничья. Наконец он сделал выбор:

— Едем к воротам! Вдруг Диса еще не покинула город? Может, она ждет, чтобы за ней пришли?

— Сомневаюсь, — покачала головой единственная женщина в отряде. Если бы кому-то довелось сперва увидеть скакавшую во главе Стаи девочку, а затем эту женщину сорока с небольшим лет от роду, он бы отметил несомненное сходство, которому с годами суждено стать еще заметнее. — Ричильдис слишком упряма, чтобы бросать начатое дело на половине. Раз оборотни



слушаются ее, она наверняка решила увести их подальше от города.

— Но она же просто ребенок! — пожалуй, настал тот редчайший случай, когда в голосе Льва Аквилонии скрежетнуло подлинное отчаяние. — Она не может оставаться одна среди напрочь свихнувшихся тварей! Ей в жизни не приходилось ничего делать самой — в конце концов, она принцесса, а не деревенская девчонка! Проклятье, где она поселится, что будет есть? Грибы с кореньями? Сырую зайчатину?! Йен, неужели у тебя хватит сил бросить собственную дочь на произвол судьбы? Прошлым вечером ты была готова лично вздернуть любого, кто заикнется о том, чтобы отдать Дису скограм, а теперь...

Зенобия Аквилонская, королева и соправительница, укоризненно смотрит на своего супруга. Тот умолкает, словно уловив во взгляде женщины нечто, о чем не говорят словами и о чем полагается знать только им, а более никому в целом свете.

— Она вернется, — словно заклинание, еле слышным шепотом повторяет Дженна Канах. — Непременно вернется. Надо только подождать.

Отряд тронулся вниз по улице, заглядывая в разоренные дворы в попытках отыскать хоть кого-нибудь из горожан.

Порой им везло — заколоченные изнутри двери или окна усадеб после некоторой возни приоткрывались, и обыватели недоверчиво выслушивали новость о снятии осады. Покидать дома, ставшие убежищем во время нашествия обезу-



мевших детей Карающей Длани, впрочем, никто не торопился.

Верхний Проезд — главная и самая длинная улица столицы Пограничья — наконец завершился площадью перед Бронзовыми воротами. Поднявшееся над чертой окоема солнце безжалостно высветило простиравшиеся за городскими пределами останки Летней Ярмарки. На покосившихся ступеньках, ведущих в помещение для стражников, кто-то сидел, обхватив руками взлохмаченную голову и раскачиваясь взад-вперед. Сидящий еле слышно подвывал, и тонкие хнычущие звуки резали утреннюю тишину, как раскаленный над огнем нож — кусок мягкого масла.

Приближение всадников заставило человека на крыльце встрепенуться, оказавшись молодой женщиной, выряженной в какую-то нелепую одежду из мешковины. Она выглядела бы привлекательной, не будь ее лицо таким заплаканным и искаженным недавними страшными воспоминаниями. При виде отряда девушка попыталась убежать, но ее ноги подкосились и она неловко шлепнулась на четвереньки.

— Нейя! — Дженна, первой опознавшая бывшую подругу короля Пограничья, прыгнула на землю и едва ли не бегом устремила через площадь к девушке. Та по-прежнему сидела на корточках, опасливо, по-звериному косясь на приближающуюся женщину. — Нейя, что ты здесь делаешь? Ты меня узнаешь?..

Дрожащая рука Нейи Раварты поднялась, на-



стойчиво тыча в молчаливую башню городских ворот. Удивленная Зенобия повернулась в указанном направлении, недоуменно шаря взглядом по каменным зубцам и деревянным балкам, пока не уперлась в шест флагштока. Тот слегка согнулся под непривычной тяжестью — вместо знамени, с гербом страны на нем грузно обвисло человеческое тело.

— Он сам так решил, — с лихорадочной поспешностью забормотала Нейя, словно оправдываясь за чужой поступок. — Его никто не заставлял. Она велела ему уйти, а он не захотел. Сперва долго бродил туда-сюда, спорил сам с собой, потом отвязал веревку и... и... — слова перешли в неразборчивое икание.

— Я его знаю, — монарх Аквилонии какое-то время пристально смотрел на висельника. — Дознаватель Рэф, помощник покойного ширрифа. И предводитель звериной оравы, как я понимаю. Неужто совесть проснулась? Ну, поделом ему...

— Считается, будто волчья стая признает существование только одного вожака, — подал голос магик Крэган, старавшийся держаться в отдалении. — С приходом госпожи Ричильдис оборотням пришлось выбирать, кому отдать первенство: ей или этому человеку. Скогры предпочли Ее милость — может быть, она одержала верх в каком-то поединке... а его, похоже, просто лишила дара перевоплощения. Человеческий разум, лишенный звериной составляющей, ужаснулся содеянным и толкнул бедолагу на само-



убийство. Могу я узнать: вы собираетесь и дальше преследовать госпожу Ричильдис... или все-таки нет?

— Снимите его оттуда, — хмуро распорядился Конан, сделав вид, что не расслышал вопроса гиперборейца.

Пока троица спешно поднимавшихся на башню гвардейцев отвязывала труп неудачливого вожака Карающей Алани, другие выглянули за ворота, принеся неожиданное известие: «Всадники на тракте!»

По пустынной дороге, уводящей на Восход, к пределам соседней Бритунии, и в самом деле кто-то скакал — не меньше десятка человек галопом приближались к городским стенам. Храпели загнанные кони — похоже, отряд ехал, не задерживаясь на ночевки и только меняя лошадей. Пыль и грязь мешали различить отдельные лица, но имя того, кто первым достиг поверженных Бронзовых ворот, Аквилонский Лев и его супруга угадали безошибочно, назвав едва ли не в один голос:

— Тотлант!

Киммериец уже сделал шаг навстречу накопец-то вернувшемуся давнему другу, но Зенобия удержала его на месте, подозрительно вглядываясь в остальных приезжих. Пятеро из них королеву не интересовали. Судя по нашивкам и гербам, это всего лишь разъезд дорожной стражи, сопровождающий королевского мага Пограничья. Гвардейцы с недоумением оглядывались по сторонам — стало быть, слухи о творящихся в



Вольфгарде безобразиях еще не успели стать всеобщим достоянием.

Но те двое, что прибыли вместе с Тотлантом... Молодой человек и долговязый мужчина в развевающемся плаще оттенка дорогого малахита... Юноша, заметив правителя Аквилонии, изменился в лице и торопливо сдернул с головы заливчатски нахлобученный берет, чудесным образом преобразившись в девуцу-подростка — зеленоглазую, по-копачьи грациозную и обманчиво хрупкую.

— Баронетта дия Монброн! — интонации Дженны Канах были вполне способны заморозить бурную реку в разгар лета. — Мне смутно припоминается, будто вашей особе надлежало оставаться в Тарантии. Если ты появляешься здесь, за сотни лиг от Аквилонии, — короткий взмах руки пресек робкую попытку девушки заговорить, — значит, тому имелись веские причины. Одно из двух: либо Коннахар отослал тебя с поручением, либо принц сам присутствует где-то неподалеку. Изволь объясниться.

— Госпожа Зенобия... — баронетта в отчаянье оглянулась на сопровождающего, однако тот не спешил прийти ей на помощь. — Клянусь, мы не хотели ничего плохого... Не думали, что все обернется именно так... — окончательное пав духом, девушка отвела взгляд и пробормотала: — Мы все исправим...

— Исправите, как же; — презрительно фыркнула королева, и тут ее супруг, наконец-то удосужившийся как следует рассмотреть неожидан-



ных утренних визитеров, рывкнул во всеуслышанные:

— Да будь я проклят! Это ж Рабирийский Изумруд и... нет, все, что угодно — демоны, скогры, злобные колдуны — только не ты!.. Йен, Тотлант, скажите, что мне мерещится!..

— Не мерещится, к сожалению. Это именно я, — сказал хриловатый язвительный голос. Рука в перчатке поднялась, откидывая капюшон плаща. Под ним скрывалось не лицо, но личина — кожаная маска цвета старого красного дерева. Через прорезанное слева круглое отверстие блеснул яркий серый зрачок. — Похоже, мы, как всегда, вовремя — вы и сами прекрасно управились.

* * *

Поразительные известия обрушивались на обитателей коронного замка одно за другим, распространяясь, словно круги по воде от брошенного камня. Однако никому из облегченно переведших дух горожан не пришло в голову навещать в нижний подвал крепости, дабы изведать находившуюся там особу о внезапной перемене участи Цитадели и ее защитников.

Поэтому волшебница Ренисенб эш Шарвин по-прежнему оставалась в неведении, также как и двое маявших под закрытыми дверями стражников гарнизона. Те уже полночи дожидались, когда магичка наконец уразумет: ширриф столицы Пограничья окончательно и бесповоротно



мертв. Трудновато выжить после близкого знакомства с когтями безумного оборотня. Собственно, месьора Грайтиса Дарго собирались хоронить еще минувшим вечером, чему воспрепятствовало сперва нападение скогров, а затем — внезапный и яростный протест госпожи эш'Шарвин. Сперва она распорядилась перенести покойника в каземат, соседствующий с устроенным в подвале ледником для хранения провизии, а теперь еще и сама там заперлась!

Мерзнувшие в коридоре караульные сошлись на том, что стигийка от пережитых треволнений слегка тронулась умом, и теперь спорили: что именно она собирается учудить. Старший настаивал, будто колдунья задумала набить из покойного ширрифа чучело, дабы поставить его у себя в комнате. Более молодой и потому склонный к преувеличениям утверждал, якобы сам видел, как магичка несла с собой зловеще побрякивающий мешок, доверху заполненный всякими колдовскими штучками. Вдруг она решила уподобиться гиперборейским чернокнижникам и сейчас пытается вернуть мертвеца к жизни? Надо бы сбегать наверх да доложить кому-нибудь. И еще кликнуть подмогу — вытащить стигийку из подвала, а бедолагу ширрифа похоронить, как он того заслуживает.

— Госпожа, а госпожа! — старший гвардеец решительно замолотил в низкую дверцу. — Будет вам убиваться-то, а? Добром прошу — вылазьте оттуда, покуда сами в ледышку не превратились!



Поскольку изнутри упрямо отмалчивались, стражник отъахивался пригрозить:

— Двери-то ведь и выломать можно... Ну помер человек, что с этим поделаешь? Знаете, сколько этой ночью народу полегло?

— Знаю, — глуховато донеслось из-за створки, заставив младшего караульщика от неожиданности прикусить язык. — Обождите еще немного... я скоро выйду.

Вопреки догадкам гвардейцев, Ренисенб эш'Шарвин не творила ничего из приписываемых ей жутких козней. Она просто сидела на давно охромевшем табурете, порой ежась от холода. Чадивший факел, воткнутый в бронзовое кольцо на стене, освещал сводчатый потолок, стены с влажными потеками и лежавший на двух сдвинутых вместе скамьях продолговатый предмет, весьма схожий с зашитым в погребальный саван человеком. Магичка разрезала и откинула в сторону кусок холста, закрывавший голову, и упрямо вглядывалась в застывшее, удивительно спокойное лицо с прикрытыми глазами.

Наконец она сдалась, пробормотав на своем родном наречии:

— Довольно. Чудес не бывает. Мертвое должно пребывать мертвым, и когда-нибудь мы все встретимся на одном перекрестке. Обещаю, что приду туда не одна.

Колдунья с трудом встала, дуя на озябшие руки. Подошла к скамье, намереваясь прикрыть лицо мертвеца холстиной, но так и не решилась этого сделать — сколько она знала Грайтиса



Дарго, тот всегда предпочитал видеть любую приближающуюся опасность.

Госпожа Ренисенб уже стояла у дверей, отодвигая тяжелый засов, когда случилось то, чего она напрасно ждала почти всю ночь.

Младший стражник, мельком глянувший через плечо женщины, икнул и попятился, беззвучно открывая и закрывая рот. Его старший сотоварищ, втаскивавший в каземат сооруженные из пары жердин и старого мешка носилки, замер в этом неуклюжем положении, каким-то животным нюхом уловив позади себя легкое движение. Коротко треснула рвущаяся ткань, стукнула по полу ножка качнувшейся скамьи, невнятный, охрипший голос озадаченно спросил: «Где я?», и бесцельно шарившая в воздухе рука наткнулась на край носилок.

Рука выглядела вполне обычно — если не считать легкой синеватости на кончиках пальцев и ногтей. Гвардеец, впрочем, таких мелких подробностей не разглядел — ему показалось, будто он держится не за шершавую древесину наскоро обструганной жерди, а сдуру цапнул обледенелый стальной прут. Или раскаленную докрасна кочергу.

— Мальчик умер, — тихо сказали рядом. — Младший сын твоей сестры. Два года назад. Вильгарская тряпина. Он оступился, и его затянуло в болото. Не говори сестре. Пусть думает, что он решил убежать из дома и жить своей жизнью.

Стражник шарахнулся в сторону, одновре-



менно пытаюсь выругаться и воззвать к богам. Грайтис пристально смотрел через полутемную комнатуху на магичку, изо всех сил вцепившуюся в ободверину и заклинавшую себя не терять сознания.

— Это ты меня звала, да? — спросил ширриф. — Я все время слышал, но не мог ответить. Меня уносило течением реки, а ты стояла на берегу и кричала, что запрещаешь мне умирать. Рени, пожалуйста, не молчи. Мне все время мерещатся какие-то жуткие кошмары, и я больше не понимаю — сон вокруг или явь. Ты мне снишься? Или ты пришла со мной попрощаться? Неужели ты тоже умерла? Рени, скажи хоть что-нибудь, хоть одно слово!..

* * *

Никакой встречи давних друзей, само собой, не получилось. Во-первых, обстоятельства не располагали, во-вторых, король Аквилонии и Дженна Канах удрученно подметили, что никому, включая магов, не удастся одержать верх над временем. В суматохе дней как-то забывалось, что Тотлант из Луксура, придворный волшебник короля Пограничья — такой же смертный, как все прочие. Мысленно Зенобия прикинула, сколько же лет стукнуло магику. Получившееся число изрядно переваливало за полсотни. Прошедшие годы не осыпали его голову сединой (будучи уроженцем Стигии и соблюдая давние традиции своей родины, Тотлант предпочитал



срезать волосы под корень), но наделили лишним десятком морщин, добавили постоянной озабоченности выражению лица и изрядно притушили насмешливо-бодрый огонек, искрившийся в черных глазах волшебника. Он становился просто стареющим, уставшим человеком, обремененным не только высокой должностью при дворе, но еще и постоянными заботами о делах созданной им магической школы.

Что же до носителя кожаной маски, откликнувшегося на имя Хасты Рабирийца (являвшимся невесть когда и кем придуманным сокращением его полного имени Астэллар), то его своеобразная внешность не претерпевала никаких изменений — ни к худшему, ни к лучшему — вот уже на протяжении доброй половины столетия. Секрет такого постоянства крылся в ремесле Хасты (каковой, по утверждениям знающих людей, вполне мог считаться сильнейшим из магов нынешнего времени) и еще кое в каких удивительных причинах, известных малому числу его близких знакомых. Все они хором утверждали: лучше не пытаться вызнать тайны рабирийца и постараться смириться с тем, каков он есть. Королева Аквилонии, к примеру, считала, что Эллар по нраву и манерам чрезвычайно напоминает старого вояку в отставке — брюзгливого, нелюдимого, ехидного и высокомерного.

Однако увиденное подле Бронзовых ворот столицы Пограничья и по дороге к коронной Цитадели, кажется, поразило и его — Хасты после краткого приветствия не произнес ни едино-



го слова, только угрюмо косился по сторонам единственным уцелевшим глазом. Начавший же расспрашивать Тотлант оборвал себя на полуслове, стоило ему заметить свернувшийся на обочине труп убитого оборотня — первый из попавшихся магику на глаза в Вольфгарде — и далее уже молчал, лишь недоверчиво качая головой при виде очередной жертвы пронесшегося бедствия.

Молчаливая кавалькада, несколько увеличившись в размерах, потянулась обратно. Замыкала шествие громыхавшая по мостовой повозка, позаимствованная у одной из разоренных лавок Летнего Торжища, куда уложили тело покойного дознавателя Рэфа. Рядом с тележкой, прихрамывая и держась за низкий бортик, ковыляла Нейя Раварта. Она, похоже, отчасти понимала, куда ее ведут, но упрямо отказывалась занять место на лошади позади одного из гвардейцев.

Мимо проплывали дома, порой накрепко запертые изнутри, но чаще — с сорванными ставнями и болтавшимися на одной петле дверями, черными провалами окон, с пятнами крови, расплывшимися на досках крыльца, вытоптанными палисадниками и опрокинутыми изгородями.

Пусть скогры боялись открытого огня, но при их нападении на очередное жилище частенько случалось так, что опрокинувшаяся лампа либо разлетевшиеся из перевернутой жаровни угли воспламеняли устилавшую пол солому или плетеный коврик, и пламя быстро охватывало деревянные усадьбы. В Восходном квартале и



посейчас что-то продолжало гореть — порывы ветра приносили едкий запах гари и оседавший на стенах серый пепел.

В свете набирающего силу дня столица Пограничья здорово смахивала на город, претерпевший нашествие орды завоевателей, репивших, что поселение выпотрошено и пора отправляться на поиски новой добычи. Усиливая сходство, в разоренных домах, по обочинам улиц и на перекрестках лежали застывшие в последнем усилии тела — казалось, и после смерти они продолжают убежать, преследовать и сражаться.

У Оленьих ворот коронной цитадели откуда-то появилась вместительная подвода. Десяток стражников гарнизона вкупе с ополченцами спустились в сухой ров и выволакивали оттуда мертвецов. Распоряжался погребальными работами гвардеец в потрепанной черно-серебряной форме аквилонского двора. У входа в барбикен возвращающийся отряд поджидали двое: почтенного вида старик с клочковатой седой бородой и скорбной физиономией, а также мальчик-подросток лет двенадцати. Время от времени к ним присоединялся третий — брат Бомбах, грузный пожилой монах митрианского ордена, в кольчуге поверх коричневой замызганной рясы и с рукой на перевязи. Мальчика снедало нетерпение, и за короткое время ожидания он успел трижды взобраться на площадку надвратной башни и переполошить караульных ложной тревогой. Угомонился Лаэг Канах только после резкого внушения, сделанного хмурым старцем. Устроился на



цоколе башни, поддерживающей мост, и сидел там, изредка бросаясь камешками в ворон, нацеливавшихся позавтракать мертвыми защитниками крепости.

Мальчик рассчитывал стать первым, кто заметит появление аквилонского монарха и его свиты, и в итоге добился таки своего. Достопочтенный Озимандия еле успел изловить своего беспокойного подопечного прежде, чем тот кинулся через мост, навстречу отцу и матери, выкрикивая на бегу:

— Она нашлась? В замке ее точно нет, мы везде посмотрели!

— Ричильдис ушла вместе с Карающей Дланью, — вполголоса сообщила Зенобия Канах, обращаясь скорее к старому чародею, чем к собственному отпрыску. Принц немедленно оценил поступок сестры бодрым заявлением:

— Я же говорил, Дис точно спятила! С чего бы — она вроде не оборотень? Айлэ, мое почтение! Ты откуда взялась? А где Конни, прячется под твоей юбкой?

Баронетта Монброн, отчаянно старавшаяся поменьше обращать на себя внимание сильных мира сего, метнула в наследника Трона Льва яростный взгляд, не возымевший никакого толку — Лаэг уже отвернулся, заинтересовавшись новоприбывшими.

— Что здесь такое происходило? — потрясенный Тотлант наконец обрел дар речи и с трудом слез с седла, дабы поближе рассмотреть мертвого скогру, только что извлеченного из-под кучи



тел на дне рва. Горожане, признав вернувшегося магика, приветствовали его короткими кивками и расступились, пропустив стигийца к распластанной в пыли твари, похожей на помесь лесной кошки и огромной саранчи. Покрытый коркой засохшей крови череп существа почти развалился на две половинки после сокрушительного удара топором или секирой, переломанные лапы торчали в разные стороны, как у еще не доделанного огородного чучела. Отобрав у ближайшего могильщика грабли на длинной рукояти, Тотлант зачем-то потыкал ими тушу оборотня: — Откуда взялись эти жуткие животные? Подобного не существует... просто не может существовать!

— Это скогра, — с видом мудреца, делающего одолжение и разъясняющему нерадивому ученику самые простые вещи, растолковал Крэган из Халогии. — Самый обыкновенный и зауряднейший скогра, в каковых за последние два дня обратилась добрая половина жителей славного города Вольфгарда, имевших несчастье родиться в народе Карающей Длани. Наименование «скогра» означает человека — в данном случае, оборотня, — не способного управлять своим рассудком. Этот образчик скончался от не слишком бережного обращения с его головой, но в окрестных лесах, полагаю, отыщется несколько сотен вполне живых.

Тотлант пробормотал что-то маловразумительное, продолжая разглядывать дохлое животное — теперь уже не ошарашено, а изучающе, слов-



но прикидывая, какие изыскания провести над удивительной тварью. Когда магика окликнули, он, не поворачиваясь, отмахнулся — мол, езжайте, я буду следом.

* * *

Благочинную картину прибытия короля Аквилонии и его спутников несколько испортило непредвиденное обстоятельство, имевшее облик молодой женщины — темноволосой, смуглой и разъяренной до того опасного предела, когда разум отказывается руководить поступками человека. Женщина вынырнула из стрельчатой арки дверного проема, хищно огляделась, и, не произнеся ни единого слова, бросилась на гиперборейского колдуна, только что покинувшего седло и стоявшего к ней боком.

Крэган успел заметить стремительно приближающуюся фигуру и вскинул руку — то ли готовя заклятие, то ли просто от неожиданности. Коротко и ярко блеснуло тонкое лезвие, магик взвыл, тряс кистью, с которой летели алые капли, а в следующий миг нападавшую крепко ухватили за руки: с одной стороны подскочил кто-то из замковых стражей, с другой — монах-митрианец, примчавшийся узнать последние новости. Незадачливая покусительница выронила стилет, коим намеревалась оборвать жизнь Крэгана, и клинок звякнул на камнях.

— Такова нынче плата за добрые дела, — скорбно обратился к окружающим гиперборец,



с удивлением взирая на украсивший его запястье узкий порез. — Дорогая Рени, чем вызвана подобная неприязнь? Вроде мы с тобой не ссорились, а вовсе наоборот — понимая твое затруднительное положение, я согласился протянуть тебе руку помощи...

— Ты!.. — Ренисенб задохнулась, не находя подходящих слов. — Ты!.. Что ты наделал?!

— Всего лишь выполнил твою настоятельную просьбу, — Крэган извлек откуда-то чистый лоскут, с показным тщанием промокнув небольшую ранку. — Тебя что-то не устраивает? Ты ведь просила жизни для своего приятеля — ну так я честно выполнил свою часть нашего маленького соглашения. Или ты намерена во всеуслышание объявить ширрифа Дарго мертвым?

Госпожа эш'Шарвин возмущенно открыла рот... зажурилась, словно пораженная внезапно пришедшей ей в голову мыслью... и промолчала, обмякнув на руках удерживавших ее людей. От коновязи, привлеченная криками и суетой, спешила группа во главе с Конаном.

— Что еще? — не скрывая раздражения, рявкнул киммериец. Меньше всего правителю трона Льва хотелось сейчас разрешать склоки между волшебниками, каковых теперь в Вольфгардской цитадели собралось аж целых пятеро, то есть ровно на пять человек больше, чем нужно. — Что на сей раз не поделили? Кого объявить мертвым, пожри вас Змееликий?!

— Похоже, меня, — в общей сумятице никто не заметил, как по ведущей из подвалов лестни-



це с трудом поднялся какой-то человек и остановился подле повозки с трупом дознавателя Рэфа, скорбно качая головой.

Нейя Раварта, завидев незнакомца, испуганно шарахнулась в сторону, издав тонкий скулящий звук, как встревоженное животное. Среди зевак, толпившихся возле ворот барбикена и замковых служб, пролетел усиливающийся шепоток:

— Это ведь ширриф Грайтис Дарго, чтоб мне провалиться!

— Но он же мертв! Три дня тому скогры его заели!

— Какой, к демонам, мертв! Живой — вишь, ходит... говорит!

— У гиперборейцев тоже один ходил, я того видал...

— И точно! Заступники небесные, умрун! Ой, что будет...

— Не место мертвецам среди живых! Изыди, колдовское отродье! — последний возглас принадлежал Бомбаху.

Узрев чудесно вернувшегося с Серых Равнин ширрифа, митрианец насупился, выпустил локоть магички и потянулся к болтавшемуся поверх кольчуги тяжелому позолоченному амулету в виде солнечного диска, являвшемуся признаком его духовного сана. Ренисенб взвизгнула и попыталась удержать монаха. С равным успехом она могла бы останавливать начинающуюся лавину силой взгляда. Тогда она рванулась и закрыла Грайтиса собой, отчего занесенный для удара амулет-кистень нерешительно закачался в воздухе.



Сам предполагаемый умрун отнесся к происшествию совершенно равнодушно. Казалось, все его внимание поглощено созерцанием тела бывшего напарника, большой нелепой куклой вытянувшегося на дне подводы.

— Вот оно как, значит, — монах набычился, распаляя себя перед грядущим сражением во имя веры, и пристально, недобро уставился на стигийку. — Твоя работа, госпожа, аль с гиперборейским чернокнижником стакнулась? Добро, магичка, по своей воле избрала ты Тьму, в коей и пребывать тебе до конца дней и после оного! Любись теперь с мертвяком, что одним глазом в наш мир глядит, а вторым во мрак смертный! Обнимайся напоследок с ходячим покойником, прежде чем его опять могила примет, а тебя за ведьмовство на костер отправят! Ну, опомнись, госпожа, отойди-ка, дай мне...

— Пр-рекратить! — зловеще процедил король Аквилонии. Воинственный звонарь вздрогнул и словно бы съежился, а в наступившей тишине отчетливо зазвучал ровный усталый голос.

— Во-первых, достопочтенный святой брат напрасно торопится причислить меня к мертвецам, — произнес Грайтис Дарго. — Во-вторых, если еще кто-нибудь вздумает обвинять госпожу эш'Шарвин в занятиях некромантией, тот очень горько об этом пожалеет, я клянусь в этом всеми богами. И незачем так угрожающе размахивать митрианским символом, брат Бомбах, это все-таки не кистень, хоть ты и повадился обращаться с ним неподобающим образом. Полагаю,



он освящен? Тебя убедит, если я возьму его в руку и не рассыплюсь при этом?

— Э-э... — замешкался с ответом святой брат, утратив на миг преимущество. Грайтис тем временем вынул из руки монаха позолоченную цепочку с увесистым диском, положил к себе на ладонь и держал так с десятков ударов сердца, закрыв глаза и отчего-то медленно бледнея лицом. Шепот среди толпы перерос в отдельные довольно отчетливые выкрики:

— А шуму-то, шуму... поторопились хоронить, похоже... Дались тебе умруны, Бомбах! Не тронь ширрифа!..

— Удостоверился? — Грайтис вернул талисман примолкшему владельцу, почти беззвучно, только для одного Бомбаха, добавив: — Теперь я знаю, отчего ты подался в монахи. Оставь Рени в покое, она ни при чем. Крэган обманул ее.

— Вы закончили? — прохладно осведомилась Зенобия. — Господа волшебники, каков будет ваш приговор — считать месьора ширрифа живым или мертвым?

— Разумеется, этот человек жив, — вмешался хранивший доселе молчание Хасти, с явным интересом созерцавший скандал в нижнем дворе Цитадели.

Крэгана случившееся изрядно позабавило, хотя он рассчитывал, что бестолковая стигийка и ее дружок обнаружат свалившуюся на них неприятность гораздо позже, уже после того, как он покинет Вольфгард. Однако появление Тотланта и странного незнакомца повергло его в со-



стояние изрядной тревоги. Плевое дело — состязаться в магическом умении с выгоревшей истеричной девицей и стариком-астрологом, но возможности внезапно нагрянувшего придворного волшебника были приблизительно равны талантам самого Беспалого. Что же до мрачного типа в странной кожаной маске, то о его способностях гипербореец даже не брался судить, чувствуя лишь, что одноглазый неизмеримо сильнее — к тому же совершенно непредсказуем и очень, очень опасен. Настолько, что Крэган предпочел бы находиться как можно дальше от него, лучше всего — по ту сторону Граскаала.

Интересно, кто это такой и что ему здесь понадобилось? И что за вещь спрятана в невзрачном кожаном мешке, намертво притороченном к седлу его коня? Вещь, содержащая Силу столь мощную, что взгляду посвященного она представляла пронзительно ярким алмазным сиянием? Опять же, приехавшая с верзилой и Тотлантом загадочная девица, чья сущность насквозь пропитана небывалой смесью лесной магии Рабиоров и дразнящего блеска Хаоса... По пути в Цитадель Крэган украдкой присматривался: нет ли у подозрительной незнакомки клыков. Таковых не обнаружилось, но создавалось впечатление, будто седмицу или две назад девчонку насильственно лишили исконного признака гулей. Как бы вызнать, что сейчас творится в Рабирийских холмах?..

— Жив, мертв — чума и оспа на вашу голову, магики! — взревел киммериец, тщетно пытав-



шийся разобраться, что за невнятное действо разыгрывается перед ним, но без его участия, и от этого изрядно взбешенный. — Хасти, объясни немедленно, что означает весь этот балаган! Крэган, если ты учинил какую-то очередную каверзу, клянусь секирой Крома, ты лишишься головы! Ну?!

— Конан... прошу прощения, Ваше величество... — рассеянно начал обладатель маски, как бы невзначай поворачиваясь к гиперборейцу, невольно пожившемуся под взглядом искрящегося зрачка цвета речной гальки, но тут же выругавшему себя за неуместную мнительность. — Сей достойный муж, безусловно, жив. И, возможно, проживет еще много лет... Эш'Шарвин, — верзила приязненно кивнул стигийке, точно давней знакомой, — отчего это с тобой вечно приключаются какие-то неприятности? Ладно, на сей раз я могу оправдать твой просчет — не каждый сумеет безошибочно опознать Разделение Душ, да и знающих это заклятие можно пересчитать по пальцам. Я полагал, его давно не используют, но вот отыскался же умелец... Видите ли, Ваше величество, мы зрим перед собой последствия деяния Крэгана из Халогии...

Конан зарычал и бросил руку к секире. Праздные зрители, чуя высочайший гнев, брызнули в стороны, не дожидаясь, пока прольется кровь. Однако Хасти отрицательно качнул головой.

— Не торопись и дослушай. Да, гипербореец впрямь спас ширрифу жизнь, однако в лучших



традициях Белой Руки услуга оказалась с подвохом. Проще говоря, заклятие, коим Грайтиса Дарго вернули с Серых Равнин, прочно и навсегда объединило его жизненную силу с силой Ренисенб эш'Шарвин. Пока жива она — жив и Грайтис. И наоборот. Заболеет стигийка — будет страдать и ее приятель. Они должны все время находиться поблизости, иначе связь ослабнет, и оба превратятся в бессильных калек... Не очень приятная штука, должно быть? Представляю, как у тебя сейчас все болит, Ренисенб. К тому же вернувшийся с Серых Равнин подчас видит... очень скверные вещи, коих живому знать не положено. Ведь я угадал, милая?

Магичка вымученно кивнула.

— Итак, с одной стороны, ты выполнил некое соглашение, вернул к жизни хорошего человека, не тебе, поганцу, чета, — рассуждал одноглазый, обращаясь уже непосредственно к Беспалому, внезапно ощутившему противную слабость в коленях. — К тому же, хоть по всем законам на земле королевства Пограничного тебе полагается сидеть в кандалах под замком, за какие-то заслуги Его величество позволяет тебе пользоваться некоторой свободой. Следовательно, снести тебе башку с плеч было бы не совсем правильно... хотя и заманчиво.

— Но, с другой стороны, ты ведь ничего не делаешь просто так, Крэган из Халог, — паразитительно доброжелательным тоном продолжал Хасти. — Сама магия Круга Белой Руки, в котором ты занимаешь далеко не последнее место,



такова, что любое заклятие неизбежно обращается во зло, даже если изначально преследует благие цели. И ты прекрасно осведомлен об этом, ибо нельзя не причинять вред, черпая силу из мира мертвых. Вот и сейчас ты, мерзавец, — голос мага удивительным образом изменился, в нем лязгнул металл, — обрек этих двоих на своего рода проклятие. Признаюсь, я не в силах уничтожить его, не убив тем самым тебя, Ренисенб, или твоего друга. Зато в моих силах совершить кое-что иное. Я прикую некоего предприимчивого гиперборейского колдуна к цепи, которую он сам же и создал. Отныне ты, Беспалый, будешь очень внимательно присматривать за их здоровьем и благополучием, ибо все плохое, что случится с ними, произойдет и с тобой. А вот тебя можно будет прикончить без малейших последствий для этих замечательных людей. И если кто-нибудь, когда-нибудь поймает тебя на злом деле — Ренисенб, Грайтис, слышите? — то я не только разрешаю, но настоятельно советую раздавить Крэгана из Халог, как ядовитую гадюку. Крэган Беспалый, ты разжалован. Я лишаю тебя Силы.

— Это прямое нарушение Устава о Колдовстве Искусстве! — выкрикнул Крэган, тщетно пытаясь расправиться с паникой, запустившей свои цепкие корни к нему в душу. — Кто бы ты ни был, ты не принадлежишь к нашей школе и нашему Кругу, следовательно, не имеешь права угрожать мне. Если тебя возмущают мои действия, обратись со своей жалобой к Старейшинам



Круга, но имей в виду — эта женщина сама попросила меня о помощи!

— Конечно, конечно. Так ведь и я стараюсь только для твоей же пользы. Вдруг ты еще не совсем потерял для человечества? — бесстрастная маска кивнула и отвернулась, словно бы потеряв всякий интерес к гиперборейцу, лихорадочно вспоминающему защитные заклятья, собирающему силы, воздвигающего щит за щитом.

Беспалый ожидал чего угодно, только не внезапно обрушившегося на него потока безостановочно струящейся черноты, перевитой алыми вспышками и острым нестерпимым мерцанием, вроде игры солнечного света на гранях драгоценного камня. Поток с легкостью разрушил все преграды, возведенные Крэганом, поглотил его и увлек за собой, как разлившаяся река в половодье уносит выстроенные на ее берегах дома. Гипербореец успел подумать, что никогда ранее не сталкивался с подобной разновидностью магии — древней и вечно юной, ни от чего не зависящей, не заимствующей силу стихий или темное могущество Нижних Сфер, устрашающей и притягивающей одновременно. Если в старинных летописях сохранилась хоть доля истины, таким могло быть пресловутое колдовство альбов — веселое и жестокое, игристое, как молодое вино, естественное, словно дыхание, и неподвластное никому, кроме своих творцов. Неудивительно, что в нынешние времена тяжеловато найти средство одолеть подобную волшебную.

«Но я найду на тебя управу. Не сейчас, так



позже», — из последних сил пригрозил Крэган неведомо кому, постепенно погружаясь в клубящийся мрак, навстречу обитающим в его глубинах загадочным созданиям.

Те, кто к этому мгновению оставались подле Конана, созерцали происходящее в немом изумлении.

— Что это с ним? — брезгливо спросила Зенобия, заметив, как магик из Халогии пошатнулся и, свершив неуклюжий полуоборот, плюхнулся на каменные ступеньки. Физиономия Крэгана приобрела багрово-сизый оттенок, он отчаянно разевал рот, но выпускал вместо криков сильное поскуливание. — Никак умирает?

— Всего лишь платит малую часть своих долгов, — пожал плечами Хасти. — Будет лучше, если этого человека поместят под замок. Конечно, его жизнь сейчас в твоей воле, — добавил раб-ириец, заметив неприязненный взгляд короля Аквилонии, брошенный на скрючившегося в судорогах колдуна, — можешь казнить его, если хочешь. Но теперь я вырвал жало у скорпиона, и он более не опасен — а легкую смерть, чего доброго, сочтет за благо...

— Нам нужно поговорить, — не дослушав, перебил Конан. — Причем немедленно и без лишних ушей. Только ты, я и Йен. Галтран! — сотник изрядно поредевшей гвардии Черных Драконов возник беззвучно и почти бесшумно, словно бы соткался из воздуха. — Разгони всех по местам, нечего глазеть и бездельничать. Скажи людям: осада снята, но покидать замок пока ра-



но. Если этот их полумертвый пирриф в силах соображать, пусть изыщет мне хоть кого из придворных Эклинга, чем выше рангом, тем лучше. Гиперборейца суньте куда-нибудь, чтоб был под присмотром. И в кандалы его, заразу, нет у меня более для него ни терпения, ни милосердия... Найди комнату для баронетты Монброн. Изумруд! — девушка встрепенулась и осторожно приблизилась. — Марш отдыхать, потом я с тобой потолкую.

— Ваше величество, — вопрос сотника остановил Конана, уже повернувшегося уходить, — что прикажете делать с... э-э... висельником?

Смысл вопроса дошел до короля не сразу. Киммериец невольно бросил взгляд на подводу, на дне которой, накрытое холстиной, покоилось тело Рэфа из Ильгорта, бывшего квартального дознавателя и неудачливого вожака Стаи, потом понял и побагровел.

— С висельником?! Зажарить с луком, прах тебя побери, и подать к ужину! Зачем вообще вы волокли его в замок?! Проклятье! Заройте где-нибудь во рву, и дело с концом!

...Еще недавно в этой небольшой и уютной зале, надежно защищенной от чужих глаз и ушей, Конан с семьей и Эртель со своей подружкой коротали вечера в застольных беседах. На сей раз за дубовым столом собрались трое, и разговор предстоял не самый приятный.

Едва за ними закрылась дверь, киммериец опустился в кресло и потребовал, хмуро глядя на одноглазого мага:



— Рассказывай.

Прежде чем начать свою повесть, маг развязал тесемки на невзрачном кожаном мешке, и внезапно серые каменные стены озарились яркими бликами.





Часть 1. Отблески былой славы

Глава первая Случайный ветер



10 день месяца Таур
7853 года от Падения Цитадели
(По счету людей — 24 день Первой летней луны
1313 года по основанию Аквилонии).

Ничто не нарушало покоя в лощине, дремавшей между холмов и полого нисходившей в зарастающее ряской озерцо. Вырастала и опадала листва, порой шел дождь и никогда — снег, бывшее озеро превратилось в стоячее болотце, изредка через долину пробегало лесное зверье, и снова все замирало, не замечая, как мимо струятся дни, складываясь в десятилетия и века.

И внезапно зазвучавший в утреннем тумане мелодичный перезвон поначалу вроде не предвещал никаких бедствий. Так могли бы брэнчать



колокольчики на лошадиной сбруе... если не принимать в расчет, что никакие всадники давненько не навевались в этот позабытый угол.

Звон становился громче и отчетливее, пряди белесого тумана потекли вниз и вверх по лощине, словно живые боязливые существа, почуявшие близость хищника. Из открывшегося просвета брызнула небесная голубизна, мгновенно налившаяся темной синью, пронизанной бледно-розовыми и золотистыми вспышками.

Загадочное сиреневое пятно распласталось на высоте пяти или шести локтей, весьма напоминавшая дверь со скругленными краями — дверь, лишенную петель и оставленную болтаться в воздухе — затем взбурлило, потемнело и извергло из себя длинную темную фигуру, с громким плеском канувшую в болотце. Перекрывая панический лягушачий хор, над растревоженной поверхностью разнеслось скверное ругательство.

Низринув незнакомца в трясину, портал не успокоился. Несколько мгновений магическую дверь сотрясали мучительные корчи, мерцающий овал судорожно съежился и наконец выплюнул еще одно человеческое существо, после чего скрутился в некое подобие водоворота, всхлинул и исчез.

— ...Что за балаган! Я промокла! Ни единой сухой нитки, вся зеленая, от меня хлебом песет, проклятье, мор и разорение! У меня жаба в сапоге! Тут наверняка полно пиявок! Какого демона, куда нас занесло, почему я здесь?..



Случись поблизости замковая стена, разгневанные вопли баронетты Монброн, пожалуй, просверлили бы в ней изрядную дыру. Впрочем, основания для недовольства у Айлэ имелись — после болотного купания смотреть на красавицу-рабирийку без содрогания было невозможно. Одноглазый маг, коего друзья звали Хасты, а ученики называли уважительно — Эллар, во всяком случае, старался не смотреть. Сам он выглядел еще похлеще, поскольку Айлэ дия Монброн приводилась прямоком ему на голову. Одежда на обоих собратях по несчастью прилипла к телу, как вторая кожа, и позеленела от тины и грязи, делая мага и его случайную спутницу похожими на парочку водяных.

— Поттише, дитя, — хмуро присоветовал Эллар, наблюдая, как девушка скачет на одной ноге, пытаюсь стянуть с другой высокий сапог — в который, по ее уверению, забралась жаба. — Слышат нас или нет, мне плевать, но от твоих воплей у меня в ушах звенит.

— Поттише? *Поттише*?! Подумать только, я, баронетта дия...

— Хватит, говорю! — повысил голос маг. У него самого на языке крутились словечки куда более крепкие, но сыпать проклятиями в присутствии женщины не позволяло воспитание. — Клянусь, я понятия не имею, что произошло! Тебя здесь не должно было быть! Но уж раз ты есть, отойди за кусты, разденься до исподнего и приведи себя в порядок. На тебя и смотреть-то страшно.



Он с отвращением оглядел зеленые ручейки, стекающие с рукавов и полы плаща, присел на замшелый гранитный валун и принялся деловито разоблачаться. Первой на землю упала маска из мягкой кожи, немедленно слипшаяся в неприятный скользкий ком. Увидев лицо, доселе неизменно скрытое под маской — чеканный профиль старого вояки на покое, если смотреть слева, и жуткая серо-красная мешанина, след чудовищного и на вид совсем недавнего ожога, справа — Айлэ тихонько ойкнула и немедленно скрылась за кустом акаций, плотной колючей стеной обступившей маленькое озерцо.

Оставшись в одиночестве и раздевшись почти догола — сторонний наблюдатель подивился бы внушительному набору шрамов, — маг отжал и встряхнул ставшую отвратительно скользкой одежду, разложил ее на траве и произнес короткую, странно звучащую фразу. Послышалось негромкое шипение раскаленного металла, брошенного в холодную воду, взметнулось маленькое облачко пара. Рабириец недовольно покачал головой и принялся одеваться вновь. Одежда, поднятая с травы, оказалась сухой и даже источала сухой жар, словно только что из-под утюга.

— А мне? — сказали в кустах. — Я что, не человек?

— Нет. Ты гуль, — буркнул маг, но ворох мокрых тряпок, протянутых из-за ближайшей акации тонкой девичьей рукой, все же взял. Спустя мгновение длинное темно-красное платье, нижняя рубаха из тонкого льна и мягкие са-



пожки из телячьей кожи вернулись к хозяйке сухими, однако вместо благодарности Айлэ наставительно сообщила:

— Между прочим, мой отец говорит, что использовать высокое магическое искусство для столь презренных целей есть не что иное, как...

— А еще разок искупаться не хочешь? — рявкнул рабириец, хотя, в общем-то, был согласен с Монброном-старшим. — Вот что, дева: здесь на пол-лиги вокруг никого, кроме нас двоих...

— Откуда вы знаете?

— ...никого, кроме нас, говорю, так что погуляй поблизости или посиди тихонечко, размышляя о вечном, только не беспокой меня самое малое четверть колокола, во имя Всеединого! Мне надо подумать.

Изящная фигурка в алом платье (с коего несложное закливание устранило влагу, но, увы, не смогло полностью уничтожить безобразные кляксы ила и болотной ряски) появилась на берегу даже несколько позже указанного срока.

— Я... можно? Там кое-что интересное... вы должны посмотреть. Это рядом... Я не мешаю?

Рабириец, прижмуря единственный глаз и сторбившись, неподвижно сидел на валуне, похожий на пиктского каменного идола. Он негромко бормотал себе под нос, время от времени принимаясь высчитывать что-то на пальцах. Вопрос заставил его раздраженно крикнуть.

— Мешаешь. Впрочем, мне все равно ничего не придумать. Что там еще?



Идти и впрямь оказалось недалеко — шагов сто. Собственно, если б не ивы и густой кустарник, окружившие болотце непроницаемой для взгляда стеной, находку баронетты дна Монброн можно было бы заметить, не сходя с места. Остатки невеликой сторожевой башни, некогда сложенной из тщательно отесанных блоков желтого камня, а теперь превратившейся в оплетенные вьюнком руины, вздымались из зарослей крапивы и чертополоха. Две бесформенные груды булыжника неподалеку, скорее всего, означали ворота. С первого взгляда становилось ясно, что нога человека не ступала здесь самое малое лет двести. Эллар встал рядом с воротами, потирая лоб и явно пытаясь что-то сообразить, Айлэ, в зеленых глазах которой горел азарт, нетерпеливо расхаживала вокруг, шелестя подолом по жесткой траве.

— Ну что? — наконец не выдержала она. — По крайней мере, здесь живут люди!

— Вряд ли, — пробормотал одноглазый. — Ага, ворота здесь, башня смотрела скорее всего на что-то вроде проезжего тракта, значит... Нука, пойдем!

Он целеустремленно зашагал куда-то вглубь зарослей, оставив башню за спиной. Девушка устремилась следом, стараясь не цепляться рукавами за кусты и подобрав повыше длинное платье, столь неуместное в диком лесу. Спустя пару сотен шагов она и сама стала различать некое подобие узенькой тропинки, раньше, наверное, бывшей широким и ухоженным проездом.



И на сей раз путь был недолог, и рабириец, отступив в сторону, позволил своей спутнице полюбоваться открывшимся видом.

— Ух ты! — невольно вырвалось у Айлэ.

— Похоже, раньше здесь стояло огромное поместье, — задумчиво сказал одноглазый. Перед ними в неглубокой долине лежали развалины не то дворца, не то замка — во всяком случае, величественные руины поражали воображение даже теперь, когда корни деревьев разворотили фундаменты, стены рухнули и резные колонны затянул седой мох. Ключья тумана плавали над кучами битого камня, на чудом сохранившейся высокой арке скакал черный дрозд, иногда издавая переливчатую трель. Пахло, как пахнет в диком лесу, землей и хвоей, но к этим запахам примешивался еле уловимый аромат садовых роз — целые заросли розовых кустов, не ведавших ножниц садовника, скрывали одну из стен. — У болота я сидел на куске разбитой колонны, а само болото, наверное, когда-то было красивым прудом в парке... Это невероятная древность, Айлэ, здешним руинам по меньшей мере три тысячи лет. Люди здесь не живут. И никогда не жили. Пойдем назад, поищем дорожный указатель.

Лишь спустя полсотни шагов до Айлэ дия Монброн дошел смысл сказанного. Пораженная внезапной догадкой, девушка встала как вкопанная. Широкая спина рабирийца маячила впереди.

— Эй! — воскликнула баронетта дия Монброн. — Ты... вы... Что значит — «никогда не жили»? Кто же тогда это построил? Атланты? Пикты?



— Это альбийский замок, — не оборачиваясь, бросил маг.

Поскольку одноглазый и не думал останавливаться, баронетте пришлось догонять своего длинноногого спутника бегом. Это оказалось нелегким делом. Маг шагал быстрее, чем Айлэ в своем неудобном платье могла бежать.

— Да подождите же! — воскликнула она в полном отчаянии. — Вы что, не видите — я за вами не успеваю!

Маг остановился и обернулся столь внезапно, что Айлэ с разбегу уткнулась ему в твердую, как доска, грудь и поспешно отскочила.

— Меня зовут Хастии Рабириец, — сообщил одноглазый, глядя на девушку сверху вниз. — Называй меня попросту Хастии и, будь любезна, на «ты». Я не особа королевской крови... оно, пожалуй, и к лучшему. Что тебя смущает?

Они двинулись по тропе, идя рядом и уже гораздо медленнее, но баронетте все равно приходилось принакраиваться под широкую поступь рабирийского мага.

— Извини, что я раскричалась, — начала она. — Я была не в себе. Не всякий день случается провалиться в магические врата с выходом в болото с пиявками...

— Сама виновата, — пожал плечами маг. — Кто тебя просил соваться в портал?

— Никуда я не совалась! — возмутилась Айлэ. — Если ты не заметил, я вообще находилась от него дальше всех! Комнату затопил какой-то святающийся туман, потом меня, как котенка, схва-



тило, потащило... Раз! — я уже по горлышко в болоте! Ты просто не хочешь признаваться, что твое колдовство сработало как-то не так!

— Мое колдовство сработало как-то не так, — удрученно подтвердил рабириец. — Ума не приложу, что произошло. Такого просто не могло быть. Впрочем, я никогда раньше не открывал портал из Рабиров... Может, магия Забытых Лесов исказила мое заклинание? Или это сделала Стена Мрака? Впрочем, теперь гадать без толку.

— Да, но... — девушка вздрогнула от мысли, внезапно пришедшей в голову, — что если в портал затянуло не только меня? В доме была уйма народу: Конни, то есть принц Коннахар, Просперо, и все остальные...

— Ну, если бы мне на голову рухнул еще Просперо со своими войками... — хмыкнул маг. — Отвечаю просто: не знаю. Как видишь, *здесь* их нет. А вот не закинуло ли их куда-нибудь еще, сказать не могу. Однако меня гораздо больше беспокоит иное...

Он придержал упругую ветку акации, чтобы та не хлестнула девушку по лицу.

— Я намеревался отправиться за Проклятием Безумца. Портал должен был доставить меня вслед за ним, но не доставил. Я ощущаю какую-то магию, но очень странную. Пытаться ее определить — все равно что ловить солнечный зайчик. Кроме того, меня настораживает это место. Я его попросту не узнаю. Чувствую только, что мы где-то на Полуночи.

— Пограничье? Нордхейм? Полуденная Бри-



туния? — предположила Айлэ. — Я видела целые заросли можжевельника и дрока, слышала красную сойку... Вон торчит серокорый дубок, он, если верить запискам путешественников, растет только в Ронинском лесу и кое-где в Бритунии...

— А также в Ямурлаке и отдаленных областях за Граскаальскими горами, — пожал плечами Хасты. — И еще в Пиктских пущах. Кроме того, на руинах в изобилии цвел пурпурный выюнок, который вообще нигде в Хайбории не приживается, или пусть меня назовут недоучкой... И эти альбийские развалины... Вот, пришли.

— Что ты ищешь? — поинтересовалась Айлэ, глядя, как рабириец рыскает вокруг остатков ворот, согнувшись вдвое и похожий на большую нескладную цаплю.

— Если это ворота, поблизости наверняка есть ведущая к ним дорога, — пояснил одноглазый, носком сапога раздвигая траву, доходившую ему до пояса. — А обычай ставить указатели у въезда в поместье, как я знаю, сохраняется до сих пор. Это должен быть эдакий небольшой обелиск с высеченными надписями. Не стой же столбом, девица! В конце концов, у тебя в два раза больше глаз, чем у меня, отчего бы тебе...

— Вот этот? — ехидно перебила баронетта дия Монброн, тыча сапожком в нечто скрытое в траве. Одним прыжком рабириец оказался рядом и опустился на колени возле находки.

Четырехгранная стела высотой в три локтя



валялась на боку, покрытая толстым слоем мха. Когда одноглазый содрал мох и протер ладонью светло-желтый, с редкими розовыми прожилками камень, на одной из граней проступили глубоко врезы строчки, при виде которых Айлэ, заглядывавшая магу через плечо, недоуменно пожала плечами. Неведомый резчик, похоже, сделал надпись на двух языках и двумя различными наборами рун. Один, легкий и невесомый, с округлыми очертаниями полузнаковых букв, складывался в подобие изящного орнамента. Знаки другой надписи, куда более крупные и широко расставленные, походили на ползущих муравьев. Рабириец вдруг спросил странно замороженным голосом:

— Проверим, чему тебя учил Райан. Можешь перевести?

— Это староальбийский, — неуверенно начала Айлэ, тыча пальцем в верхнюю надпись. — Похожие руны иногда встречаются в старых фолиантах. Обычно ими записывают заклинания. Кажется, тайный язык Забытых Лесов произошел от староальбийского, на нем дают второе имя новорожденному... Я не могу уловить смысл, но вот это, по-моему, «путь», здесь «конь»... конный путь?.. Руны, напоминающие пауков или ломаные веточки, есть у граскаальских двергов...

— «Дворец Венаад», — тем же деревянным голосом произнес маг, и Айлэ поняла, что он-то читает на староальбийском свободно. — «Если ты друг, входи. Отсюда до Тулареана — двенадцать ферлонгов, до Предела Йаули — десять



ферлонгов. Высокий Альвар в двух днях конного пути к Полночному Закату. Да пребудет с тобой радость».

Дочитав, рабириец повел себя весьма удивительно — повалился на спину в мокрую от росы траву и истерически захохотал.

— И что же тут смешного? — сердито осведомилась Айлэ. Одноглазый хлопал ладонями по траве и обессиленно подвывал. Впрочем, девушке его веселье казалось отчасти наигранным и преувеличенным. — Ты имеешь в виду, раз названия насквозь незнакомые, мы все равно ничего не узнали, да?

— Ох, — сказал Хасти, вытирая случайную слезу, и как-то сразу посерьезнел. — Смешно, да... Девочка моя, мы попали в легенду. В сказку.

— И не девочка, и не твоя, — огрызнулась баронетта. — Объясни толком. При чем тут легенда и какая именно?

— Альвар, или иначе Высокий Альвар, а еще Потаенный Град, — скужающим тоном затынул Элар, по-прежнему лежа навзничь и закрыв глаз, — столица одного из Трех Племен альбов, сгинул во времена Войны Света восемь тысяч лет тому назад. Неизвестно в точности, что с ним стало. Одни говорят, его поглотили воды Закатного Океана. Другие утверждают, что Альвар был полностью уничтожен катаклизмом, последовавшим за гибелью Черной Цитадели Роты-Всадника. Вроде бы город провалился под землю, и все жившие в нем погибли. В общем, Альвара давным-давно нет на свете.



Какое-то время Айла переваривала услышанное.

— И... что дальше? — жалобно спросила она.

Одноглазый лежал молча, думая о чем-то своем. Затем, видимо, придя к определенному решению, шевельнулся и вдруг оказался на ногах.

— Дальше?.. Мы в краях, которых не сыщешь ни на одной карте. У меня достало бы умения открыть портал на королевский дворец в Тарантии, но я не хочу этого делать. Если из Рабиров нас выкинуло сюда, то под влиянием старой альбийской магии мы вполне можем переместиться на Закатный материк, притом по частям. Что же до Кары Рабиров, то ее здесь нет, я бы почувял. Следовательно, делать на руинах гостеприимного некогда Венаадда нам решительно нечего. Давай убираться отсюда.

— Но... куда?!

Эллар совершенно простонародным жестом крепко почесал в затылке, вздохнул и силкнул на медленно распрямляющиеся стебли.

— Когда не знаешь, куда попал, — мрачно заявил он, — иди в любую сторону. И непременно попадешь... куда-нибудь.

* * *

Первого альба они увидели к полудню, когда солнце забралось в зенит и начало припекать, а их собственные бледные тени, съежившись, барахтались под ногами. Изрядно поплутав по ле-



су, к этому времени путники уже не менее колокола бодро шагали по хорошо утоптанной тропе, упрятанной под нависшими кронами могучих дубов. В кустах трещали неведомые пичуги, красная сойка, следуя в некотором отдалении, громко возмущалась визитом непрошенных гостей, а однажды тропу с поистине королевским достоинством пересек великолепный олень. Затем под ногами захрустела галька, деревья кончились и солнечные лучи радостно накиннулись на странную парочку — долговязого верзилу с внешностью старого наемника, в дорожной одежде, линиям синем плаще и высоких сапогах, и девицу, явно из благородных, но со следами озерной ряски в густых черных волосах, в длинном платье из алого бархата с золотой отделкой, изрядно обтрепанном по подолу.

Альб стоял к ним спиной на краю прекрасно ухоженной делянки с аккуратными рядами не то салата, не то капусты и занимался странным делом. Вытянув перед собой руки ладонями друг к другу и подняв голову к безоблачному небу, он что-то бормотал нараспев, затем наклонялся, погружал ладони в жирную рыхлую землю и не спеша переходил к следующему ряду. Увидев его, Хасти толкнул свою спутницу в ростие на опушке густые и высокие кусты и сам нырнул следом за ней.

— Ты что?! — шепотом возмутилась баронетта. — Наконец-то к людям вышли! Давай хоть спросим, где мы!

— Провалиться мне на месте, — потрясенно



произнес маг, не обращая внимания на девушку, — это же альб! Живой, настоящий альб... не может быть!

— Крестьянин как крестьянин, — пожала плечами Айлэ. — Только чем он там занимается, не пойму.

Рабириец хмыкнул, что-то коротко прошептал и взмахнул ладонью перед глазами девушки. В тот же миг замершая в сотне шагов фигурка крестьянина, а также делянка, амбар и деревянный дом в отдалении прыжком приблизились, обретя очертания столь четкие, что Айлэ различила даже тонкий ободок серебряного кольца на пальце странного земледельца. «Орлиный Взор», простенькое заклятие, она могла бы произнести и сама — отец учил, а баронетта была не лишена магических способностей — но, конечно, результат был бы куда слабее. Айлэ взгляделась — и ахнула.

Издалека вполне можно было бы ошибиться, приняв встреченное существо за человека. Однако у людей не бывает заостренных ушей с вытянутыми мочками и необыкновенно узких ладоней с пальцами столь длинными, что, казалось, к ним добавлено по лишнему суставу. Альб выглядел жилистым и высокорослым, но никакой крепкости, свойственной тем, кто большую часть времени копается на грядках, не было и в помине, как и мозолей на руках. Едва прозвучало произнесенное шепотом заклинание, альб вздрогнул, точно его укололи булавкой пониже спины, и встревоженно завертел головой — Айлэ



отметила волосы цвета меда, яркие, вытянутые к вискам глаза и ряд мелких, очень белых зубов.

— Почуял магию, — с досадой бросил Хасты. — Этого я не учел... Не шевелись.

Представитель альбийского народа явно пребывал в замешательстве. Сперва казалось, что вот-вот он успокоится, махнет рукой и вернется к прерванному обряду — в том, что он совершал некий магический ритуал, сомневаться не приходилось. Однако альб поступил иначе. Развернувшись лицом к опушке, сделал плавный жест, словно раздвигая перед грудью невидимую завесу, и, в тот же миг переменившись в лице, попятился и опрометью бросился к дому.

— Заклятие поиска, — пробормотал рабириец сквозь зубы. — Грамотный, мерзавец. Все, он нас увидел. Сейчас приведет подмогу.

— Как же быть? — растерялась Айлэ. — Разве ты не можешь сделать нас, к примеру, невидимками?

— Для обычного человека — да, но не для альба, тем более владеющего Силой, — пожал плечами маг. — Сейчас применять любую волшебу — все равно что размахивать большим флагом с надписью: «Эй, мы тут!» Правда, Сила у него явно невеликая... Я мог бы всю эту усадьбу превратить в лужу грязи, не сходя с места... Нет, глупости. Мы на чужой земле, и хозяева пока что не сделали нам ничего плохого.

— Тогда чего мы прячемся?..

Из дома, просторного двухэтажного пятистенка, почти в точности сходного с постройками За-



бытых Ассов, один за другим выскакивали жители. Заклятие «Орлиного Взора» все еще действовало, и Айлэ видела все в мельчайших подробностях. Альбы, числом десятка полтора, весьма походили на того, первого, но все же чем-то неуловимо отличались от него — чуть пониже ростом, пошире в плечах, суетливее в движениях. На них была добротная и ладно сидящая, но куда более скромная одежда коричнево-зеленых оттенков. У каждого длинный охотничий лук и тул со стрелами за правым плечом. Рассыпавшись редкой цепью, они двинулись прямо к опушке, где засели незваные гости, вглядываясь в кустарник с явной опаской и держа луки наготове. До облавы оставалось еще шагов полтора.

— Бежим? — с надеждой спросила баронетта Монброн.

— Поди убеги от альба в его родном лесу, — отмахнулся рабириец. — Ты спрашивала, отчего мы причесмся. На долгие объяснения нет времени, но все же... Если это действительно Альвар — теперь я готов допустить и такую возможность — то меня здесь крепко не любят. Стоит здешним жителям узнать, кто попал к ним в руки, и исход будет печальный... возможно, для них, но скорее всего и для нас тоже, а торить себе дорогу по трупам я не хочу. Поэтому слушай и запоминай накрепко: ты есть та, кто ты есть — Айлэ дия Монброн, дочь Райана Монброна, наследная баронетта Танасульская...

— Увы, ненаследная.



— Это почему еще? Ладно, расскажешь после, сейчас не перебивай. Так вот, ты баронетта, а я — слышишь? — твой верный телохранитель... хм... проклятье, чего мне скрывать? *Этого* имени здесь знать не должны... Телохранитель Хасти из... из... а, провались совсем!.. родом из Киммерии. Магией я владею только одной — топором по черепу, во всем прочем — полная дубина, ясно?

— Да, — несмотря на всю серьезность положения, Айлэ хихикнула, однако, бросив взгляд сквозь сплетение ветвей на залитое ярким полуденным солнцем поле, мигом стерла улыбку с лица. — Они уже близко! Послушай, а кто же тогда из нас двоих наколдовал «Орлиный Взор»? И главное, как объяснить местным причину нашего появления здесь в столь странном виде?

— Колдовала ты, — усмехнулся Хасти. — Ведь ты впрямь кое-что умеешь — сколько я могу судить, пока самую малость, хотя задатки у тебя неплохие... Наше появление?.. Допустим, твой отец ставил магический опыт в нашем присутствии. Пентакль, синий дым, вспышка — и ты вместе со своим верным охранником шлепаешься прямоком в грязный пруд за тысячу лиг от родного дома. Смахивает на небылицу, но проверить они на первых порах все равно не смогут, а там что-нибудь придумаем. Ну что ж... выходим с поднятыми руками и всячески выказываем добрые намерения. Иначе эти охотнички с перепугу утыкают нас стрелами, как кабанов. В былые времена альбы стреляли славно... Держись рядом и ничего не бойся!



С этими словами одноглазый маг сделал шаг и оказался под прицелом полутора десятков охотничьих луков. Айлэ последовала за ним.

Трудно сказать, кто испугался сильнее. У баронетты дия Монброн колени предательски дрожали от страха, однако голос ее, когда девушка выкрикнула по-немедийски:

— Не стреляйте, мы пришли с миром! Мы безоружны! — прозвучал вполне твердо. Айлэ даже испытала некоторую обиду, обнаружив, что ее явно не считают опасным противником — все стальные жала оказались нацелены на рабирийца. Хасти, более обычного похожий на старого рубаку, всем своим видом выказывал полное пренебрежение опасностью, хотя руки все же поднял, демонстрируя стрелкам пустые ладони.

При виде двоих чужаков альбы впали в состояние, граничащее с паникой. Они дружно попытались с выражением нескрываемого страха на лицах и, казалось, никак не могли решить, как поступить: расстрелять пришельцев на месте или бросить все и удрать. Слова Айлэ успеха явно не возымели, разве что несколько лучников обменялись недоуменными взглядами. Девушка повторила свой призыв по-шемски и на аквилонском наречии — с тем же исходом — и беспомощно посмотрела на одноглазого. Тот, войдя в роль тупого телохранителя, оставался нем, как могила.

Стрелки сильнее оттянули тетивы. Айлэ с ужасом поняла: если она ничего не предпримет прямо сейчас, то через мгновение точно пущен-



ная стрела с оперением из пестрых фазаньих перьев оборвет ее недолгую жизнь. Альбийский маг, тот, что первым обнаружил чужаков, а теперь прятался за спинами лучников, уже открыл рот, чтобы отдать последний приказ. Рабириец подобрался, готовя заклинание... Но тут давняя и, казалось бы, прочно забытая наука отца всплыла в памяти баронетты Монброн, и девушка выпалила на чистейшем староальбийском:

— Мы мирные путники! Мы просим о милосердии, храбрые воины!

Ее внезапное красноречие оказалось сюрпризом даже для Хасти, если судить по его удивленному и восхищенному взгляду. Лучники заколебались. Их вождь выступил вперед, пристально рассматривая Айлэ, и произнес, нарочито старательно выговаривая слова:

— Тебе ведомо наше наречие, женщина из племени Недолговечных?

Испуг настолько обострил мыслительные способности баронетты Монброн, что она не только поняла заданный вопрос, но и сумела составить связный ответ:

— Понимаю... говорю... не очень хорошо. Не убивайте нас!

Альб недоверчиво покачал головой. Смысл следующего вопроса угадывался без всякого перевода:

— Кто вы?

— Меня зовут Айлэ дия Монброн. Моего друга зовут Хасти. Он — мой... э-э... — девушка зап-



нулась, не зная, как перевести слово «телохранитель», и закончила немного неуклюже: — ...мой воин. Мы заблудились... Мы в беде!

— Откуда вы? — спросил альб. Лучники стали перешептываться, но смертоносные жала были по-прежнему направлены в цель. — Это ты колдовала? Как вы попали сюда?

Айлэ обнаружила, что простые короткие фразы понимает почти без труда, особенно если собеседник говорит медленно и внятно. Отвечать оказалось делом более сложным. Сказав, что они из Тарантии, столицы королевства Аквилония, и что колдовала именно она, девушка мучительно долго подбирала слова для ответа на последний вопрос. В конце концов альб в явном нетерпении совсем по-человечески махнул рукой — вести допрос под палящими лучами полуденного солнца, стоя на краю вскопанной делянки, и впрямь не очень-то удобно, тем более что и лучники начали уставать.

— Ты разбудила мое любопытство, Недолговечная. Только поэтому вы проживете еще немного. Ты и ты! — альб подтолкнул двух ближайших стрелков. — Общайте их! И ведите пленников в дом.

Назначенная в надзиратели парочка боязливо переглянулась и бочком приблизилась к людям, однако дотрогнуться до них, несмотря на окрик старшего, так и не отважилась. У Айлэ с собой никаких вещей не оказалось, что она и подтвердила, усердно встряхивая складками платья. Одноглазый нехотя извлек из-за голенища сапога



длинный узкий нож и отшвырнул в сторону. Предводитель отряда — дабы хоть как-то отличать его от других, баронетта решила дать ему прозвище Сириан, то бишь Блистательный — встретил проявление доброй воли коротким презрительным фырканьем, заставившим лучников вновь оттянуть тетивы.

— У тебя припрятано что-то еще? — шепотом спросила Айлэ. — Отдай, а? Сам говорил, мы не в том положении, чтобы спорить.

Хасты скривился, но подчинился. К лежавшему в траве лезвию присоединились еще два, причем девушка так и не заметила, из каких тайников они появились. Лишь после этого пленникам разрешили сойти с места, и, окружив кольцом, повели к усадьбе. По пути державшийся в отдалении Сириан и то и дело останавливался, при этом закрывая глаза и обхватывая ладонями виски. Возможно, подобное действие должно было означать высшую степень сосредоточенности, а может статься, присутствие чужеземцев попросту вызывало у него ужасные головные боли. Заинтригованная поведением альба, баронетта стала беспрестанно оборачиваться, так что в конце концов выведенный из терпения конвойный даже слегка подтолкнул ее древком лука промеж лопаток.

Когда процессия добралась до ближайших построек, выяснилось, что увиденное путниками с лесной опушки строение загораживает собой еще с десятка подобных, привольно раскинувшихся на склонах холма. Вокруг домиков зеленели па-



лисадники, а вот привычных человеческому глазу оград и высоких заборов Айла что-то не приметилла, как не увидела и прочих обитателей поселка.

«Должно быть, им велели спрятаться, пока не выяснится, что за подозрительные чужаки шныряют в лесу», — рассудила баронетта Монброн, послушно сворачивая вдоль стены дома. У нее под ногами оказались ступеньки из распиленных в длину бревен, блестевшие так, будто их только что натерли воском. Мелодично тренькнула, открываясь, дверь, осмелевшая стража впихнула свою добычу внутрь и шарахнулась обратно. Заскрипел засов, и голос Сириана нараспев произнес длинную фразу, в которой Айла безошибочно распознала слова «замок» и «оковы».

— Заперли, — поделилась она своим открытием. — И наложили на дверь заклятие. По-моему, это пристройка к дому, в обиходе именуемая чуланом. А я-то думала, нам сейчас учинят допрос с пристрастием и каленым железом...

— Это всегда успеется, — Хасти устроился на соломенном тюке, огляделся и, кажется, даже принялся. — Можешь радоваться — ты их до крайности заинтриговала. Это и хорошо, и плохо одновременно.

— Хорошо — потому что сперва нас попытаются расспросить, и, может, сочтут удивительными тварями, вроде случайно залетевшего в гандерское поместье грифона, — кивнула баронетта Монброн, обходя маленькое помещение и выискивая хоть какую-нибудь щелку для обзора.



— Плохо — по той же самой причине. Вдруг местный староста уже распорядился собирать хворост для костра, на котором нас поджарят?

— Не угадала, — хмыкнул рабирисц. — Ты заметила — здешний маг, пока нас вели, вроде как маялся мигренью? Это Безмолвная Речь, некоторые альбы, наделенные колдовским даром, пользуются ею, когда надо обратиться к сородичу, находящемуся в отдалении. К сожалению для нас, Безмолвную Речь невозможно подслушать, но в общем ситуация ясна — деревенскому колдуну попало что-то, превосходящее границы его разума или, может быть, отпущенной ему власти. Он поговорил с кем-то более могущественным. В ответ ему приказали поместить нас под замок и ждать. Чего ждать — узнаем в самое ближайшее время.

— Значит, это в самом деле сказочный Альвар? — девушка наконец добилась желаемого, обнаружив между двумя жердями крохотный просвет и немедля прильнув к нему глазом. Ей открылся угол бревенчатого дома, слегка колышущиеся на ветру травяные заросли и тонкая желтая полоска, в которой угадывалась часть наезженной проселочной дороги. — Уцелевшие остатки альбийских владений, еще одни Рабирийские холмы? Маленькое государство, с городами, армией, своим королем... Интересно, где они находятся и как велики? Местные обитатели, кстати, осведомлены, что за пределами их земель живут люди, у них есть особенное наименование для подобных созданий — Недолговеч-



ные или вроде того. Но, похоже, в их краю люди появляются очень-очень редко... Хасты, а почему ты опасаясь быть узнанным? Ты что, уже бывал здесь когда-то?

— Давно, — короткое словечко упало, как камень в бездонный омут, напомнив Айлэ, сколько раз родители настоятельно советовали ей не совать нос в чужие тайны, особенно в секреты Хасты. Сам Монброн и его подруга знали об одноглазом маге нечто такое, чем не делились ни с кем и старались даже между собой не обсуждать. Девушка была твердо уверена, что в этом заговоре молчания участвуют король и королева Аквилонии, а также бывший придворный летописец Трона Льва, его светлость Хальк Юсдаль. Что касается последнего, то барон Юсдаль, кажется, умудрился приобщиться ко всем комплотам и загадкам минувших десятилетий. — И с тех пор здесь многое переменилось.

— К лучшему или к худшему?

— К худшему, — после вдумчивого размышления вынес приговор Хасты. — Альбы и раньше отличались незаурядными способностями к магии, а теперь пользуются Силой направо и налево. Заурядный деревенский знахарь — вроде того, что изловил нас на опушке — способен творить чудеса, давно позабытые среди людских волшебников. При таком могуществе альбы, похоже, стали беспечными и... и трусоватыми. Меня крайне удивляет возникшее меж ними разделение — ты его заметила?

— Ага, — поскольку пейзаж снаружи оставал-



ся пустынным, Айлэ оторвалась от трещины в стене и уселась рядом с рабирийцем. — Хотя поселяне и колдун принадлежат к одному народу, они выглядят и ведут себя немного по-разному. Ну, как, допустим, владелец поместья и землекопы-поденщики. Но ведь так, по-моему, и должно быть, или раньше было иначе?.. Слушай, ты по-прежнему уверен, что мы сумеем и дальше цепляться за нашу выдумку с неудачным колдовством? Если местные чародеи такие могущественные, им ничего не стоит применить к нам Заклятие Ключа... Тогда мы начнем болтать на любую удобную им тему, пока нам рот насильно не заткнут!

— Пусть попробуют, — в голосе одноглазого мелькнуло откровенное злорадство. — А коли ты опасаясь брякнуть лишку, я знаю способ этому помешать. Причем мне даже ворожить не потребуется, так что мы не привлечем внимания хозяев. Ну-ка, чтобы скоротать время, поведай мне что-нибудь любопытное.

— Что именно? — опешила девушка.

— Скажем, отчего ты считаешься ненаследной баронеттой, — предложил Хасты, подбирая с пола длинную соломинку и рассеянно крутя ее между пальцами. Айлэ задумалась, выстраивая в уме цепочку событий, приведших к тому, что она носила столь диковинный титул, и начала:

— Ты ведь знаком с моими родителями? — Кивок. Чтобы вспомнить все как следует, баронетте нужно было остановить на чем-то взгляд, а бегающая меж пальцев одноглазого соломинка



словно нарочно притягивала внимание. — Значит, тебе известно, что Райан Монброн... как бы это сказать... в общем, он уже лет четыреста считается умершим. В фамильном склепе стоит его надгробие — папа обожает время от времени туда наведываться и расшивать кувшин-другой на собственной могиле. Но, раз человек по имени Райан Монброн мертв, у него нет никаких прав на титул — ведь так? Отец упорно не желает с этим мириться, и по-прежнему зовет себя «бароном Танасульским». Хвала богам, у него хватает ума не заявляться в дворянское собрание края, потрясая истлевшими грамотами и требуя законного возвращения прав и привилегий. Он просто забавляется, извлекая из этого определенную пользу — порой ему удается выжать из нынешних носителей фамилии кругленькую сумму в золотых монетах. Когда же папа женился, а потом на свет появилась я, он на радостях вбил себе в голову новый замысел — имя его дочурки непременно украсит развесистое геральдическое дерево Танасула! Отец и матушка к тому времени числились придворными магиками Трона Льва, мама водила дружбу с госпожой Дженной, та обратилась к королю, а Его величество как раз хандрил и оттого соглашался на любые просьбы. Указ подписан, оглашен герольдами в Тарантии и в Танасуле, благородные меcьоры вполголоса возмущаются очередной скандальной выходкой монарха, но делать нечего — девице-вампиру присвоен титул «баронетты Танасульской», хотя и с отчуждением права передачи



наследования по крови, званию и первородству, если я ничего не перепутала. Да, и удела в фамильных владениях мне тоже не полагается — только имя.

— Захватывающая история, — Эллар переломил тихо хрустнувшую соломинку, и девушка вздрогнула, точно пробудившись от дремы. — Теперь припомни: откуда мы с тобой взяли в пределах достославного Альвара?

— Мой отец обнаружил какое-то старинное заклинание и хотел узнать, каково его действие, — Айлэ точно со стороны услышала собственный, весьма уверенный голос, а мысленно увидела ряд туманных картин, сопровождавших ее повесть. Мало того: она *верила* в то, что оказалась на руинах альбийского дворца именно так, и не иначе! Воспоминания, касавшиеся событий в Тарантийском замке и Рабирах, теперь казались услышанной или прочитанной в летописях историей, не имевшей к ней, Айлэ дия Монброн из Танасула, никакого отношения.

— Будешь кричать, что мое колдовство сработало как-то не так? — самодовольно поинтересовался Хасти.

— Не буду, — вздохнула девушка. — Но, когда мы отсюда выберемся, ты вернешь мои воспоминания обратно?

— Сама управисься, — отмахнулся магик. — Не так уж это и сложно. Ну, теперь мы готовы к предстоящим битвам за спасение собственных шкур, хотя сперва я не отказался бы малость перескусить. В былые времена альбы относились к



пленным довольно снисходительно, но сохранились ли эти благие традиции?

— Давай постучим в дверь, — предложила баронетта Монброн. — Наверняка поблизости окочачиваются какие-нибудь караульные или просто любопытные. Я знаю, как попросить по-альбийски воды... а еще хлеба и мяса.

— Твои познания воистину безграничны, — Хаста склонил голову набок, прислушиваясь к каким-то отдаленным звукам. — Но ты малость опоздала. Сюда приближается конный отряд... довольно большой, не меньше дюжины верховых. Надо полагать, явились желающие поглазеть на диковинных зверюшек. Не вздумай трусить! — он слегка повысил голос, заметив, что девушка испуганно сжалась и притихла. — Ты отлично справилась со здешним травознаем, вот и продолжай дальше. Ничего они тебе не сделают, это я обещаю.

— Хотелось бы верить, — буркнула Айлэ, кидаясь к своей обзорной щелке. К сожалению, все, что ей удалось разглядеть — облако легкой зеленоватой пыли, а также очертания двух или трех всадников, скрывшихся за углом дома. Отчетливый перестук копыт стал реже — лошади перешли с галоп на шаг — и слегка отделился. Баронетта облегченно перевела дух: должно быть, гости решили вначале навестить усадьбу.

Но кони внезапно зафыркали и зазвякали сбруей совсем рядом с тонкими стенами чуланчика, раздался негромкий шелестящий звук, словно бы медное блюдо натирали шелковым лоску-



том, лязгнул ключ в замке. Дверца сарая распахнулась настежь, кто-то заглянул внутрь и требовательно махнул рукой, приказывая выходить.

* * *

После мутного полусумрака чулана ослепительное легнее солнце снаружи заставило Айлэ Монброн зажмуриться — подобно всем уроженцам Рабиров, она недолюбливала слишком яркий дневной свет. Шедший следом Хаста подтолкнул ее в спину. Девушка легко сбежала по ступенькам, и, едва ее нога коснулась мягкой травы перед сараем, альбийские воины окружили ее с четырех сторон.

Баронетта отметила, что помимо уже знакомых лучников, среди караульных появилось несколько воинов иного вида. Более высокие и смуглые, одетые в легкие доспехи из жестких пластин густо-синей кожи с великолепным золотым тиснением на груди, с короткими тонкими копьями наперевес и пристегнутыми к поясам кинжалами, эти смотрелись настоящими бойцами и вели себя куда более решительно. Айлэ и, следом за ней пагах в десяти, рабирийца почти бегом погнала меж домов куда-то к дальней окраине. По пути им не позволяли ни оглядываться, ни переговариваться, а при малейшей задержке чувствительно покалывали копьем пониже спины.

Такое обращение лишило девушку всякой возможности запомнить дорогу, которой их ве-



ли, а также желания рассматривать местные достопримечательности. Пару раз она слышала гневный рык Хасты. В глазах потемнело, дыхание сбилось, и бегущий перед ней копыеносец, оборачиваясь, бросал на нее насмешливый взгляд. Потом плотное кольцо спин мгновенно расступилось по окрику головного воина, и пленники с разбегу вылетели на большое пустое пространство, под взгляды десятков любопытных глаз. К этому моменту Айлэ совершенно выдохлась и думала единственно о том, как бы устоять на ногах, но все равно упала бы в желтую пыль, не подхвати ее одноглазый. Лишь немного погодя она смогла наконец отдышаться и рассмотреть место, где, возможно, предстояло решиться их общей судьбе.

Плотно утоптаный круг, засыпанный мелким желтым песком, с коего при малейшем движении вздымались облачка едкой пыли, достигал в поперечнике шагов двадцати. Наверное, жители поселка, название которого пока что оставалось тайной, накрывали здесь большие столы во время праздников или, может быть, всем миром решали вопросы, требующие общего обсуждения. Ближайший дом, добротный, бревенчатый, украшенный богатой резьбой, остался позади. За кругом желтого песка, отчего-то напомнившим Айлэ гладиаторскую арену, начинался роскошный луг с изумрудной травой.

Как раз на границе яркой зелени и пыльной желтизны раскинул великолепную крону огромный старый дуб. В его тени стояли три кресла,



сделанных резчиками из обрубков огромных древесных стволов. Одно, пониже, пустовало. В другом восседал альб в сине-серебряных одеждах и с тонким жезлом из полированного дерева в руке. Длинные золотые волосы альбийского вельможи, собранные в пучок высоко на затылке, спадали до плеч, прекрасное лицо хранило скупающее и надменное выражение. Третье кресло занимала медноволосая красавица, рассеянно поигрывавшая подвеской из крупного сапфира в глубоком вырезе длинного синего платья. Полдюжины копыеносцев в синем выстроились полукругом за спинками кресел, еще не менее дюжины через равные промежутки окружали арену, картинно приставив копыя к ноге. Были среди охраны и местные лучники, в сравнении с пришлыми воителями выглядевшие весьма бледно, а фоном происходящему служила безмолвная толпа поселян, числом сотни полторы. Ни одной женщины или ребенка Айлэ среди них не заметила.

Несмотря на волнение и страх, девушка смотрела на старших альбов во все глаза. Казалось, перед ней явилось живое воплощение романтических сказок и легенд Материка. Великоленному вельможе можно было бы дать лет сорок, его спутнице — самое большее двадцать пять, но Айлэ понимала, что на самом деле может быть и триста, и три тысячи... Вечно юные, мудрые, могущественные и надменные, в одеждах цвета весеннего неба и чистого льда — конечно, кому, как не им, владеть миром, судить и миловать



живущих под солнцем... Внезапно баронетта остро ощутила, как нелепы и смешны они в глазах Живущих Вечно в своих старых истрепанных одеждах, пахнувшие болотной тиной и с пучками соломы, приставшими к подошвам сапог...

— Хороши, а? — еле слышно прозвучало над ухом, и прекрасная легенда, задрожав, растаяла от нескрываемой насмешки в голосе рабирийца. — Тысячелетия их ничуть не изменили. Все та же прекрасная и самовлюбленная... пустота.

Айлэ ожидала увидеть Сириана, и она не ошиблась — колдун тоже оказался здесь, из первых рядов посдая вельможу преданным взглядом. Повинуясь едва заметному знаку старшего альба, он выдвинулся вперед, заговорил быстро и длинно — девушка узнавала едва одно слово из пяти:

— Чужаки... Недолговечные... понимает Высокое Наречие... не осмелился...

Несколько раз чуткое ухо Айлэ уловило прозвучавшее в речи Сириана название «Венаад». Старший альб слушал колдуна не слишком внимательно, разглядывая птичью возню в густой листве старого дуба.

— Это и есть хозяева? — улучив момент, шепнула Айлэ.

— Да, — был ответ. — Мужчина, по всему, вполне мог участвовать в покорении Эвериандских островов или Войне Света, — хотя вряд ли он из Сотворенных, тех наверняка не осталось... Он опасен. Я чувствую в нем какое-то злое безумие. Женщины меньше лет, но тоже много,



очень много... Остальные по сравнению с ними — сущие подростки.

— Это... король?..

— О, нет! Местная знать, не более того.

Старший альб снова шевельнул пальцами. На сей раз жест был более понятен — вельможа указывал на девуцу Монброн. Сириан прервался на полуслове, почтительно поклонился и повернулся к баронетте:

— Подойди ближе!

Айлэ послушно сделала несколько шагов вперед. Хасти шагнул следом, но в грудь ему нацелились сразу несколько копий.

— Еще ближе!

Теперь девушка стояла всего в нескольких шагах от импровизированного трона. Альб и его прекрасная спутница молча разглядывали явленную им диковину, и Айлэ почувствовала, что постыдно краснеет под изучающими и в то же время равнодушными взглядами. «Я вам не кобыла на ярмарке! — зло подумала баронетта. — Еще в зубы загляните, демон вас побери! Хоть бы сказали что-нибудь!»

Словно прочитав ее мысли, альб усмехнулся и о чем-то спросил. Голос у него оказался низкий и чарующий, а наречие альбов прозвучало прекрасной музыкой даже по сравнению с речью Сириана, так что Айлэ почти забыла все свои обиды... но, к несчастью, из всего сказанного вельможей она разобрала только знакомое «Венаад». Даже не пытаясь составить ответ, девушка молча пожала плечами. Альб приподнял



бровь и взглянул на Сириана. Тот забормотал что-то заискивающим тоном, и альб слегка нахмурился — этого оказалось достаточно, чтобы злосчастный колдун совсем скис и растворился в толпе.

Вельможа пожал плечами и махнул страже. Стрелки натянули луки.

— Нет! — в отчаянии крикнула баронетта на староальбийском. — Пожалуйста, не убивайте нас!

Медноволосая красавица заговорила. Она что-то негромко втолковывала, обращаясь к своему спутнику, и в конце концов альб, видимо, сдался. Во всяком случае, уже готовые сорваться в полет стрелы легли обратно в колчаны. Альбийка что-то коротко приказала, глядя за спину Ай-лэ. Девушка хотела было обернуться, но тут ей на плечо легла маленькая жесткая ладонь, в поясницу уперлась острая сталь, и женский голос внятно произнес прямо в ухо:

— Иди вперед. На колени перед Повелительницей.

Стараясь держаться прямо — острое лезвие, проколов тонкую ткань, неприятно царапало ребра — Ай-лэ исполнила и это приказание.

Альбийка ободряюще улыбнулась, и баронетта д-а Монброн ощутила на висках прикосновение узких осторожных пальцев. На среднем пальце левой руки медноволосая носила тяжелый золотой перстень. Ай-лэ почувствовала, как металл холодит кожу, и зажмурилась.

А потом все реки Хайбории пронеслись через



ее мозг своими водами, и на краткий миг сознание померкло.

...Первым, что она услышала, когда способность думать вернулась вновь, были азартные крики и звон металла. Женский голос вопил:

— Не двигайся, или мои воины утыкают тебя стрелами, как ежа! Свяжите его!

— Теперь она сможет говорить так же хорошо, как и мы, Ирваст, — произнес кто-то совсем рядом, и Ай-лэ поняла, что обморок длился не более трех ударов сердца. Она даже не упала — по-прежнему стояла на коленях перед тронем спутницы сине-серебряного вельможи. «Медноволосая что-то сделала со мной, — ошеломленно подумала баронетта. — Это ее голос, и я понимаю каждое слово так же хорошо, как если бы говорили на аквилонском. Невероятно!» Возня стихла, и Ай-лэ наконец догадалась открыть глаза.

— Встань, — сказали ей. — Отойди, и знай, что тебе оказана великая милость.

На сей раз девушка успела рассмотреть ту, что отдала приказ и чей кинжал только что щекотал ей ребра. Женщина, долговязая, как все альбы, но единственная из всех присутствующих в легкой кольчуге из странного металла, похожего на черное серебро, и с причудливыми оплечьями в виде золотых пятипалых листьев. Воительница — в роде занятий альбийки сомневаться не приходилось — носила за плечами два перекрещенных меча с плавно изогнутыми рукоятками, похожих на тесаки, что в ходу у зингар-



ского морского братства, и на поясе пару кинжалов, один из которых сейчас описывал неспешные кольца вокруг се правой ладони. Еще Айлэ заметила темные глаза, подчеркнутые нанесенными вдоль линии скул крохотными сверкающими звездочками, и густую шапку волос — бронзовых, в отличие от светлых шевелюр большинства присутствующих. Увязанную в пышный хвост гриву украшала яркая алая лента, перебивавшаяся с эмалевым гербом на кольчуге, изображавшим какой-то цветок.

— Да, но что нам проку с того? — возразил тот, кого альбийка именovala Ирвастом. — Девчонка знала несколько слов на Высоком Наречии, и дурачок Калиндар счел это любопытным. Но я вижу двух самых обыкновенных смертных и предлагаю поступить с ними обыкновенно. Пускай лучники даруют им быструю и милосердную смерть.

— Мы должны узнать, как смертные попали в Заповедный Край, — настаивала медноволосая. — Недолговечные иногда появляются внутри Границы — пастухи или охотники, случайно взошедшие на одну из Прямых Троп. С теми разговор короткий: цена их жизни — одна стрела. Эти же пришли со стороны Венаадда, если Калиндар не лжет — а он, конечно же, не посмеет. Но Тропа Венаадда, как тебе ведомо, запечатана. Откуда же взялись наши гости, да еще владеющие Силой? Может быть, Граница ослабла? Или людские маги нашли способ невозбранно проникать сквозь нее? Подумай, Ирваст!



Альбы беседовали совершенно спокойно, ничуть не смущаясь присутствием своих соплеменников и даже тех, о чьей жизни и смерти вели весьма откровенный разговор. Айлэ вновь вспыхнула — похоже, люди в Заповедном Крае, чем бы он ни был, ставились немногим выше животных.

— Пожалуй, ты права, Медвари, — после недолгого размышления признал вельможа. — Ради нашего спокойствия придется снизить до малых сих. Назови свое имя, Недолговечная. Мне вообще-то все равно, как тебя зовут, но должна же ты различать, когда к тебе обращаются с вопросом. Иначе доблестной Каури придется всякий раз поторанивать тебя кинжалом.

С разных сторон послышался негромкий смех.

— Меня зовут Айлэ дия Монброн. Я дочь Райана Монброна, баронетта Танасульская, — ответила Айлэ, гордо вскинув голову. Она твердо решила впредь оставлять без внимания издевательства вельможи. Однако оказалось невозможным не обратить внимания на крепкий удар промеж лопаток, едва не сбивший ее в пыль.

— Когда говоришь с Высшими, не забывай кланяться и добавлять «Повелитель» в конце, — прошипела не хуже дикой кошки воительница в кольчуге, пригвоздив баронетту яростным взглядом широко расставленных глаз.

На миг Айлэ обуяло слепое бешенство. Альбийские стрелы и кинжал в руке доблестной Каури больше не внушали ни страха, ни почтения. Смерть? Ну и пусть!



— Этот твой красавчик-хозяин мне не повелитель, ты... ручная пантера! — крикнула она прямо в смуглое лицо воительницы. — Мой повелитель — король Аквилонии Конан Канах! Вышие, а ведете себя как... как дикари!

Каури, побледнев, взмахнула рукой, и Айлэ сжалась в ожидании нового удара.

Послышался негромкий, какой-то тусклый смех Ирваста, и занесенный кулак остановился на полдороге.

— Признаться, я уже успел отвыкнуть от наглости Недолговечных, — сказал вельможа. Впервые в его голосе прозвучало нечто похожее на интерес. — Оставь ее, Каури. Чем больше бьешь собаку, тем сильнее она лает. Так даже забавнее — мне смертельно наскучило ваше лизоблюдство... Значит, Айлэ? Странное имя для Недолговечной. Оно скорее подошло бы альбийке. Я — Ирваст, сын Хстира, Повелитель Предела Йаули. Каури больше не будет бить тебя, Айлэ, но предупреждаю: если ты будешь непочтительна, в моей власти сделать так, чтобы ты подавилась собственным языком. Ты веришь мне, дочь Райана?

Полированный жезл многозначительно опустился на раскрытую ладонь. Айлэ кивнула.

— И правильно. Как ты, наверное, уже поняла, это, — альб широким жестом обвел залитые солнцем окрестности, цветущий луг и деревенку в отдалении, — Заповедный Край. Людям сюда хода нет. Так расскажи нам, каким образом ты и твой... воин оказались на руинах Венаадда? И говори правду!



— Мой отец, Райан Монброн — королевский маг, — начала баронетта. — В одной старой книге...

Ни разу не сбившись, она изложила историю, придуманную рабирийцем, добавив при этом пару живописных подробностей. Ирваст слушал внимательно, не перебивая, помрачнев лицом. Когда Айлэ закончила, альб и медноволосая обменялись быстрыми взглядами.

— Так... — пробормотал вельможа. — Старый альбийский манускрипт... Как же он выглядел, сей манускрипт?

— Большой, в переплете черной кожи, с застежками в виде птичьих лап, — не задумываясь, Айлэ дала первое пришедшее в голову описание. — Очень старый...

— Название! — впервые альб пошевелился, подавшись вперед столь резко, что Айлэ даже вздрогнула. — Ты видела название книги? Да не вздумай лгать, ибо вывернуть твою память наизнанку мне легче, чем сорвать с ветки листок, но, боюсь, тебе этого не пережить! Ну же?

— Название? — девушка хотела сказать, что не знает, что не умеет читать на староальбийском, что ритуал происходил ночью, в темноте... Подошла бы любая из отговорок, но вместо этого губы Айлэ безо всякого участия баронетты — не хитрое ли колдовство Хасти с соломинкой было тому виной? — отчетливо произнесли:

— «Кэннэн Гэллэр».



Глава вторая

Край полуночных тревог



Рэннэн Гэллэр! — выдохнул пораженный Ирваст, откидываясь в своем кресле. — Книга Звездных Имен! По рядам зрителей пробежал еле слышный шепоток.

— Теперь ты видишь, что я была права, — подала голос огненноволосая Медвари. — Невозможно солгать, будучи под действием Заклятия Ключа. Эта Недолговечная и впрямь видела Книгу. Теперь мы доподлинно знаем, что Книга Звездных Имен все-таки оказалась у людей.

— Да, — рассеянно пробормотал вельможа, — да... По меньшей мере удивительно... Что ж, дело более серьезно, чем мне представлялось вначале... Айлэ дия Монброн, ты сказала, что твой отец — королевский маг. Следовательно, он весьма искушен в чародействе?

— Разумеется, — пожала плечами баронетта, ничуть не покривив при этом душой.



— И ты, вероятно, училась у него?

— Немного.

— Покажи мне самое сильное заклинание, которому ты научилась у своего отца, — потребовал альбийский маг.

Айлэ чуть не рассмеялась. Райан Монброн, конечно, учил любимое чадо нехитрым колдовским приемам, иногда весьма облегчающим жизнь — к примеру, разжечь костер без помощи огня или быстро залечить небольшой порез — но любой начинающий адепт Радужной Школы, право же, умел куда больше, чем она. Тем не менее баронетта добросовестно сосредоточилась, протянула руку, и на открытой ладони вспыхнул неяркий язычок живого огня.

Ирваст засмеялся с явным облегчением. Он только шевельнул бровью, и магический огонек Айлэ погас, а девушке показалось, что ее руку по локоть окунули в ведро со льдом. Вельможа окончательно успокоился.

— Она ничего не умеет, — сказал альб, обратившись к своей спутнице. — Она попала к нам по случайности. Пусть она видела Книгу, но, думаю, ничего не знает о содержании... Еще раз спрашиваю твоего мнения, Медвари: может быть, все же приказать лучникам?..

— Еще раз отвечаю, Ирваст: мое мнение — нет, — альбийка тряхнула своей роскошной блестящей гривой. — Ее отец, видимо, маг не из последних. Чтобы одолеть Границу, требуются великие Силы... А если он начнет искать пропавшую дочь? Кроме того, девица все же видела



Книгу и, возможно, запомнила кое-что, сама того не ведая... Отвезем ее в Альвар. Пусть решит Верховный Владыка. Если плешница окажется полезной, тебя вознаградят, ибо Владыка не скупится на награды для тех, кто умен и верен. Ну, а если нет...

— Высокая Медвари, я прошу слова, — вмешалась дева-воительница по имени Каури. После того как Айлэ начала свой рассказ, смуглая альбийка отошла к тому креслу, что выглядело поскромнее и оставалось пустым, но не стала садиться, лишь облокотилась о высокую спинку из переплетенных корней, продолжая накручивать в руке кинжал. Айлэ показалось, что воительница чем-то встревожена. — Я всего лишь старшая над воинами, и у меня свои соображения. Может быть, они покажутся вам глупыми, но...

— Говори, — подбодрил Ирваст.

— ...Девушка Айлэ молода и привлекательна, к тому же она отважна и горда, — смущаясь, пояснила Каури. — Мне кажется, в ее жилах течет не только кровь Недолговечных. Она могла бы стать женой кому-нибудь из моих воинов, если, конечно, не будет полезна Владыке.

— Доблестная Каури Черный Шип, как всегда, мыслит верно, — хмыкнул Высший альб. — У нас рождается мало детей, это правда... Девушка неплоха собой... Что ж, быть по сему. Каури, мы возвращаемся, но сперва пусть искупают Недолговечную. От нее несет тинной.

Айлэ, слышавшая весь разговор, скорчила гримаску, но промолчала. В конце концов, над-



менные альбы могут строить какие угодно планы. Главное — уцелеть прямо сейчас, потом одноклазый маг, безусловно, придумает что-нибудь... Внезапно ей в голову пришла ужасная мысль. Баронетта быстро обернулась: Хасты, опутанный целым ворохом веревок по рукам и ногам, с кляпом во рту, лежал носом в пыль, и альбийский копьеносца пробовал на ногте остроту длинного изукрашенного ножа.

— Стойте!!! — взвизгнула девушка так, что все взгляды обратились к ней, и даже Высшие, уже собравшись уходить, обернулись в изумлении. — А что будет с ним?!

— Его ждет смерть, — ответила Каури. Ее голос прозвучал несколько удивленно, словно бы вопрос Айлэ был совершенно неуместен. — Быстрая и легкая. Мы не пытаем пленных, и тюрем у нас нет.

— Я не согласна! — крикнула баронетта. — Слышите? Я без него никуда не поеду! Вы должны оставить ему жизнь!

— Низкородная позволяет себе чересчур много, — ледяным тоном произнес Повелитель Предела Йаули. — Может быть, Медвари, мы все же поторопились со снисхождением? Убейте одноклазого!

Отчаяние придавало Айлэ силы и ярость, которых она прежде не ведала. Нечленораздельно завопив, она кошкой прыгнула на копьеносца. Альб покатила в пыль, уронив нож, немедленно подхваченный баронеттой. Другой воин, забыв о своем копье, попытался отобрать у нее



клинок, и Айлэ отмахнулась остро заточенным лезвием. Едва не лишившись носа, альб отпрянул, оступился и повалился на спину.

В толпе поселян засвистели и заулюлюкали, но, стоило Ирвасту чуть приподнять жезл, шум разом прекратился.

— Я не дам его убить! — выкрикнула Айлэ. Неумело, но грозно держа слишком большой для ее тонких пальцев нож, она встала над связанным рабирийцем — волосы растрепаны, платье, успевшее лопнуть по шву, измазано в пыли. — Тогда и меня убейте! Не подходите!

— Так, — процедил Ирваст. Медленным, зловещим движением он поднял жезл, нацелился в Айлэ, и клинок в ее руке внезапно сделался тяжелее гранитного валуна. Нож воткнулся до половины в песок, а баронетта, закрыв ладонями лицо, беспомощно разрыдалась. — Теперь ты поедешь в Альвар привязанной к седлу, Недолговечная. Оттащите ее, и прикончите этого...

Тут Каури Черный Шип быстро зацептала ему на ухо. Дослушав, альб поднял бровь и распорядился:

— Впрочем, нет. Поднимите его.

Хасты поставили на ноги и выдернули кляп. Рабириец немедленно принялся честить своих мучителей замысловато звучащими ругательствами, как и полагалось на его месте старому воину из далекой Киммерии. Кляп воткнули снова.

— Ты рисковала своей жизнью ради жизни своего слуги, Айлэ, — начал альб, вновь опуска-



ясь в свое кресло. — Кто он тебе? Родня? Любовник?

— Он наш потомственный телохранитель! — запальчиво бросила баронетта Монброн. — Он служил еще моему деду! Если вы его убьете, кто будет защищать меня?!

Ирваст явно что-то задумал. Или, может быть, идею подала Каури, и идея пришла альбу по нраву — во всяком случае, от его скуки не осталось и следа, а в голосе, когда он снова обратился к Айлэ, слышалось мурлыкающее коварство:

— Как зовут твоего телохранителя? Откуда он родом?

— Его зовут Хасты! Он из Киммерии! — бросила Айлэ, все еще не в силах совладать с сотрясавшими ее рыданиями, итогом полного треволений и приключений дня.

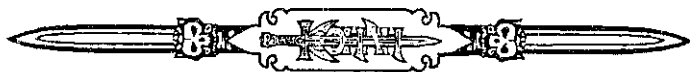
— Силен ли он в обращении с оружием?

Айлэ, всхлипывая, подтвердила, что да, весьма силен, и довольный альб откинулся на своем троне.

— Развяжите одноглазого, — велел он, и двое копьеносцев двумя взмахами ножа распустили веревки на руках и ногах рабирийца.

Ирваст на всякий случай нацелил жезл на Хасты.

— Слушайте меня, Пришедшие Первыми! — повысил голос альб. — Ныне я милостив! Я дарую жизнь не только деве из племени Недолговечных, но и воину, пришедшему с ней! Однако должен воин доказать делом, что достоин столь



дорогого подарка. Его госпожа объявила прилюдно, что в мечном бое ему нет равных. Пусть же он сойдется на длину меча с тремя моими лучшими поединщиками. Ежели им не удастся лишить его жизни, то помилую и я, Ирваст, сын Хетира, Повелитель Йаули.

* * *

Поселяне приветствовали такое мудрое решение дружными криками восторга. У Айлэ, напротив, мороз пошел по коже. Круг желтого песка недаром сразу напомнил ей гладиаторское ристалище, на котором что ни день проливается кровь поединщиков. Понятно, чего хотел альб и какой совет подала ему дева-воительница.

Жизнь в Заповедном Крае явно небогата событиями и скудна на зрелища. Такое развлечение, как битва звероподобного воина из неведомой, а потому пугающей Киммерии с альбийскими мечниками наверняка станет событием, рассказ о котором еще долго будет передаваться из уст в уста... вот только переживет ли это развлечение «телохранитель Хастии»? Раз альб с такой легкостью решился «помиловать» пленного, значит, по его мнению, шансов выжить у одноглазого меньше чем ничего... Айлэ совсем уж собралась в очередной раз протестовать, но встретилась взглядом с рабирийцем и поняла по пляшущему в единственном сером зрачке веселому злорадству, что исход боя может оказаться для альбов большой неожиданностью.



Между тем из-за спины поселян мягким кошачьим шагом выступили трое, которых Айлэ прежде видеть не доводилось. В кожаной броне, такой же, как на конейщиках, но не синей, а пурпурной и с нашитыми на груди и плечах блестящими пластинками металла, с рукоятями легких парных сабель, торчащих крест-накрест над плечами, даже на неопытную баронетту эти высокие, гибкие и неимоверно жилистые бойцы произвели впечатление.

— Доблестная Каури, не желашь ли и ты принять участие? — с усмешкой спросил Ирваст. Каури деланно скривилась, хотя по ее нетерпеливо пляшущим на рукояти кинжала пальцам можно было с легкостью судить о ее истинном отношении к предстоящему бою:

— О нет, Повелитель Ирваст! Полагаю, мы напрасно выставили троих, достало бы и одного. Что же до меня, выше моего достоинства марать благородную альварскую сталь в нечистой крови смертного. Я боюсь, как бы мои мечи не заржавели от нее.

— Что она говорит? — заинтересовался одноглазый. Айлэ, спохватившись, что рабириец по условиям игры не более чем тупой рубака и, следовательно, разумеет по альбийски не должен, повторила слова воительницы на аквилонском наречии. «Потомственный телохранитель» презрительно фыркнул.

— Переведи ей, — потребовал он, — что ее мечи скорее заржавеют в ножнах от бездействия. А ежели она наберется храбрости со мной драться



ся, я отстегаю ее по голой заднице, отберу железки и отправлю на кухню... где ей самое место!

— Скажи своему одноглазому калеке, — рявкнула воительница, едва дослушав обратный перевод Айлэ, — что мои воины за десять ударов сердца сделают его также одноногим, одноруким и одноухим. А если по какой-то случайности им это не удастся, то за них все сделаю я.

Рабирийцу бросили меч. Подобрал с песка прямой и легкий обоюдоострый клинок, Хасти с неожиданной сноровкой высоко подбросил его в воздух, поймал за рукоять, прокрутив «мельницу» так, что застонал разрезаемый воздух, и недовольно поморщился — альбийский клинок в его руке смотрелся игрушкой. Зато среди альбов послышались редкие возгласы одобрения.

Зрители понялись, давая место поединщикам. Не зная, куда спрятаться, Айлэ нерешительно шагнула поближе к Каури. Воительница не обратила ни малейшего внимания на чумазую пленницу, чья голова как раз приходилась ей по грудь — Каури по прозвищу Черный Шип была всецело поглощена предстоящим действием.

Ирваст щелкнул пальцами, и невесть откуда над ареной прогремел густой тягучий удар гонга.

Троица в пурпурных доспехах разом выхватила свои клинки и двинулась на рабирийца, обходя его с трех сторон.

Даже Айлэ, с ее ничтожным опытом в ратных делах — ей довелось лишь несколько раз присутствовать на турнирах — понимала, что бой



можно считать проигранным, как только один из альбов окажется у рабирийца за спиной. Положение Хасти осложнялось еще незрячим правым глазом и тем, что в начале поединка его якобы случайно развернули лицом к ослепляющим лучам солнца. Самый искусный воин отказался бы от боя на столь невыгодных условиях, не нанеся тем самым никакого ущерба воинской чести. Однако здесь выбирать не приходилось. Одноглазый должен был победить — или умереть.

Понимал это и Хасти. Клинки противников не успели еще покинуть ножны, а рабириец, пригнувшись и выставив перед собой меч, быстрым приставным шагом начал смещаться влево. Тем самым он вынудил ближайшего мечника атаковать раньше времени — тот, увидев надвигающегося врага, сам прыгнул вперед и рубанул с двух рук, отвесно сверху вниз. Сделай рабириец еще шаг, один из клинков непременно снес бы ему голову или руку. Но, уже занеся ногу для этого рокового шага, Хасти внезапно отпрянул, извернулся, нырнув под острую сталь, и его собственный меч с непостижимой быстротой описал шипящую дугу.

Сабля альбийского мечника упала на песок — вместе с левой рукой, отрубленной по локоть.

Зрители азартно завопили, кричал раненый альб, безуспешно пытаясь зажать страшную рану, на желтом пыльном песке быстро ширилась темная лужа. Засуетились копейщики в си-



нем, оттаскивая раненого. Ирваст от волнения даже привстал. Айлэ до боли стиснула кулаки.

«Только бы у него получилось!»

Один из мечников вышел из боя, но оставалось еще двое. Печальная участь товарища, казалось, должна была научить их осторожности, но, видимо, у альбов имелись свои понятия о доблести — они атаковали разом и с удвоенной яростью. Четыре клинка замелькали в воздухе, плетя смертоносную паутину.

Одноглазый, ни на миг не прекращая двигаться по широкому кругу, уходил от ударов. Изредка он парировал особенно опасные выпады — жестко, серединой клинка, противопоставляя силу быстроте — и тогда сталь пронзительно звенела о сталь, рассыпая яркие искры, заметные даже при свете дня. Одно такое столкновение закончилось звонким щелчком, и один из альбов яростно отшвырнул рукоять с бесполезным обломком лезвия.

В следующий миг рабириец из защиты перешел в нападение. Его атака выглядела так, будто он просто исчез и возник вновь, уже внутри сверкающей стальной сети. Айлэ так и не поняла, что именно произошло, но Каури заметила: баронетта услышала ее восхищенный вздох. И спустя мгновение, за которое глаз не успел бы моргнуть, одноглазый вдруг оказался на середине круга, в странной, какой-то журавлиной стойке, держа меч острием вперед на уровне глаз. Его ошеломленный противник замер на краю арены. Один.



Второй, выронив клинок, медленно оседал на колени. Ярко-красная кровь сочилась меж его пальцев, судорожно стиснувших живот.

Обступившие ристалище альбы не кричали — ревели. Айлэ подумала, что такой вопль услышат и в самом Альваре, где бы этот самый Альвар ни находился. Казалось странным, что всего сотня, много — полторы сотни глоток могут создавать такой шум. Говорить или кричать в этом гаме с надеждой быть услышанным казалось безнадежным.

Ирваст не стал даже пытаться. Вместо этого он просто поднял жезл и указал им сперва на Каури, затем на одноглазого.

Дева-воительница побледнела. Однако, повинувшись безмолвно отданному приказу, выступила вперед, извлекая из ножен клинки. Рабириец, заметив ее движение, шутовски поклонился и отсалютовал мечом — по светлой стали струилась дымящаяся кровь. Альбийка сделала шаг, другой...

— Остановитесь! — прогремело над ареной.

Айлэ удивилась — у кого могло хватить силы перекричать азартные вопли толпы? Лишь спустя пару ударов сердца она сообразила, что громоподобный приказ звучал в ее сознании, — так же, впрочем, как и в сознании каждого из находившихся на ристалище. Альбы притихли, с испугом поглядывая на отдавшую приказ. Каури нехотя опустила клинки. Хасты не шевельнулись.

— Зачем ты остановила развлечение, Медва-



ри? — капризно осведомился Ирваст, сын Хетира. — Клянусь Предвечным, это было потрясающее зрелище! Позволь нашей отважной Каури...

Медвари, весь поединок просидевшая молча, медленно поднялась со своего кресла. Если бы не яркий румянец, маленькими пятнами проступивший на высоких скулах прекрасной альбийки, ее лицо можно было бы назвать совершенно бесстрастным. Но в голосе, когда она обратилась к своему охочему до зрелищ спутнику, почтительность мешалась с едва сдерживаемым гневом:

— Прости, Повелитель. Конечно, я не должна была вмешиваться. В твоей власти приказать им продолжать. Только позволь сперва мне уйти, ибо я не хочу видеть, как Каури падет от руки смертного, как кровь наших лучших воинов льется в пыль ради... твоей забавы. Но, если моя просьба что-либо значит для тебя — прекрати бой. Наши воины, Творец свидетель, не сравнятся с этим бойцом. Телохранитель Хасти честно доказал, что достоин остаться в живых.

— Ну, если ты так считаешь... — Ирваст снисходительно развел руками и тоже встал, бросив куда-то в сторону: — Поединок окончен.

Айлэ таранилась вслед уходившим альбам, не в силах поверить в благополучную развязку. Из оцепенения ее вывел легкий толчок в плечо и знакомый рык Хасти, ядовито осведомившегося, не собирается ли госпожа хлопнуться в обморок.



* * *

Загадочный «Предсел Йаули», чьим повелителем именовал себя Ирваст, сын Хетира, оказался довольно большим городком, лежавшим, по приблизительным расчетам Айлэ, в трех или четырех аквилонских лигах к Полудню от безымянного альбийского поселка.

Город баронетта увидела мельком и решила, что он немногим отличается от людского поселения. Разве что нет крепостной стены и дома разбросаны так, как пожелалось строителям и владельцам, а не вдоль линии улицы. Всадники устремились вверх по лесистому холму, пока не достигли первой и пока единственной увиденной гостями в здешних краях ограды с въездными воротами. То и другое не производило впечатления оборонительного сооружения — просто ряд высоких колонн, напоминающих древесные стволы, меж которых застыло переплетение отлитых из бронзы ветвей и серебряных цветочных гирлянд. Бдевшая на воротах стража в уже знакомых кожаных доспехах пронзительно-лазурного цвета торопливо распахнула створки. Под копытами лошадей захрустел мелкий красный песок широкой дорожки. За колыхающейся зеленью мелькнула остроконечная крыша под блестящей черепицей вишневого оттенка и ряд узких окон в обрамлении бледно-розовых выющихся растений — настоящих или высеченных из камня.

На пересечении двух дорожек кавалькада разделилась: Ирваст, его меднокудрая спутница и



охранявшие их воины во главе с Каури проследовали прямо, а замыкающая часть отряда, где находились чужаки, свернула налево. Еще сотня-другая шагов, и липовая роща, напоминавшая вычищенный и ухоженный лесок, расступилась, открывая приземистые здания непривычной постройки, однако вполне узнаваемого предназначения — где-то ржали лошади, мирно квохтали самые обычные куры, и над крышей одного из домиков вился сизый ароматный дымок.

Баронетту довольно вежливо ссадили на землю — путь до Йаули она проделала, сидя на крупе лошади за спиной у одного из гвардейцев Ирваста. Кто-то громко хлопнул в ладоши, и на прибывших налетела стайка выскочивших невест откуда альбов обоего пола, чрезвычайно похожих на приснопамятного Сириана (чье настоящее имя, как расслышала девушка, вообще-то было Калиндар) — с такими же потличьи блестящими глазами, волосами цвета меда или осенней листвы, и чуть развязными манерами слуг при богатом и знатном дворе.

Айлэ и опомниться не успела, как вокруг нее захопотали трое звонко перекликивавшихся девиц, в непритворном ужасе заахавших при виде растрепанной и перемазанной с ног до головы гостьи. Из щебетания девушек следовало, что ей предлагают войти в дом. Баронетта замешкалась, выискивая своего «верного телохранителя». Таковой обнаружился поблизости. Державшиеся на почтительном отдалении служанки знаками пытались втолковать страховидному чужаку, явно



не понимающему и слова на здешнем наречии — от него требуется идти, куда указано. Тот мало-вразумительно отругивался, упрямо не желая двигаться с места.

— Хасти! — окликнула баронетта. — Ты уже и так всех до смерти перепугал. В конце концов, даже в Киммерии есть какие-то правила приличия!

— Стараюсь, как могу, — оскорбился магик, чуть повысив голос. Челядь немедля брызнула в стороны, а надзиравшие за незваными гостями альбы нахмурились.

— Пойдем, — Айлэ решительно поднялась по каменным ступенькам, плавно изгибавшимся в середине — знаком, оставленным многими тысячами ног, пробегавшим здесь вверх и вниз. — Не утопят же нас в бадье и не угостят пирогом с черным лотосом!

— Не загадывай, — буркнул в спину девушке Хасти. — Вдруг здешнему господину возжелается глянуть, как ты барахтаешься, прежде чем утонуть. За мой счет они всласть повеселились, а я, между прочим, уже не мальчик, если ты заметишь...

Круговерть, поднимавшаяся вокруг двоих странных визитеров, мало отличалась от той, что сопровождает приезд любого гостя, прибывшего издалека и не самой легкой дорогой. Хихикавшие девицы потащили баронетту диа Монброн мыться и причесываться, откуда-то появились свертки разноцветных тканей, замелькала мерная лента и вспыхнул оживленный спор каса-



тельно того, какого рода наряд подойдет для Недолговечной. В душе Айлэ посочувствовала одноглазому — как-то он справится с болтливыми альбийками?

...Так настал вечер — вечер дня, казавшегося бесконечным и вместившего в себя столько, что девушка уже устала пугаться, удивляться и запоминать. Ее наконец-то оставили одну: привели в какую-то комнату, где красовался накрытый на двоих стол и закрыли высокие двустворчатые двери с резным растительным узором. Стоя у створок, Айлэ прислушалась — кажется, снаружи кто-то был. Конечно, подозрительных гостей не оставили без надзора. Может, хозяева еще пожелают увидеть их нынешним вечером и расспросить кое о чем. Например, о «Кэннэн Гэл-лэр». Какой зловредный демон дернул ее за язык, подсказав это название?

В ожидании пока не появившегося Хасти рабирийка отправилась изучать новое жилье. Выглянула из оконного проема, без удивления обнаружив на нем кованую решетку в виде виноградных лоз и убедившись, что находится высоко над землей — второй либо третий этаж. Наткнулась на спрятанные за гобеленами двери: одна вела в спальню, другая в маленький обеденный зал с еле теплившимся камином. Повсюду — стебли, листья, плоды, соцветия... вышитые на холсте, запечатленные в дереве, камне и металле... Выстроившие замок альбы словно старались впустить окружающий лес в свое жилище. Традиция? Память о чем-то давнем? Отчего



нет изображений живых существ? Впрочем, какая разница, не о том нужно думать. Побег наверняка невозможен, да и куда им бежать? В какую сторону?

Последнее соображение заставило Айлэ снова подойти к окну и, встав на цыпочки, постараться выглянуть как можно дальше. На темнеющем небосводе одна за другой появлялись звезды, и баронетта мысленно поблагодарила свою матушку, обучившую дочь хитрой науке чтения огромной небесной книги. Созвездия вроде бы стояли на положенных местах. Судя по едва показавшейся из-за темной линии холмов Жнище с Колосом, Предел Йаули должен находиться где-то в Полуночной Аквилонии, за Гандерландом... или еще дальше, ближе к гряде Киммерийских гор. Может, это Ямурлак? Ходят же слухи, что в сердце Забытой Земли сохранились развалины альбийских поселений... Хальк Юсдаль в своих воспоминаниях писал, что лично видел останки крепости, якобы выстроенной атлантами или альбами.

Приглушенно стукнула дверь — наконец-то пожаловал рабириец. Вполне живой, и — редчайший случай! — казавшийся довольным жизнью. Бросил взгляд по сторонам, кивнул, потребовал от девушки: «Ну-ка покажись!» и восхищенно запоем заговорил. Польщенная баронетта Монброн расправила складки подаренного одеяния — яблочно-зеленого, с бирюзовыми и алыми прошивками, но чуток великоватого. Служанки уверяли, что к завтрашнему утру гостье из рода Не-



долговечных предоставят все потребное женщине, оказавшейся вдали от дома.

С Хасты, должно быть, девицам-альбийкам пришлось изрядно повозиться, но им удалось привести «воина из Киммерии» в приличный вид. Правда, магик зачем-то сохранил свой выцветший синий плащ и неизменную кожаную маску, которые небрежно швырнул куда-то в угол.

— Кажется, из Рабиров нас занесло напрямик в Ямурлак, — изложила свои соображения Айлэ, присаживаясь за стол и с любопытством приподнимая серебряные крышки с блюд. — Звезды, во всяком случае, указывают именно на эти края... Слушай, как вкусно пахнет! Чур, мне вот это... и это тоже! — она потянула к себе приглянувшиеся тарелки.

— Эй, а я? — возмутился рабириец.

— Уроженцы Киммерии, как ведомо любому образованному человеку, питаются мясом только что убитых медведей, печенью врагов и кислым пивом из овечьего навоза, — изрекла баронетта, передразнивая речь падменного Ирваста, и заключила: — Всего этого здесь нет, так что ходить тебе голодным. Но коли ты у нас истинный герой, спасший бедную девицу из лап коварных альбов, то позволяю тебе забрать остатки моего ужина.

— Едва спасший, — честно признался Хасты. — Беру обратно суждение о трусоватости местных воинов. Та лихая троица едва не выпустила из меня дух. Боя с дикой кошкой, как ее... ну, что заправляет гвардейцами здешнего правителя



— Каури? — я мог бы и не пережить. А ты молодец — правильно с ними держалась и верно говорила.

— Да-да, — Айлэ отодвинула пустое блюдо и в задумчивости скрестила перед собой кончики пальцев. — Вот только хотелось бы знать, по чьей милости меня угораздило помянуть «Кэн-нэн Гэллэр»? Я его в глаза-то никогда не видела! Знаю только, что у придворного волшебника Пограничья, Тотланта, есть частично переведенный список, да еще один фолиант хранится в Бельверусе. Когда мы искали способ составить заклинание для спасения Рабиров... — она запнулась, но маг вроде не собирался гневаться, только удрученно вздохнул, — ...мы думали обратиться в Немедию с просьбой позволить ознакомиться хотя бы с копией этой книги, но не успели. Что в ней такого особенного? Это же просто свод альбийских хроник, сильно искаженный скверными пересказами. Отчего наших хозяев так взволновали мои слова?

Прежде чем ответить, рабириец долго молчал, отбивая тонким серебряным ножом по краю стола какой-то рваный ритм.

— Поверишь, если я скажу, что не внушал тебе ничего подобного? — наконец заговорил он. — Мне не приходило в голову, что речь пойдет об описании книги, в которой твой отец якобы обнаружил заклинание. Я полагал, достанет краткого упоминания... Между прочим, Айлэ, ты понимаешь, что стала единственным человеком, способным бегло говорить и читать на древних



альбийских наречиях? Вернешься домой — сделаешь себе имя и состояние, переводя для летописцев и волшебников старинные трактаты.

— Если нам повезет вернуться, — уточнила баронетта Монброн. — Пока мы сидим в клетке — очень уютной, но все-таки клетке. Или ты собираешься дожидаться глухой полночи и заняться выламыванием решеток? А дальше что? Спустимся по стене, украдем пару лошадей и поскачем в сторону Полудня — авось, успеем добраться до границы с людскими землями прежде, чем нас опять сцапают?

— Замысел, обреченный на провал, — покачал головой Хасти. — Нужно придумать что-нибудь получше. И ни на миг не забывать, что, пока мы прохлаждаемся здесь, Проклятие Исенны делает свое дело, губя какой-то народ.

— А может, оно все-таки исчезло? — жалобно предположила Айлэ. — Поэтому и твоя попытка идти по следу ничего не дала...

Одноглазый скорчил презрительную гримасу, явно собираясь разразиться речью касательно безответственной и самоуверенной молодежи, сующей нос куда не следует. Но тут в дверь коротко стукнули, створки распахнулись, и в комнату стремительно не вошла — ворвалась альбийка-воительница Каури по прозвищу Черный Шип.

* * *

В первый миг баронетта и ее спутник опешили, не признав во внезапно явившейся женщине



ту, которой едва не довелось померяться с рабрийцем в умении владеть оружием. Каури рассталась со своей кольчугой, сменив ее на короткую темно-голубую тунику, перехваченную наборным перламутровым поясом, на котором, правда, по-прежнему раскачивались два неизменных кишжала. То ли они служили признаком ее должности, то ли альбийка вообще не расставалась с оружием. Айлэ невовремя подумалось, что, появившись Черный Шип при аквилонском дворе, жизнь воительницы стала бы крайне затруднительной. Ей бы просто не давали проходу, оспаривая малейший знак ее внимания и складывая кансоны в честь ее острых успехов.

— Я пришла узнать, как вас устроили, — едва переступив порог, бросила Каури. В качестве приветствия Хасти достался короткий и четкий кивок, второй — на единое мгновение длиннее — выпал на долю баронетты Монброн.

— Мы благодарны владельцам этого замка за оказанную нам милость, — осторожно ответила Айлэ, еще не привыкнув к новообретенному дару и незнакомому невучему языку. — Если им угодно лицезреть нас, мы немедля...

— Не угодно, — отмахнулась альбийка. — Они ссорятся. Это развлечение занимает их гораздо больше, чем созерцание пары Недолговечных, так что мириться они будут до утра. Но в любом случае завтра в полдень мы отправляемся в дорогу.

— Можно ли узнать, куда? И как долго продлится наш путь? — девушке казалось, что она



прокладывает тропинку через бездонное болото, где каждый шаг влево или вправо может привести к гибели. Хаста помалкивал, делая вид, будто не понимает ни слова, и только исподтишка следил за Каури.

Прежде чем ответить на вопрос, воительница словно бы в задумчивости бесцельно побродила по комнате и наконец остановилась у забранного золоченой решеткой окна, подставив лицо потоку вечерней прохлады.

— В Альвар. Это столица. Там Древесный Чертог — жилище Верховного и его приближенных. От Йаули — день пути, — проговорила она, не глядя на баронетту. Каури вроде бы выполнила то, зачем пришла — убедилась, что ценная добыча никуда не пропала и не помышляет ударить, но уходить не торопилась. Повисла неловкая пауза. Черный Шип, стоя у окна, нетерпеливо пристукивала каблучком. В конце концов, уловив весьма красноречивый взгляд альбийки, «телохранитель из Киммерии» смекнул, что дальнейшее его присутствие считают излишним.

— Она хочет о чем-то с тобой потолковать, — подал голос рабириец, весьма натурально зевая. — Если спросит, что я говорю, скажи — я попросил дозволения вздремнуть. Я уйду в соседнюю комнату, а ты поболтай с этой девицей. Расспроси ее о здешних порядках, о ней самой... В общем, сама сообразишь. Глядишь, обзаведешься подружкой.

— О чем он говорит? — подозрительно осведомилась Каури.



— Что ему претит слушать женскую болтовню и он хочет спать, — «перевела» баронетта Монброн. Воительница совершенно по-кошачьи фыркнула:

— Тогда отошли его. Только сперва передай ему мои слова: пусть поменьше мнит о себе. Мы еще продолжим то, чему не удалось завершиться сегодня — и посмотрим, кто уйдет сам, а кого унесут!

Айлэ добросовестно перевела, добавив от себя просьбу не устраивать перепалку, поскольку она испытывает затруднения с переложением цветистых киммерийских проклятий на альбийское наречие. Хаста, продолжая что-то раздраженно ворчать себе под нос, удалился, запасливо прихватив одну из украшавших стол бутылей.

Только после этого Каури наконец присела напротив баронетты дия Монброн и какое-то время пристально разглядывала девушку. В голову Айлэ начали закрадываться тревожные предположения: начиная с того, что его милость Ирваст все-таки решил избавиться от непрошенных гостей и воительнице поручено это исполнить, до совершенно нелепой мысли — кто знает, какие у альбов отношения между собой и не испытывает ли Черный Шип, случаем, тяги к представительницам своего пола?

Не выдержав, Айлэ вежливо кашлянула:

— Можно мне спросить? Господин Ирваст и госпожа Медвари — кто они друг другу? Отец и дочь? Или брат и сестра?

— Дальние родичи, — альбийка мотнула брон-



зовыми локонами, стянутыми неизменной алой лентой, точно разгоняя скверный сон. — Сейчас она его подруга. Раньше у него была другая, но Высокому захотелось госпожу Медвари. Возражать в таких случаях не принято... и тебе не советую, — она едко ухмыльнулась. — Впервые на моей памяти Недолговечным, явившимся в Заповедный Край, оставляют жизнь и мало того — везут ко двору! Что ж, постарайся проявить себя в Чертогах с лучшей стороны, иначе моим господам придется несладко. Верховный их не слишком жалуется.

— Тому есть веская причина? — баронетте не требовалось нарочно изображать жгучий интерес, ей в самом деле было до крайности любопытно.

— Говорят, госпожу Медвари и кого-то из ее друзей заметили там, где им не следовало находиться — в Хранилище Древностей, — неопределенно махнула рукой Каури. — Кое-кто считает, что госпожа чрезмерно увлекается поисками магических книг... Если ты действительно знаешь что-то о «Кэннэн Гэллэр», расскажи ей, — неожиданно серьезным тоном посоветовала воительница. — Госпожа Медвари очень умна, умнее многих в Иаули и других замках, и она из тех немногих, что заботятся о поддержании спокойствия в наших землях. Только не рассчитывай разжалобить ее слезами о покинутых родителях, — теперь голос альбийки стал слегка подрагивающим от сдерживаемой злости. — Привыкай к мысли о том, что твой дом отныне и до смерти



— здесь. Госпожа Медвари не сможет вернуть тебя обратно, даже если бы и захотела. Никто не покинет Заповедного Края — ни рожденные здесь, ни пришедшие извне. Мы отрезаны от всего и от всех — с тех пор, как проведена Оберегающая Черта. Конечно, нас никто не беспокоит... но, с другой стороны, если мы все тут перемрем, никто об этом не узнает и не пожалеет. Высокий Альвар станет таким же, как Венаада — ты видела развалины рядом с поселком? Впрочем, вы же оттуда явились, ведь так?

Черный Шип дотянулась до ближайшего бокала, залпом выпила содержимое и мрачно уставилась на пустую чашу. Похоже, воительница говорила о том, что давно ее волновало, но напуганная столь внезапной и беспричинной вспышкой ярости Айла почти ничего не поняла. Ей хотелось разузнать, что такое «Оберегающая Черта» и кто ее создал, отчего было разрушено и не восстановлено такое великолепное поместье, как Венаада, почему всех так волнует старинная альбийская хроника и что скрывается за словами «Прямая Тропа»?

— Когда-нибудь ты узнаешь ответы на большинство вопросов, — словно подслушав ее размышления, негромко сказала Каури. — Или не узнаешь, если на то не будет воли Небес. А пока — утоли-ка мою любознательность. Хочу знать, ошиблась я или нет — в твоей родословной были Живущие Вечно?

— В семье моей матери ходило предание, — баронетта решила, что не погрешит против ис-



тины, слегка приукрасив свое настоящее происхождение: — Якобы то ли прадед, то ли прапрадед привез откуда-то с Полуночи удивительной красоты деву, не ведавшую губящего дыхания старости. Она оставалась с моим пращуром до дня его кончины, а потом исчезла. Куда — никто не знает. Наверное, вернулась в родные края. У них родилось двое детей, в числе потомков которых — моя мать и я сама.

«Что бы сказала на это Меланталь Фриерра, способная перечислить своих родичей до седьмого колена и дальше? — упрекнул тихий голосок совести. — Она-то уж точно знала, чья она дочь, и кто ее предки».

— С Полуночи... — задумчиво повторила альбийка, точно советуясь сама с собой. — Что ж, могло быть и такое... Некоторым беглецам удавалось поймать удачу... Ладно! — она пристукнула маленькой твердой ладонью по столу иглянула в окно. — Уже поздно, вам нужно отдохнуть перед завтрашним путешествием, да и у меня есть дела. Но, прежде чем уйти, я хотела бы... — она почему-то замялась, но договорила: — ...вспомнить одну традицию. Не имеет значения, как поначалу вас встретили и что думают о вас наши господа. Знаешь поговорку о том, что всякий соловей — птица, но не всякая птица — соловей? — баронетта кивнула. — В Заповедном Краю то же самое. Высокий Ирваст, госпожа Медвари и я — альбы, Живущие Вечно, и при этом ведем свой род от разных корней. Понимаешь?



— Нет, — огорчилась Айлэ.

— А я не умею толково объяснить, — раздраженно дернула углом рта Черный Шип. — Обращаться с клинками у меня получается гораздо лучше.

Воительница рывком поднялась из кресла, подошла к окну и подняла с узкого подоконника сверток, оставленный ею же в самом начале странного визита.

На свет явилось плавно изогнутое горлышко, а затем и вся бутылка — темного, почти фиолетового стекла с рассыпанными по гладкой поверхности алыми крапинками. Каури с изрядным усилием выдернула залитую смолой пробку, вдумчиво принялась к аромату напитка и неторопливо разлила густую, как кровь дракона, жидкость по бокалам.

— Выпьешь — останешься и будешь нашей гостьей, — баронетта сперва решила, что ослышалась — такое же приветствие испокон веку бытовало в Рабирийских холмах, передаваясь из поколения в поколение. Меланталь говорила, будто эти несколько слов сохранились еще с времен падения Черной Цитадели, став изгнанникам единственной памятью об минувшем. — Откажешься — мы дадим тебе место у очага, но не откроем своих тайн. Что выбираешь?

— Чашу, — привычно откликнулась Айлэ, поднимая свой бокал. В отличие от Каури, она сумела осилить только половину — вино оказалось слишком крепким и сладковатым. В оставшейся рубиновой жидкости мерцали еле разли-



чимые золотистые искорки — или померещилось?

Должно быть, золотой блеск не был игрой света на хрустальных гранях — зрачки Каури на миг расширились, но более воительница ничем не выдала своего удивления.



Глава третья

Древесный Чертог



11 день месяца Таур.



ортеж, направлявшийся в неведомый Альвар, покинул Йаули не в полдень, а даже несколько раньше. Помимо собственно Владетеля Предела, госпожи Медвари, прислуги и охраны, за отрядом катились тяжело груженные повозки, запряженные, к удивлению Айлэ, четверками низкорослых выносливых коньков — в точности таких, каких можно встретить на любом пастбище в Нордхейме и Полупочной Аквилонии.

Изловленным Недолговечным предоставили пару лошадей и указали место в цепочке — под бдительным присмотром воинов в синих доспехах. Баронетта решила, что синий, должно быть, является геральдическим цветом хозяев Йауле — он присутствовал в одеждах, украшениях,



бляшках лошадиной сбруи и небольшом знамени, развевавшемся в голове колонны. Стяг украшал изображение золотого дракончика в лазоревом поле.

Разговаривать пленным не запрещалось, но первые лиги пути они проделали в молчании — Айлэ восхищенно глазела по сторонам, Хасты, напротив, впал в мрачность и не проявлял интереса к проплывающим мимо красотам природы. А те заслуживали внимания: плавно поднимающиеся холмы, между которыми вилась дорога, перелески, редкие поселения в десяток домов, прячущиеся между деревьями, длинный каменный мост через быструю, но мелкую реку... Округа казалась пустынной, и девушка недоумевала — жители так малочисленны или во время проезда владетеля простецы не должны соваться ему на глаза?

Однажды она заметила отстоящую в стороне от тракта маленькую крепость, подивилась отсутствию часовых на стенах и вымпелов на флагштоках, но, всмотревшись, поняла — цитадель давно заброшена.

Внезапно ей пришло на ум неожиданное сравнение: Заповедный Край до смелного напоминал хранившийся в Тарантийском дворце огромный чертеж королевства Аквилонского, выполненный из различных драгоценных камней. Там тоже были леса из кусочков малахита, переливающиеся всеми оттенками зелени, крошечные замки, города, деревни и гавани, бирюзовые реки, выложенные красной яшмой дороги и горы



из настоящего гранита — самая большая высотой с ладонь. Прекрасная, но такая хрупкая игрушка...

Размышления повергли баронетту Монброн в задумчивое настроение. Она заново повторила в памяти короткую беседу с девицей-воительницей, но так и не обнаружила подлинных причин визита Каури Черный Шип к незванным гостям из рода смертных. Одноглазый магик, выслушав ее повествование, только скривился:

— Не хотелось бы никого обижать, но не приходило в ли твою умную голову простое соображение: дикую кошку отправили втереться к тебе в доверие. Авось ты сболтнешь что-нибудь полезное или любопытное. Мы ведь сейчас стали разменной монетой в торговле между здешним правителем и господами Предела Йаули. Сама говоришь, между ними скверные отношения. Вот и пытаются задобрить своего короля подношением забавной живой диковины.

— А по-моему, ты сегодня встал не с той ноги, — обиделась баронетта дия Монброн. Рассуждения Хасты, что самое досадное, вполне могли оказаться истиной: у альбов не имелось никаких причин быть честными с пленниками, а Черный Шип всего лишь исполняла приказы своего сюзерена... — Каури хотела что-то узнать или, наоборот, о чем-то предупредить. Я оказалась слишком недогадливой, чтобы сообразить, что имеется в виду. Только поняла, что у альбов есть какие-то междоусобные споры — но сие как раз неудивительно. Они процветают, не ведут войн



и им не угрожает ничего, помимо скуки. Чем еще заняться, кроме плетения интриг?..

Солнечный диск катился по небосводу, вереница всадников продвигалась куда-то в сторону полуночного заката, дважды останавливаясь на отдых. Первый раз — около третьего дневного колокола, возле поселка на берегу сонного озера, второй — ближе к вечеру, в роще подле запруженного ручья, где рядом стояли выдолбленные из серого блестящего камня глубокие колоды. Здесь задержались ненадолго — только напоили лошадей и наскоро перекусили. Кто-то из гвардейцев обмолвился, что ехать осталось всего ничего: они прибудут в Альвар еще до заката солнца.

Новость заставила Айлэ слегка приободриться. Может, еще не все потеряно? Вдруг случится чудо — ей удастся убедить местного правителя в том, что они попали сюда совершенно случайно и, если им позволят вернуться домой, не намерены кричать на всех перекрестках о местонахождении Заповедного Края?

Дорога расширилась, став более наезженной и запыленной. Изменился даже воздух: в нем витал отчетливый и неизбывный запах близкого жилья, причем не какой-то захудалой деревушки в три двора, а настоящего крупного города. Наконец-то стали попадаться прохожие и проезжие — в большинстве своем напоминавшие жителей памятной деревушки недалеко от руин Венаада и слуг в замке Йаули.

Припомнив обрывочные высказывания Кау-



ри, баронетта Монброн рассудила, что население Заповедного Края состоит из трех или четырех разных альбийских народностей. Такие, как Ирваст и его подруга Медвари, пребывают в меньшинстве, но зато наделены властью. Значит, и здешний верховный правитель паверняка из их колена. Черный Шип и подобные ей альбы со смуглой кожей, видимо, традиционно входят в сословие воителей; а прочие заняты повседневными хлопотами, работами на земле и ремеслами — не из воздуха же берутся те прекрасные вещи, которыми наполнен Предел Йаули? Хотя при таком владении магическими искусствами — почему бы и нет...

Самого города ей увидеть не довелось, только неровную цепь разноцветных черепичных крыш да взметнувшуюся над ними тонкую и легкую башенку непонятного назначения — то ли сторожевую вышку, то ли чье-то причудливое жилище. В толще башни приветливо светилось несколько круглых окон. Не доезжая до окраин поселения, кавалькада повернула, перестраиваясь на ходу — десяток воинов, могущих похвастаться доспехами пурпурного оттенка, переместились вперед, окружив Высоких альбов. Синие доспехи оттеснили повозки и челядь назад, Айлэ и ее спутнику приказали вести себя тихо, не совываться и не отходить далее двух шагов в сторону. Такое же повеление отдали и слугам — надо полагать, порядки во дворце правителя царили строгие, праздных зевак там не жаловали.

Дорога пошла вверх, выписывая плавные кри-



вые между неизвестными баронетте Монброн высокими кустами с темно-зеленой листвой, усыянными мелкими лиловыми соцветиями. Пару раз ей казалось, будто среди ветвей мелькают движущиеся фигуры, но первых обитателей королевского замка они встретили только у преграждавшей дорогу кружевной бронзовой арки, густо оплетенной бархатом плюща. Процессия остановилась, до баронетты донеслась неясная переключка, затем — благозвучная мелодия звянящего гонга. Господа Предела Йаули вкупе со своим перешептывающимся сопровождением тронулись дальше.

Всего таких арок, находившихся под охраной стражников, носивших алые с зеленью и серебром цвета, насчитывалось четыре. Последняя была вырублена из мрамора и украшена двумя статуями в нишах — слева лучник, справа женщина в зубчатом венце. Повозки, слуг, пленных и часть охранников дальше не пропустили, разрешив проехать только господам с малой свитой.

За аркой виднелся обширный двор, замкнутый с трех сторон невысокой осыпающейся каменной стеной, а с четвертой — полукруглой нависающей террасой с двумя лестницами, опирающейся на древесные стволы с могучими корнями. За ней высился темный массив собственно дворца, расцвеченный кое-где покачивающимися слюдяными фонариками, испускавшими бледно-зеленый и топазовый свет.

Приглядевшись, Айлэ с удивлением поняла:



деревья в основании крыльца — живые! Какой-то диковишной породы: приземистые, в рост человека, с густой разветвленной кроной, на которой возлежит массивный настил. Ей очень хотелось спросить у Хасты, не знает ли он названия этих удивительных растений, но она не решилась.

На террасе кто-то появился — блеснуло золотое шитье, мягко затоптали каблуки по дереву, певучий голос произнес то ли приветствие, то ли распоряжение. Любопытство заставило девушку приподняться на стременах, и из-за спин всадников она увидела, как Ирваст и Медвари рука об руку торжественно всходят по ступенькам. Следом выступала чрезвычайно серьезная Каури Черный Шип и двое гвардейцев в пурпурной с золотом коже. Заходящее солнце придало увязанным в пышный узел локонам госпожи Предела Йаули ослепительный медный блеск и тягуче засветилось на позолоченных рукоятках мечей воительницы.

* * *

Надежды Айлэ дна Монброн на то, что их разместят где-нибудь в отдаленных комнатах вместе с прислугой и до утра оставят в покое, почти сразу разлетелись вдребезги. Приезжих из Йаули действительно впустили во дворец с более скромного входа, а не с торжественной парадной террасы, слуги начали вынимать из повозок сундуки, лошадей повели на конюшню...



но тут один из гвардейцев, словно получив неслышное приказание, требовательно махнул баронетте и ее спутнику.

— Вам велено быть готовыми, — известил встрепёнувшихся людей альб. — Верховный желает видеть правителя Йаули... и обоих Недолговечных тоже. Так что поторапливайтесь... Где их скarb? — этот выкрик уже относился к засуетившейся прислуге. — Доставайте и несите за ними. Вот та дама проведет вас, — он указал на появившуюся в дверях строгого облика женщину в голубом и серебристом.

— Я боюсь, — постыдно причитала Айлэ на аквилонском, торопясь вслед за молчаливой придворной по узкому коридору и даже не успевая глянуть по сторонам. Где-то позади сопели носильщики и шелестели платья девиц, прислуживавших госпоже Медвари. — У меня ничего не получится! Или, еще того хуже — здесь сразу догадаются, что никакой ты не телохранитель, а самый что ни на есть маг и колдун. А если кто-нибудь сунется в мою память, где нет ни единого словечка из «Кэйнэн Гэллэр»? Когда они сообразят, что мы их обманывали... Да этот Ирваст превратит нас в что-нибудь тихое и боязливое, вроде пары лягушек!

— Силенок не хватит, — огрызнулся Хасти. — Не хорони ты нас прежде времени, будь добра! И перестань стучать зубами — за поллиги слышно. Что касается этого злосчастного трактата — не удивляйся, если заглянувший в твою голову обнаружит там целый ворох отрывков из него и



других многоумных книг. Чем, по-твоему, я занимался, пока ты с открытым ртом глазела по сторонам, ровно дурочка из захолустья, и ахала над каждым кустиком? В конце концов, ты прожила год в Тарантийском замке — и еще чего-то пугаешься?

— Да, но... — Айлэ едва не споткнулась на ступеньках витой лестницы. — Его величество и госпожа Дженна — люди, самые обычные смертные люди!.. Мне известны их достоинства и недостатки, слабости и пристрастия, я знаю, чего от них ожидать! Конапу в голову бы не пришло казнить человека только по той причине, что перед ним иноземец! А эти, с позволения сказать, Высокие альбы!..

— Зато доблестная Каури вроде бы к тебе расположена, — поддел одноглазый.

— Пока ветер не подует в другую сторону, — отмахнулась девушка. — Что ей до меня? Разве что славным вином угостила, и на том благодарствуем...

Воительница, чьи косточки перемывали двое Недолговечных, ожидала их, в нетерпении приотпывая ножкой по толстому ковру. Звенья ее кольчуги при этом тоненько позвякивали.

— Улитки быстрее тапчутся, чем вы ходите, — раздраженно буркнула она. Придворная дама, сопровождавшая гостей, только скорбно вздохнула — должно быть, здесь привыкли к резковатым манерам Каури и отказались от мысли их исправить. — Чистая вода — там, переодеться вам помогут, и не заставляйте Высоких ждать,



ясно? Айлэ, растолкуй своему уродцу, чтобы пошевеливался, и сама не стой, как вкопанная!

Кажется, Хасти стоило большого труда притвориться, будто он не понял слов альбийки...

Тихая суматоха длилась с четверть колокола, затем воительница из Предела Йаули придиричиво осмотрела живые дары правителю Заповедного Края. Девице Монброн было указано чуть более расшнуровать лиф без того вызывающе открытого платья изумрудно-шафрановых оттенков и смотреть поласковой. Одноглазого обвинили в том, что тот нарочно горбится, уподобляясь приплюснутому народцу, сиречь дворгам, и велели немедленно нацепить маску, дабы ненароком не испугать кого-нибудь.

За аркой дверного проема, задернутой полупрозрачной коричнево-золотистой кисеей, обозначилось какое-то движение. Черный Шип постояла мгновение, крепко зажмурившись и словно собираясь с духом, затем размашисто кивнула: «Пошли».

— Прости наше невежество, Каури, но мы до сих пор даже не знаем, к кому идем! — как можно жалобнее пискнула баронетта, надеясь выгнать хоть пару мгновений отсрочки.

— К Верховному повелителю Альвара и Древесного Чертога, Бастиану, сыну Эрианна из рода Ладрейнов, — рассеянно отозвалась альбийка. — Но тебе вряд ли удастся с ним побеседовать. Будешь говорить, если только к тебе обратятся, а до того стой тихо. И не забудьте поклониться Верховному — скажи это своему приятелю.



Имя альбийского короля значило для Айлэ не более, чем набор загадочных и красивых звуков, но спустя пару ударов сердца ее чувствительно ткнули локтем в бок.

— Спроси ее, что случилось с Эрианном, — настойчивым шепотом потребовал Хасти. Девушка изумленно воззрилась снизу вверх на «телохранителя»:

— С кем, с кем?

— С прежним правителем, отцом нынешнего короля, — голос рабирийца не был приспособлен для тихих разговоров, и шедшая впереди Черный Шип обернулась, смерив болтунов испепеляющим взглядом.

— Какая разница, что с ним случилось? — зашипела баронетта Монброн. — Помер, должно быть, а корона досталась наследнику.

— Летописи надо было внимательнее читать, — сдавленно каркнул в ответ Хасти. — Эрианн не мог умереть — он был из Первых, Сотворенных альбов. И он же участвовал вместе с Исенной в осаде Черной Цитадели. Туда пришло трое вождей — Исенна, Эрианн и Олвин. Исенна мертв, что же касается остальных...

— Помолчи, ради всего святого, — взмолилась Айлэ. — Каури и так на нас нехорошо косятся, а ты вовсе сыплешь именами альбийских королей. Ты ведь неграмотный телохранитель из Киммерии, не забыл?

Терпения магика достало ненадолго — когда пленных поставили в хвосте маленького кортежа, возглавляемого господами Йаули, и повели



дальше, он снова заговорил. Баронетта могла бы побиться об заклад, что теперь шипящий шепот ее спутника до самого краешка наполнен тревогой:

— Ты ничего не чувствуешь?

— У здешних обитателей пристрастие к лавандовой воде или ею тут полы моют, — буркнула девушка.

— Я не это имел в виду! Ощущаешь магию?

Способ обнаружить присутствие источников волшебства Айлэ знала, но, сколько она не пробовала применять это заклинание дома, ей удавалось разглядеть в лучшем случае подобие туманных ручейков, в худшем — призрачную радужную пелену. Здесь же, едва она прикрыла глаза и мысленно произнесла нужные слова, ее едва не сбilo с ног — мимо струились целые потоки зелено-золотистых огней, круживших по стенам и потолочным балкам, превращая Чертог в наполненный светом кристалл или сияющий на солнце кусочек льда. Магические реки устремлялись куда-то к вершине здания, и закручивались в искрящийся водоворот, соединяясь в единой точке, переливавшейся алмазным блеском.

— Ее здесь больше, чем на всем Материке, — прошелестела изумленная баронетта Монброн. — Больше, чем я когда-либо видела или могла представить. Она стремится к месту, куда мы идем. Там ее средоточие, ее сердце... Что это может быть?

Ответ Хасти выразился в уклончивом пожа-



тии плечами, после чего на рабирийца вновь напала немота и он попытался стать как можно незаметнее — что не представлялось возможным по причине его роста и телосложения. Запутавшаяся в таком количестве тайн Айлэ прикоснулась рукой к поверхности стены, убеждая себя, что замок альбов вполне материален и осязаем. Стена оказалась чуть теплой на ощупь и слегка шершавой, словно покрытой мельчайшей, не различимой глазом резьбой.

От попыток запомнить дорогу девушка отказалась сразу: столько раз они поворачивали, поднимались и спускались по коротким лестницам, следуя в мягкой голубоватой полутьме за опалово мерцающей лампой в руках провожатого из числа местных обитателей. Похоже, тут очень любили пору сумерек, грань между завершающимся днем и грядущим вечером, и делали все, чтобы удержать ее, не дать закончиться, превратившись в ночной мрак. Создатель дворца явно не желал тратить время, открывая и закрывая двери: их заменяли арки разнообразных видов и форм, укрытые отрезами легких тканей или занавесями из пестрых бус.

Из некоторых проемов лился свет, доносились обрывки бесед, тихий смех и музыка. Однако никто не высунулся наружу — посмотреть на проходящих гостей, и даже неременная в любом мало-мальски богатом поместье стража на глаза не попадалась.

«Дерево, — подумала Айлэ, проходя очередным узким коридором, где округлые в сечении



балки перекрещивались над головой подобием листовенного полога, а витые колонны походили на серо-зеленые стволы молодых побегов. — Мы внутри огромного дерева. Точно, потому дворец и зовется Древесным Чертогом. Его, наверное, не построили, а вырастили за много-много сотен лет. Ни одного острого угла, выступа или треугольного портика — только скругленные линии, зыбкость, недоговоренность...»

Она еще успела пожалеть, что никогда не бывала в глубине Холмов над Хоротом — любопытно было бы сравнить манеру обустраивать жилища в двух уцелевших краях некогда великих народов — когда длинная спиральная лестница, по которой они поднимались, наконец закончилась перед аркой в виде тонкого ивового листа. По сторонам несли дозор двое копыеносцев в алом и зеленом.

Завидев приближение визитеров, они слаженным движением раздвинули шелестящий полог из лиловых и желтых лент. Сперва за ним исчезли господа Йаули, потом Каури Черный Шип и двое сопровождающих, затем настала очередь привезенной диковинки.

Баронетта Монброн еле удержалась от ехидного смейка, представив, с каким скрипом согнется в поклоне такой образчик самоуверенности и надменности, как Ирваст, и шагнула через порог. Про себя она решила, что валиться на колени ни за что не станет, даже если ей опять перепадет изрядного тычка от альбийской воительницы.



* * *

В помещении оказалось неожиданно светло — теплые жемчужные лучи лились из красовавшейся на одноногом столике матовой полусферы в оправе из золотых колосьев. Айлэ, как и полагалось воспитанной молодой даме из приличного семейства, склонилась в глубоком поклоне, и только спустя какое-то время рискнула бросить из-под ресниц изучающий взгляд. Полки с толстенными фолиантами, поблескивание двух скрещенных клинков на резной деревянной панели, какие-то картины... снова книги. Ага, вот и Черный Шип — опустилась на одно колено, эдакая аллегория Верного Служения и Преданности. Ой, Повелитель Ирваст и в самом деле кланяется, да как низко! Как у него только спина не переломилась? Что до госпожи Медвари, то ей словно все нипочем — присела в реверансе, взмахнув шлейфом синих одеяний, и замерла прекрасным изваянием. Такое впечатление, что, если понадобится, хозяйка Предела Йаули простоит так день, два, луну или год, не испытывая притом ни малейшего неудобства.

Но где же владелец всей этой роскоши? Нарочно заставляет себя ждать?

Мгновения, когда из кресла, повернутого высокой спинкой к дверям, возникло живое создание, баронетта Монброн не уловила. Скорее, ощутила — оттенок сияющего шара дрогнул, сделавшись чуть темнее, и поспешила опустить голову пониже. Отчего-то ей стало жутковато —



без всякой причины, как порой человека охватывает ледяной холод посреди жаркого дня. Краем глаза она заметила промельк одежды густого винно-алого цвета и прикусила губу, чтобы не ойкнуть.

— А, вот и наша бесстрашная Каури, — ручейком среди обледенелых камней прозвенел незнакомый голос — вроде бы мужской, но при этом сохранивший юношескую чистоту. Айлэ показалося странным, что правитель Заповедного Края обратился к воительнице, не уделив никакого внимания господам Предела Йаули. — Рад тебя видеть. Надеюсь, на грядущем празднике ты доставишь мне и моим гостям удовольствие лицезреть твоё искусство во владении оружием?

— Как будет угодно повелителю Чертога, — ровным, липеным всяких интонаций голосом отчеканила альбийка.

— Ах, Каури, Каури, — с сожалением вздохнули слева от баронетты, хотя миг назад говоривший вроде бы стоял справа. — Сколько ещё мне твердить: шипы портят твою красоту. И прекрати изображать воина в карауле, отвечающего только «да», «нет» и «будет исполнено»!

— Такова уж я есть... повелитель, — медленно проговорила Каури. — Мне не суждено быть розой в благоухающем цветнике. Да, они лишены колючек и радуют глаз, зато любой может их сорвать. Я всего лишь дикий терновник у врат замка — он не годится для букетов.

— Но кто же скрывается в так бдительно хранимой тобой крепости? — с легкой издевкой во-



просил обладатель хрустального голоса. — Не обманывает ли меня зрение: Медвари Неприступная наконец-то решила покинуть столь дорогой её сердцу Предел Йаули? Ирваст, признавайся — тебе пришлось наложить на неё обманные чары? Мне затруднительно представить иное средство заставить её приехать... Между прочим, вы оба, бесценные мои друзья, не раз упомянули некое удивительное сокровище, которое вы так поспешно желали доставить сюда. Ну, и где оно?

Чёрный Шип кивнула на державшихся сзади людей. Скрипнули половицы, рядом с Айлэ легла длинная тень. Тонкие холодные пальцы крепко ухватили девушку за подбородок, заставив сперва поднять лицо, а затем и выпрямиться в полный рост. Баронетта почти смирилась с тем, что ей вновь назначено очутиться в роли бессловесной домашней твари, продаваемой на рынке. Однако, как она не старалась держать себя в руках, удивленное «Ой!» у неё все-таки вырвалось.

Повелитель Чертога оказался изрядно выше девицы Монброн, но Айлэ не могла отделаться от впечатления, что альб лишь самую малость старше её годами. Она увидела слегка раскосые глаза светло-фиолетового оттенка, вроде бы смеющиеся, но там, на самом их дне, совершало бесконечные круги прожитое время. Узкое лицо обрамляли ничем не сдерживаемые прямые волосы, похожие на сказочную серебряную пряжу — король Заповедного Края не носил венца или короны. Единственным и достаточ-



ным признаком его сана была блестящая вещьца, зажатая в левой руке — жезл в виде короткой золотой ветви с единственным ярко поблескивающим камнем величиной не более лесного ореха.

— А вы уверены, что это — Недолговечная? — неожиданно осведомился Его альбийское величество Бастиан, сын Эрианна. Голос его звучал живо и заинтересованно — в отличие от высказываний бесстрастных подданных. — Ирваст, откуда вы ее взяли? Она понимает наше наречие?

— Эта девица пришла со стороны Велнина, маленького поселка в Пределе Йаули, что стоит почти у самой Оберегающей Черты, — отвечая, Ирваст почему-то не упомянул развалины Венаадда. — Она разумела отдельные слова нашего языка, хотя вела себя порой как дикое животное. Высокой Медвари показалось, что сознание девицы достаточно податливо, чтобы вместить еще некоторую толику знаний. Она сочла нужным произнести над Недолговечной заклятие Живого Слова, после чего мы расспросили девицу о том, как она попала в Заповедный Край. Ее рассказ подвигнул нас к решению немедленно...

— Раз она способна говорить, пусть отвечает сама, — прервал Бастиан. — Как тебя зовут, девица? — и с некоторым сочувствием добавил вполголоса: — Должно быть, этот вопрос тебе задают уже не в первый раз?..

— Баронетта Айлэ дия Монброн из Танасула, что в королевстве Аквилонском, — по возможности спокойно произнесла девица, готовясь к



тому, что ей придется заново пересказывать историю своего появления в альбийских землях, и это затянется надолго, если не на всю ночь. Догадается ли кто-нибудь предложить гостям угощение или здесь это не принято?

— Айлэ, — задумчиво повторил повелитель альбов. — Айлэ из Аквилонии... Ты будешь моей гостьей, — внезапно объявил он, мимолетно дотронувшись до плеча девушки золотым жезлом, — и, как приглашенной в Чертог, тебе решать участь вот этих двоих, — он небрежно махнул в сторону Ирваста и Медвари. — Они выполнили свой долг, привезя тебя сюда, им вручат достойную награду и они могут отправляться домой. Каури, ты останешься, — хрустальный голосок звякнул опасной льдинкой, не признающей возражений. Воительница молча склонила голову. — Твои господа отыщут дорогу в Предел Йаули и без твоей помощи.

«Месть сладка, но плоды ее бывают горькими», — такими словами Меланталь Фриерра частенько удерживала своего чрезмерно увлекающегося супруга от замысла подпортить жизнь кому-нибудь из многочисленных недругов. Конечно, так приятно воспользоваться подвернувшейся случайностью и отделаться от хозяев Йаули, припомнив им все насмешки над незваными гостями и поединок в желтом пыльном кругу. Но стоит ли?

— Если моя просьба не будет сочтена чрезмерной, — начала баронетта, тщательно подбирая слова, — я бы отважилась попросить у Ва-



него величества дозволения впустить Повелителя Йаули и его госпожу в этот гостеприимный дом. Было бы несправедливо открыть дверь для незваных пришлецов, но отказать в приюте тем, кто издавна живет на этой земле.

Показалось, или Медвари благодарно кивнула?..

— Учтивая и разумная речь, что за чудо, — восхитился Бастиан. — Ирваст, можешь оставаться. Кстати, ты вроде упоминал двух Недолговечных? Одну я вижу, а где второй... или вторая?

Рабириец все-таки умудрился почти слиться с обрамлением дверной арки, и, когда Айлэ позвала его, отделился от стены с величайшей неохотой.

— Хасти, мой спутник и телохранитель, — представила девушка. — Он не говорит на языке Заповедного Края, но, если вы желаете что-то у него узнать, я переведу вопрос и ответ.

— Почему он в маске? — нахмурился повелитель Чертога.

Прежде чем Айлэ успела придумать достойную отговорку, вмешалась Черный Шип:

— Этот смертный преклонен летами и... и довольно страховиден. Правда, он хороший воин, — после краткого колебания добавила она. — Может, лучший из тех, кого я встречала на своем пути.

— Вот как? — подозрительно оживился Бастиан. — Айлэ, вели своему воителю снять маску. Я хочу взглянуть на его лицо.



— Он желает узреть твою физиономию, — со вздохом сообщила «телохранителю» баронетта Монброн.

— Зато я не желаю, чтобы он на меня пялился, — раздраженно донеслось из-под кожаной личины. — Почему ты не состряпала какую-нибудь небылицу: мол, мне нельзя открывать лицо перед чужаками?

— Слушай, ты ведь не робкая красotka из гарема туранского императора! — не выдержала Айлэ. — Ты преспокойно держал эту треклятую маску за пазухой, пока мы были в Йаули и добирались сюда! Чего ради ты теперь вздумал упрямиться?

— Хорошо, хорошо! — рыкнул Хасти, начиная развязывать шнурки на личине. — Чего еще пожелают твои остроухие друзья? Между прочим, имей в виду — этот красавчик, тутопный король, таращится на тебя, ровно голодный на булочку с медом. Ну, довольны? — с этим вопросом, которого все равно никто не понял, магик предоставил всем находившимся в комнате возможность полюбоваться сперва на левую, относительно сохранившуюся, половину своего лица, а затем — на обоженную правую. Госпожа Медвари отвернулась, хотя зрелище не было для нее новым, Ирваст еле заметно скривился, Каури осталась равнодушной. Верховный правитель Заповедного Края на мгновение замер, и взгляд его сделался стеклянным, но Бастиан тут же пришел в себя, жестом разрешив Недолговечному вернуть маску на место:



— Неудивительно, что ему приходится скрывать такой ужас. Что с ним случилось, Айлэ?

— Медведь приласкал, — соврала баронетта.

Альб недоверчиво покачал головой:

— Сочувствую медведю... Завтра я выслушаю твою историю, девица Айлэ. Полагаю, она будет весьма занимательной. Теперь ступайте.

Но, прежде чем гости вышли на площадку и начали спускаться по лестнице, Бастиан каким-то непостижимым образом очутился рядом с баронеттой дия Монброн и быстрым, легким движением провел указательным пальцем по ее щеке. Прикосновение было холодным и лишенным всякого чувства — словно пролетающая мимо птица случайно задела крылом.

* * *

Едва за Недолговечными опустился занавес отведенного им помещения, державшегося тише воды, ниже травы Хасты словно подменили. Для начала магик ринулся к овальной арке, вычертив напротив нее в воздухе какой-то мудреный знак. Айлэ опознала «Паучью Сеть», мешающую подслушивать разговоры в комнате и заранее предупреждавшую о приближении живых существ. Затем рабириец сгреб пискнувшую девушку за руку, оттащил в дальний конец комнаты и толкнул на низкое ложе, покрытое толстым темно-зеленым пледом с белым узором, буркнув:

— Посиди пока...



Окаменев от изумления, баронетта смотрела, как ее спутник меряет комнату широкими шагами, бормоча что-то несвязное и временами стискивая кулаки. Постепенно бормотание сделалось громче, и под конец маг стал спорить сам с собой, подобно скорбному рассудком, разве что не на разные голоса:

— Мы заигрались, будь оно все проклято! Если даже он не узнал меня, завтра поймет, возможно, уже сейчас начинает понимать... Никто бы не узнал, только Сотворенные знают. Но их не осталось, не должно было остаться... Промедление подобно смерти! Бежать? Куда? Как? Может быть, теперь уже поздно... Если он пустит в ход ту штуку, даже мне не справиться... И не забыть про девчонку, она тут вовсе ни при чем... Да что там девчонка, если Бастиан одолеет меня, всему конец! С другой стороны, если жезл достанется мне...

— Объясни толком, что случилось?! — не выдержала баронетта Монброн. — Ты помешался от восторга? О чем ты бормочешь? Хасты, я устала, я жутко хочу спать! Перестань изображать безумного пророка и скажи прямо, какая еще напасть свалилась на наши бедные головы!

— Мне жаль, но засыпать тебе нельзя, — Хасты присел напротив, стремительно переплел пальцы обеих рук и словно бы толкнул в сторону девушки невидимый увесистый шар. Прежде чем Айлэ успела сообразить, что он делает, накопившиеся за день усталость и сонливость исчезли, как после долгого и спокойного отдыха.



— Так нечестно, — возмутилась баронетта. — Вы сговорились испытывать на мне всяческие заклятия?

— Мне нужна твоя сообразительность, — после такого лестного высказывания девушка притихла. — Твое здравомыслие и незамутненный взгляд человека со стороны. Боюсь, ко многому, увиденному здесь, я отношусь несколько... предвзято. Знаешь, пока мы шли обратно, я размышлял о том, как бы убедить тебя... э-э... нанести поздний визит Бастиану.

— Что?! — от неожиданности Айлэ просто не поверила своим ушам. — Зачем?

— Ну, к примеру, меня он вряд ли захочет видеть, а вот тебя... — у одноглазого все-таки достало совести изобразить смущение. — Ты ему явно приглянулась...

— Неужто я похожа на гулящую девицу с моста Тысячи Львов? — баронетта почувствовала, как ее ладони начинают сгибаться в подобие лап хищного зверя, вот только когтей на пальцах больше не осталось — выпали.

— Айлэ, успокойся, — Хасты примирительно вскинул руки. — Постарайся меня понять — сейчас я не в силах думать ни о чем, кроме двух вещей: моего... то есть нашего вероятного разоблачения и той вещицы, которую таскает с собой здешний правитель. Ты ее заметила — такая золотая ветвь, украшенная алмазом. Помнишь, ты спрашивала — что может быть средоточием могущества магии Альвара? Так вот, жезл и есть основа. Все остальное вращается вокруг него, как ко-



лесо вокруг оси. Кто знает, вдруг именно она притянула нас сюда?.. Будь жезл в наших руках, мы тут же исчезли бы из Заповедного Края, я смог бы продолжить свою погоню за Проклятием, и — как знать? — получил бы шанс одержать над ним верх... Мне нужно совсем немного. Мы отыщем Бастиана Ладрейна и ты войдешь в его покои. Жезл наверняка хранится там. Ты ведь все-го-навсего девчонка из Недолговечных, для тебя так естественно потерять голову в присутствии живой легенды, настоящего альба, притом из Высших и весьма привлекательного собой... Для него это и вовсе будет... ну, по меньшей мере занятно, они тут все маются от скуки... Опасности он не почует, расслабится... я буду рядом... в нужный момент... А когда мы заполучим жезл, клянусь Темным Творением, мы...

Баронетта Монброн не знала, что ее пугает больше — сбивчивая речь всегда такого сдержанного рабирийца и его авантурные замыслы или возможность навсегда остаться в затерянном альбийском краю. Предложение оскорбило ее. Она ощутила, как жаркая краска гнева проступает пятнами на щеках, рука дернулась сама собой... Магик осекся и замолчал. Айлэ отвернулась к стене.

— Еще немного, — ледяным тоном сообщила она, — и, клянусь, как его там... Темным Творением, влепила бы оплеуху. Как ты сказал? «Все-го-навсего девчонка из Недолговечных», значит? Сам под него ложись, под свою живую легенду. Нашел шлюшку за три медяка.



— Прости, — подавленно пробормотал Хасти, растирая ладонью лоб.

Повисло неловкое молчание. Девушка покосилась на пристыженного спутника. «В конце концов, он хотел как лучше, — убеждала она себя, чувствуя, что гнев проходит. — Ну, ляпнул не подумав... как увидел этот жезл — прямо сам не свой...»

— По-моему, ты спятил, — как можно тверже произнесла она. Хасти молчал, удрученно отводя взгляд. — То тебе позарез необходимо узнать судьбу папеньки местного правителя, то вдруг ты собираешься украсть коронную регалию и заодно сделать из меня легкую добычу, и вдобавок опасаясь, что первый же встречный ткнет в тебя пальцем и заголосит: «Эй, да это мерзавец Хасти из Рабириков! Стража, ловите его, хватайте!»

— Кричать они будут немного иначе, но в основном ты права, — с невеселым смешком подтвердил одноглазый. — Кое-кто имеет веские причины недолюбливать мою скромную особу, и я боюсь... да что там, твердо знаю: моя фальшивая личина их не обманет. Покойный Эрианн мог поведать своему отпрыску нечто важное, касающееся давних распрей между альбами и... и мной. Впрочем, зачислять Эрианна в мертвецы, может статься, и преждевременно. Исенна был силен отвагой, Эрианн же — хитростью... Только, во имя всех богов, не спрашивай, за что альбийские вожди имеют на меня зуб, ибо это не та история, которую мне приятно было бы рассказывать, а тебе — слушать! Касательно алмазного



жезла скажу: у меня больше прав на эту вещь, чем у всех альбов Заповедного Края, вместе взятых. Я намерен забрать его и уйти отсюда. Сегодня. Сейчас. Хватит пустых споров! Ты со мной или нет?

Магик поднялся на ноги. Растерянная и запутавшаяся Айлэ хотела вскочить, но тут перед ее внутренним взором мелькнула и пропала пугающая картина: белые сияющие лучи — или клинки? — беззвучно скрецающиеся и разлетающиеся в стороны, золотая ветвь, рассыпающаяся в прах, и удаляющийся язвительный смех — звонкий, как весенняя капель...

— Нет! — баронетта, должно быть, выкрикнула это короткое словечко в полный голос, заставив Хасти вздрогнуть. — То есть, я с тобой, но... Не ходи! Хорошо, я не буду выпрашивать, какие тайны связывают тебя с альбами, но отпрапляться за жезлом сейчас нельзя! Обожди хотя бы до утра!

— Завтра будет поздно, — покачал головой рабириец. — Возможно, поздно уже теперь, но завтра — наверняка. Нужно действовать, пока никто не успел сообразить, что к чему.

— Тогда пойдем вместе, — непререкаемо заявила девушка. Хасти пожал плечами. — Только как ты собираешься искать жезл в таком лабиринте? Да первый встречный стражник отведет нас обратно! И потом, тебе же нельзя пользоваться магией!

— Это как раз не имеет значения, — Хасти осторожно отвел в сторону искрящуюся занавесь



на двери и выглянул: оба конца коридора пустовали. — Дворец настолько переполнен волшебством, что никто не обратит внимания на пару крохотных заклятий. А если даже и обратит... Когда Камень Света окажется в моих руках, на все альбийское воинство мне будет свысока плевать. Держись рядом со мной, ступай очень осторожно, и никто тебя не заметит.

— Но... но... — баронетта Монброн тщетно пыталась найти убедительное возражение против опасного предприятия. — Неужели ты всерьез намерен просто войти и забрать этот жезл на глазах у хозяина? А что, если их король все время таскает драгоценность при себе?

Одноглазый остановился на пороге, и Айлэ услышала его тяжкий вздох.

— Это было бы очень плохо, — неохотно ответил он. — Тогда одному из нас пришлось бы умереть.



Глава четвертая

Время сомкнулось в круг



Ночь на 12 день месяца Таир.

Рискованное странствие по закоулкам Древесного Чертога затянулось. Порой приходилось возвращаться и искать другую дорогу, порой — выжидать в укромном уголке возможности быстро пересечь коридор или пробежать перед светящимся дверным проемом, где веселилась неведомая компания. Баронетта старалась не задумываться над участью, которая ожидает их в случае неудачи, и над тем, не придется ли хозяевам Йаули расплачиваться за проступки Недолговечных. К Ирвасту она особого сочувствия не испытывала, но будет очень досадно и неловко, если королевский гнев падет также на госпожу Медвари и воительницу Черный Шип.

Поворот, неведомо какой по счету. Ступеньки



вниз, ступеньки вверх. Одноглазый шагал впереди, как долговязая гончая, взявшая след, непрерывно бормоча и без остановки чертя перед собой странную вязь магических знаков. Когда дорога повела в сторону, противоположную жилым покоям, маг недоуменно пожал плечами, но продолжал уверенно двигаться по одному ему ведомой путеводной нити.

Коридор постепенно становился все ниже, и вскоре даже невысокой Айлэ пришлось идти пригнувшись. Наконец они уткнулись в дверцу — настоящую, из цельной дубовой доски, отполированной и пересеченной надрезанными медными полосами. Хасти толкнул створку кончиками пальцев — та с готовностью и совершенно беззвучно отодвинулась в сторону, позволив людям выйти на маленькую галерею, зависпую вдоль стены просторного зала с высокими сводчатыми потолками, теряющимися в полумраке. Здесь имелся ряд окон — длинные и узкие, забранные яркими витражами, из-за льющегося в них лунного света они походили на драгоценные камни.

Перегнувшись через перила, незванные гости огляделись. Огромный ковер, в тусклом свете кажущийся почти черным, выстроившиеся полукруглыми рядами кресла и возвышение в три ступеньки у дальней стены — все говорило за то, что их угораздило пробраться в какое-то помещение для собраний. Может, в местный тронный зал, как нерешительно предположила девица Монброн. Но ведь не в древесной же кроне



располагается хоромина, способная вместить пару сотен гостей, да так, чтобы им еще хватило места потанцевать?! Дабы проверить свою догадку, баронетта коснулась ладонью ближайшей стены и вместо шероховатого дерева ощутила под пальцами холод полированного камня. Вероятно, удивительный Древесный Чертог какой-то своей частью примыкал к склону полого изнутри холма или соединялся галереей с большим каменным строением. В зал вели широкие двустворчатые двери, на каждой из стен по одной, еще одна узкая дверца виднелась за возвышением, но, видимо, самодеятельные взломщики успешно проникли в зал через черный ход.

— Хасти... — начала было Айлэ. И испуганно зажала себе рот ладонью.

— Асти... асти... асти... — гулко раскатилось под сводами. Одноглазый выругался шепотом.

— Чего тебе?

— Мы пришли? — таким же шепотом спросила баронетта. С того самого момента, как они вдвоем покинули отведенную им келью, она ни на миг не прекращала следить за концентрацией магической Силы. В этом огромном гулком зале, который Айлэ для себя уже окрестила «тронным», потоки Силы стали настолько мощными, что девушке пришлось снять заклятие «Третьего Глаза» — водовороты жемчужно-белого мерцания вызывали головокружение. — То, что ты искал — здесь?

— Да, — ответил маг, вытягивая руку. С высоты галерейки, где они стояли, в дальнем кон-



це зала виднелось нечто, закрепленное на стене. Сполохи чистого, спокойного неяркого света, видимые простым глазом без всяких заклятий, исходили от тонкого жезла длиной в локоть, покоившегося на специальной подставке в виде черного с серебром щита-домблona. То усиливаясь, то ослабевая, они освещали высокую спинку причудливого деревянного трона, над которым висел щит. Голос рабирийца сделался отстраненным. — Камень Света. Оставайся здесь, Айлэ. Я возьму его. Сам.

Он стал спускаться по лесенке, поскрипывавшей при каждом шаге.

Девушка послушно замерла. Внизу одноглазый, преодолев последнюю скрипучую ступеньку, шагнул на ковер и остановился, словно бы в нерешительности. Жезл, сияющий, желанный и прекрасный, висел прямо перед ним в двадцати шагах — только руку протянуть. Рабриец двинулся между рядами пустых кресел через зал, не сводя взгляда с того, что он назвал Камнем Света, неторопливо, размеренным торжественным шагом, на ходу протягивая руку.

Все получалось слишком легко. Слишком.

Что-то было не так. Что-то кралось в темноте тронного зала.

После памятной ночи в Рабирах Айлэ липила гультских когтей и клыков, но сохранила отличное ночное зрение и теперь присмотрелась внимательнее. Теперь она ясно видела, что ковер на полу не черный, а темно-алый, с неизбежным растительным узором, на сей раз золотым. И



еще она заметила, как шевельнулись створки одной из широких двойных дверей, ведущих в зал.

Она хотела крикнуть, предупредить, но тут в зале вспыхнул свет.

Баронетта Монброн на мгновение зажмурилась, а когда вновь открыла слезящиеся глаза, тронный зал был полон мечниками в легких алых латах, блестящих, как свежая кровь. Не меньше трех десятков их выстроилось вдоль стен, еще дюжина окружили «телохранителя Хасти» кольцом, и их клинки были направлены на рабирийца. Кто-то, показавшийся знакомым, стоял на возвышении у трона, держа в руке золотой жезл. Баронетта услышала смех, звучащий искренне и даже добродушно, и узнала юношеский голос, от которого мороз прошел по коже:

— Я так и думал! Ты не обманул моих ожиданий, «телохранитель Хасти» — или как там тебя зовут? Не устоял перед искушением, явился за Благим Алмазом? Или Темный Всадник понял, что узнал?

Рабриец промолчал. Хрустальный голос погустел, неожиданно злобно лязгнула острой сталью:

— Взять его!

Воины бросились без предупреждения — некоторые с мечами, у прочих в руках веревки, сети и блестящие тонкие цепи с кандалными кольцами. Оставшаяся невидимой в своем убежище девушка невольно отшатнулась, прячась за ограждением. Она не могла решить, что ей



делать — бежать или затаиться, надеясь, что ее не заметят. Помочь Хасты она не могла: ни магией, ни участием в свалке. Что толку, если она прыгнет сзади на кого-нибудь из мечников? Ее просто отшвырнут в сторону, как досадную помеху... Но с какой стати Бастиан именует похитителя «Темным Всадником»? Если Айлэ не изменяла память, такое прозвище в незапамятные времена носил...

— Ой-ей, — только и сумела пробормотать баронетта Монброн. — Не может быть!..

Словно увлекаемая невидимой привязью, она подалась вперед и выглянула в просвет между пузатенькими колоннами перил. Ее хлестнуло по лицу порывом мертвенно-холодного ветра.

Внизу бушевал ураган, и центром этого неведомо откуда взявшегося вихря стала чуть сутулившаяся фигура с упрямо наклоненной головой. Вокруг нее, шипя и вспыхивая крохотными синими молниями, свивались упругие пепельно-серые струи. Колдовской смерч не шевелил складок плаща на плечах одноглазого мага, но ко всему прочему пощады не ведал — тяжелые кресла, как вырезанные из пергамента, разлетались в стороны, сминая ковер и сбивая с ног мечников. Тем приходилось нелегко — любая их попытка идти наперекор шквальному ветру заканчивалась неудачей. Кто-то уже не устоял и с воплем покатился через весь зал, врезаясь в со товарищей по несчастью и предметы обстановки. Особенно не повезло гвардейцам у стен — они не имели возможности тронуться с места, и



вихрь нещадно швырял их по твердой каменной поверхности.

Трон содрогался, подобно дереву, выдираемому с корнями из земли налетевшим шквалом, двустворчатые двери оглушительно хлопали, ударяясь о стены. Висевшая высоко под потолком и так внезапно вспыхнувшая люстра со множеством свечей угрожающе раскачивалась, готовая в любой миг сорваться и обрушиться на головы находящихся внизу альбов. Медные переплеты витражей дрожали, заключенные меж ними стекла издавали пронзительный стонущий звук. Некоторые, не выдержав, лопались, рассыпаясь фейерверком мельчайших осколков. Огоньки свечей гасли один за другим, и под каменным сводом вновь сгустились сумерки.

Бастиан по-прежнему укрывался за тронном Древесного Чертога, чуть подавшись вперед и сжимая в левой ладони Жезл. Его окружало легкое золотистое сияние, хранившее правителя Альвара от хлестких ударов серых струй магического смерча. Он выжидал, не делая попыток напасть или скрыться в не приметной дверце позади него. Пару раз, как заметила Айлэ, альб даже сокрушенно покачал головой — когда разгулявшийся вихрь оторвал от пола кресло, направив его напрямик в витражное окно, и когда не выдержавшая дверная створка с хрустом повисла на одной петле.

Буря улеглась также внезапно, как началась, оставив после себя безжалостно разгромленный зал, обломки стульев, корчащиеся вдоль стен те-



ла и валяющееся повсюду оружие. Каким-то образом воины, принесшие с собой цепи, оказались сами крепко в них замотаны. Призывов о немедленной помощи не слышалось, из чего девушка заключила — несмотря на произведенные разрушения, всерьез никто не пострадал. Тогда владыка Потаенного Града обогнул трон и не спеша двинулся навстречу неподвижно стоявшему рабирийцу.

— А ты не забыл старое мастерство! — похвалил он с каким-то веселым удовольствием в голосе. — Только оно не поможет тебе сегодня!

— Я пришел за Камнем Света, — прорычал рабириец. — Он нужен мне, и я его получу.

Бастиан, сын Эрианна, спустился с тронного возвышения и пошел вокруг своего противника, будто пытаясь рассмотреть его получше. Изящная и смертоносная игрушка, золотой жезл, небрежно свисал из его пальцев.

— В самом деле? Какое совпадение, право! Мне он тоже нужен, и ты его не получишь! Что скажешь на это, заклеянный Исенной?

Рабириец поворачивался вслед за альбом, ни на миг не выпуская его из поля зрения. Кажущаяся беспечность Бессмертного и жезл, направленный словно бы в рассеянности в пол, не обманули бы даже Айлэ. Воздух в зале, казалось, потрескивает от напряжения колдовских сил. Вокруг магов начали проявляться видимые простым глазом защитные сферы, похожие на огромные мыльные пузыри — янтарного оттенка у Бастиана и переливающийся яркой радугой у



Хасты. Айлэ, дочь мага, понимала, что такой «пузырь», не прочнее стрекозино крылышка с виду, испарит стрелу в полете и остановит удар тарана... вот только отразит ли невидимую, неизмеримую силу, готовую вырваться из сверкающего камня в намершии Жезла?

— А я ведь узнал тебя сразу, клейменная морда, — злорадно продолжал альб, поскольку рабириец, похоже, отвечать не собирался. — Только сперва никак не мог поверить. Как тебе удалось вернуться из Безвременья? Что, не хочешь говорить со мной? Ну хорошо...

Превратившаяся в слух и зрение Айлэ Монброн еле смогла уловить, когда Бастиан стремительным движением выбросил вперед руку с Жезлом.

Из глубин прозрачного камня плеснул тонкий луч ослепительно сияющей голубизны, обративший в пепел случайно оказавшееся на его дорожке кресло и устремившийся к Хасты. Магический щит Хасты запылал синим огнем и разлетелся лоскутьями, задержав внезапный удар альба лишь на пару ударов сердца. Но рабирийцухватило и этого.

Раздался громкий лязг, какой бывает, когда выхватывают из ножен боевую сталь, и в руках одноглазого мага оказался меч. Айлэ изумленно заморгала — уж она-то знала наверняка, что дошны конвоиры не оставили ее «телохранителю» даже самого завалящего ножичка. Но Хасты взмахнул рукой по широкой дуге, и из складки дрогнувшего воздуха явилось длинное, зловеще



поблескивающее лезвие двуручного меча с мощной крестовиной, выкованной в виде полумесяца и покрытой серебром. Верхняя треть клинка с обоих краев перилась мелкими зазубринами, остальная часть лезвия тускло мерцала, словно ее окунули в лунное сияние.

Холодная сталь и вырвавшийся из Камня синий свет встретились с тонким, еле различимым звоном. Брызнули густые, медленные искры, больше похожие на капли воды, в которой отразилось далекое пламя.

На краткое мгновение альб опешил, сделав шаг назад. Рабириец же разразился коротким лающим смехом.

— Не ожидал, ничтожество, шут ярмарочный? — торжествуяще выкрикнул он. — Раз узнал меня, может быть, узнаешь и этот клинок?

Он метнулся вперед гигантским, через ползала, скачком, и янтарная сфера Бастиана исчезла, едва соприкоснувшись с призрачным лезвием, летевшим прямо в переносицу альбу. Отразить удар повелитель Альвара никак не успевал, застигнутый врасплох, но его спасла случайность: отшатнувшись от внезапного блеска клинка, альб споткнулся об одно из опрокинутых кресел, упал навзничь и откатился мгновенным кошащим движением.

Хасти зарычал с досады. Его клинок до половины ушел в каменные плиты под ковром. Рабириец вырвал его единым могучим рывком, но к этому времени сын Эрианна уже был вне досягаемости — пригнулся в десятке шагов в дико-



винной низкой боевой стойке, сжимая Жезл двумя руками, словно обычный меч.

— За это я убью тебя медленно, — прошипел альб. Из навершия жезла вновь ударил ослепительный луч, но одноглазый был наготове, косо отмахнув широким клинком. Отразившись от сверкающей стали, убийственный луч ушел в потолок.

— Ты? — презрительно бросил рабириец. Противники кружили друг против друга, обмениваясь короткими пробными выпадами — и короткими презрительными фразами. — Фигляр, дорвавшийся до Истинной Силы! Ты даже не умеешь толком пользоваться ею! Что, Эрианн не стал учить наследника? Не счел достойным? Отдай мне Камень Света, глупец. Я имею больше прав на него, чем все Три Племена, вместе взятые!

— Теперь еще скажи, что можно решить дело миром...

— Отдай Алмаз, и проживешь еще восемь тысячелетий в своем Древесном Чертоге! Возможно, я даже верну его тебе, когда исправлю деяние Исенны...

— О, спасибо! Позволяешь мне еще немного пожить? Как щедро с твоей стороны! Исенна хорошо заклеил тебя, вор! От меня ты получишь клеймо еще похлеще. Что ты скажешь на это? А вот так?..

Выпад. Выпад. Каскад ударов, еле уловимых глазом. Синий свет, мечущийся по стенам, крошащий каменную облицовку.



Айлэ в жизни не приходилось видеть ничего подобного — она надеялась, что не увидит и впредь. Меч в руках Хасти порхал с тяжеловесной грацией, отбивая колкие радужные лучи. Клинок с гардой в виде полумесяца с легкостью крушил в щепки подвернувшуюся мебель, но при всей своей силе и ловкости рабириец едва успевал отражать удары противника, не говоря уж о том, чтобы напасть самому. Что же до Бастиана, то он перемещался со сверхъестественной быстротой — под конец Айлэ стало казаться, будто альб атакует одновременно с трех сторон. Самое удивительное, что поединок, похоже, ничуть не утомил его, даже не сбил дыхания, и альб ухитрялся поддразнивать противника, перемежая удары ехидными комментариями. Девушка не всегда могла разобрать, что именно выкрикивает Бастиан, но, судя по всему, альб умудрился довести одноглазого магика до белого каления.

Они кружили в прыгающих тенях по разгромленному залу, сопровождаемые ослепительными вспышками сталкивающегося колдовского лезвия и невесомых отблесков альбийской реликвии, а наверху, на шаткой галерейке, баронетта Монброн до крови грызла костяшки пальцев. То ей казалось, что магик берет верх, а спустя миг рабириец пытался, еле успевая перебрасывать меч из одной позиции в другую и чудом не спотыкаясь об обломки кресел. Она гадала, сколько еще может продолжаться жутковатый поединок, где соперники явно не хотят смерти друг друга,



и где одному позарез требуется вещь, которой обладает другой. Сражайся они обыкновенными клинками, Хасти, может, удалось бы выбить оружие противника, но одноглазый скорее позволил бы себя прикончить, чем решился нанести удар по самому Жезлу, превратив его тем самым в изломанный кусок золотой мипуры.

Всецело увлекшись наблюдением за схваткой, девушка уппустила нечто иное, куда более важное — кое-кто из воинов, раскиданных по сторонам пепельным вихрем, очнулся и даже делал успешные попытки встать. Некоторые ковыляли к распахнутым дверям и исчезали за ними, но другие оставались, сбиваясь в кучки и перешептываясь.

Похоже, альбы составили некий план — прячась за разбросанной мебелью и колоннами, они начали подкрадываться к сражающимся. Бастиан краем глаза заметил перемещения своих гвардейцев и убыстрил атаку, отесняя Хасти от тронного возвышения. Заподозрив неладное, магик попытался оглянуться, чему воспрепятствовал частый град точечных выпадов, наносимых противником с правой стороны — оттуда, где Хасти не мог их заметить.

Короткий свист и промельк чего-то блестящего. Веревка с крюком на конце метнулась из-за груды ошестинившихся поломанными ножками кресел и несколько раз обмоталась вокруг правой руки рабирийца. Безупречный рисунок, вычерчиваемый кончиком меча, сбился. Веревка, едва натянувшись, рассыпалась в прах, но за ней



отправилась в полет другая, оказавшаяся более удачливой — крюк зацепился за складки одежды. Хасты гневно зарычал, вслепую отмахнувшись клинком — и правитель Заповедного Края, бдительно выгадывавший подходящий момент для удара, не упустил случая.

Алмаз полыхнул так ярко, что Айлэ отчетливо увидела крохотную паутину в темном уголке галереи. Рабириец застыл на середине прерванного движения, его устрашающий меч задрожал, как если бы на него смотрели сквозь горячий воздух над костром, и начал таять, постепенно растворяясь в небытии. Сперва исчезло треугольное окончание клинка, затем со слабым мерцанием пропала часть лезвия... Побелевший от напряжения Бастиан стоял, сжимая Жезл двумя руками, словно тот мог обрести самостоятельную жизнь и вырваться, воздух в зале гудел и потрескивал от сгустившейся Силы, Хасты медленно заваливался набок...

«Беги», — слово отчетливо шевельнулось в сознании баронетты Монброн, подавив собой все прочие мысли. Девушка на четвереньках метнулась к спасительной низкой дверце, стукнулась лбом о притолоку и понеслась вперед.

* * *

Она успела проскочить весь низкий коридор и нырнуть в другой, более высокий и светлый, когда наконец сообразила: во-первых, она не представляет, какого направления нужно при-



держиваться, чтобы вернуться обратно; во-вторых, уж теперь-то Чертог точно наводнит стража; и в-третьих...

Последнюю мысль Айлэ не додумала. Кто-то крепко зажал ей рот ладонью, и, с силой вывернув правую руку, дернул назад, в глубину и темноту выемки между колоннами. Все случилось так быстро — девушка и испугаться толком не успела.

Мимо по коридору, как раз там, где она только что стояла, почти беззвучным быстрым шагом протрусила пятерка дворцовых гвардейцев. Блеснули зеленые кожаные доспехи с серебряным тиснением, и стражники скрылись за углом.

— Стоило бы прирезать тебя и оставить валяться здесь, — раздавшееся над ухом баронетты шипение прямо-таки сочилось ненавистью пополам с горчайшим разочарованием. — Только много ли проку от твоей смерти?

Извернувшись, Айлэ снизу вверх взглянула на удерживавшего ее человека... и безмерно удивилась, признав сверкающие звездочки на скулах и горящие мрачным злым пламенем глаза Каури Черный Шип. Альбийская воительница пребывала в крайне скверном настроении, а причиной ее неудовольствия стала именно девица Монброн, уже начавшая задыхаться от недостатка воздуха. Черный Шип с величайшей неохотой убрала ладонь со рта жертвы, нарочно выждав, когда та замычит и отчаянно задергается.

— Стой тихо, — приказание сопровождалось



изрядной силы встряской. — Куда подевался твой приятель? Где жезл Альвара? Почему ты еще жива?

— Хасты схватили... я так думаю, — Айлэ пришлось сделать огромное усилие, чтобы говорить шепотом, а не визжать поросенком на бойне. — Я пряталась на каком-то балконе и убежала раньше, чем все закончилось. Жезл... жезл по-прежнему у вашего короля...

Каури медленно выдохнула сквозь стиснутые зубы. Баронетта поежилась: кажется, за время их с магигом вылазки в тронный зал отношение к незванным гостям из людских земель переменилось коренным и разительным образом — от равнодушного к неприязненному. Неужели их угораздило сотворить нечто, приравняемое местными уложениями к злодейству короны и караемое немедленной казнью? Но чего тогда хочет Черный Шип: собственноручно прикончить преступницу, выдать ее страже или, напротив, оказать помощь? Как вообще воительницу занесло в столь отдаленные помещения Чертога — не случайно же она сюда забрела в поисках приключений? Значит, альбийка следила за ними? По собственному почину или приказанию своих господ?

«Зачем я только выбрала чашу, полную неразгаданных тайн? — тоскливо подумала Айлэ. — Вокруг идет какая-то головоломная игра, а меня, ровно мелкую незначущую фигуру, все, кому не лень, переставляют туда-сюда... Теперь я осталась совсем одна... Хасты пропал, и я ни-



чем не могу ему помочь — даже не знаю, где он».

— Вот и конец надеждам... Что ж, идем, — Черный Шип все-таки приняла решение, давшееся ей дорогой ценой. — Пусть остальные взглянут на вестницу нашей гибели и рассудят, как с тобой поступить.

Она ухватила ошарашенную баронетту за длинный пояс платья и потянула за собой, как погонщик тянет упрямого мула.

Следовать за воительницей оказалось еще труднее, чем за одноглазым — Каури неплохо разбиралась в запутанных коридорах и переходах Древесного Чертога, и, почти не останавливаясь, неуловимой тенью скользила в зеленых сумерках. Айлэ казалось, что ее собственное сопение и топот разносятся по всему Чертогу, извещая всех имеющих уши о ее местонахождении. У нее не оставалось времени на какие-либо размышления, девушка помнила только об одном: если она отстанет от альбийки, то через пару шагов точно заблудится и попадет на глаза охранникам дворца.

Очередной коридор показался баронетте смутно знакомым. Вроде бы она уже проходила через двойной ряд плоских колонн, расписанных изображениями виноградных лоз. Когда же она заметила ставшие уже привычными синие доспехи с золотыми дракончиками, стало ясно: женщины вернулись туда, где начиналось безумное ночное приключение. Каури, не замедляя шага, отдала своим встрепенувшимся подчиненным некий при-



каз, резко повернула направо — Айлэ, как привязанная, волочилась следом — и, чуть пригнувшись, вошла под арку в виде пятипалого каштанового листа. Роль традиционных занавесей здесь исполняли неярко светящиеся шары охристого и розово-коричневого оттенков, величиной с крупное яблоко, без видимой опоры кружившиеся в воздухе. Альбийка торопливо щелкнула по одному из них длинным ногтем. Колдовская преграда послушно разлетелась в стороны и со стеклянным перезвоном сомкнулась за спинами вошедших. Баронетта ничего этого не увидела — ее вытолкнули на середину комнаты, где она едва не споткнулась о разбросанные по полу плоские бархатные подушки.

— Это не она, — голос не ведавшей страхов и сомнений Каури Черный Шип порой предательски срывался. — Ее якобы телохранитель — человеческий колдун не из последних. Только что они пытались завладеть Камнем. Одноглазое чудовище каким-то образом расшвыряло Алую Сотню, но Бастиан одержал верх. Девчонка улизнула... или ее отпустили за ненадобностью. Колдун продержится день, от силы — два. Ладрейн утратит к нему интерес и вспомнит о Недолговечной, — альбийка сделала многозначительную паузу и сухо закончила: — Вы знаете, что случится, когда она попадет к нему в руки.

Во время этой зловещей речи Айлэ настороженно косилась по сторонам, все больше укрепляясь в первоначальной догадке: ее привели на судилище и вряд ли она может рассчитывать на



оправдательный приговор. Только хотелось бы знать — чем она провинилась перед обитателями Заповедного Края, впервые столкнувшимися с ней всего-то два дня тому назад?

— Вряд ли девочка сумеет поведать Бастиану нечто такое, о чем бы он не был осведомлен ранее. Он знает о нас — надеюсь, не обо всех, — ему прекрасно известно, что мы не испытываем к нему глубокой привязанности, и он был настороже с того мгновения, когда мы вошли в Чертог.

Мягко льющаяся речь принадлежала особе, которую баронетта Монброн менее всего ожидала застать на полуночном бдении — Высокой Медвари из Предела Йаули. Медноволосая красавица явно главенствовала в маленькой и объединенной неведомыми целями компании, включавшей, кроме нее, двоих альбов мужского пола. Один, в палевых с голубизной одеждах, стоял в тени за креслом госпожи Медвари, опираясь на спинку и с откровенным подозрением изучая с ног до головы девушку из рода Недолговечных. Второго Айлэ сперва не заметила — он держался позади, рядом с Каури, устало привалившейся к стене. Похоже, альб происходил из одного племени с воительницей: его кожа тоже имела смуглый оттенок, а густая шевелюра — темно-каштановый, почти черный цвет. Вдобавок он носил алый с зеленью и серебряной каймой доспех гвардейца Древесного Чертога, украшенный значком в виде золотого дубового листа, наверняка означавшим его должность.



— Тем не менее, госпожа, я избавилась бы от нее как можно скорее, — упрямо заявила Черный Шип. — Идалир найдет способ убрать ее из дворца...

— Допустим, но что делать с ней потом? — пожал плечами темноволосый воин, чье имя, как выяснилось, было Идалир. — Укрыть в отдаленном поселении и держать там, пока отпущенное ей время не исчерпается, или она чем-нибудь не выдаст себя? Не убивать же ее, в самом деле. Девушка не виновата в том, что ее ошибочно сочли чем-то иным.

— Подобных совпадений не бывает! — неожиданно выкрикнула Каури, с досадой ударив кулаком по фигурной стеной панели. — Она пришла в середине лета, с засыпанных пеплом и покинутых развалин, в годы, когда разуверились самые стойкие, ей известны давно забытые слова, и она — нашей крови! Пусть я заблуждаюсь, но ритуал Разделенной Чаши с вином с холмов Венаадда всегда отвечает недвусмысленно — либо «да», либо «нет». Я видела тающие звезды в вине, значит, среди ее родных есть беглецы из Цитадели, как бы она не пыталась это скрыть! У нее на редкость быстрый ум, она тут же сочинила для меня историю о давнем предке, якобы вступившем в союз с альбийкой, но я-то умею различать ложь и правду!

— Только частенько принимаешь желаемое за действительное, — вполголоса произнес молчавший до того четвертый участник странного собрания. Воительница замолчала, словно поперх-



нувшись невысказанными словами, и отвернулась.

— Простите, — оробевшая и изрядно струхнувшая Айлэ дия Монброн набралась решительности подать голос. Взгляды присутствующих немедленно скрестились на ней: — Мне трудно понять смысл хотя бы половины того, о чем здесь говорилось... и мое мнение наверняка не слишком вас интересует... Но я хотела бы кое-что сказать, прежде чем вы от меня отделаетесь.

— Она имеет на это право, — узкая ладонь госпожи Медвари оторвалась от подлокотника, пресекая готовые раздаться возражения. — Мы слушаем. Может быть, именно так следовало поступить с самого начала, и лишь затем начинать действовать.

* * *

— Мне все больше кажется, что у меня и у вас в руках находится по оборванному звену одной и той же цепи, — баронетта Монброн безнадежно старалась внушить себе, что находится в мирной и безопасной Охотничьей зале Тарантийского замка, рассказывая давним друзьям о любопытных событиях давно минувших тысячелетий, а не пытается найти общий язык с равнодушными к ее участи альбам — которым вообще-то давно полагалось покинуть эту землю! — Не знаю, за кого вы меня приняли, но... Неужели вам было трудно хотя бы намекнуть, каких поступков вы от нас ожидаете! Да, признаю, мы



солгали, но поймите нас — мы оказались здесь по совершенной случайности! Все, чего мы хотели — быстро и незаметно покинуть ваши земли. Если желаете, я расскажу настоящую историю нашего появления в Заповедном Краю.

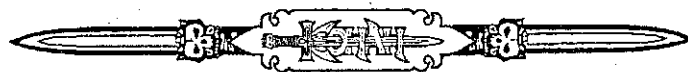
— Значит, прежняя была фальшивой? — тихим, полным горького разочарования голосом спросила Каури, с нарочитым вниманием изучая узор ковра у себя под ногами. — Так обмануться...

— Все началось из-за меня и... и моего друга, — сотканые одноглазым чары рассеивались, более не препятствуя девушке говорить то, что она считала нужным. — Он хотел на мне жениться, но беда крылась в том, что он — человек, а я была гулем.

— Гхуле?! — с искренним изумлением перебил безымянный альб, стоявший за креслом хозяйки Йаули. — Ты — гхуле? Каури, так вот почему твой ритуал дал такой ответ! Гхуле, как же мы сразу не подумали...

— Дайен, не мешай ей говорить! — чуть повысила голос госпожа Медвари, но сама не удержалась от вопроса: — Айлэ, ты не могла бы уточнить, что скрывается под твоими словами «была гулем»?

— Так в землях людей зовется небольшое племя, живущее в Рабирийских холмах над рекой Хорот, — растолковала баронетта. — Они — вампиры. Кровопийцы. Моя матушка родом оттуда. Она рассказывала мне, что гули — потомки уцелевших обитателей Черной Цитадели По-



луночи, которых настигло проклятие Исенны Безумного. Мой друг решил, что можно найти способ снять это проклятие... — при этих словах альбы удивленно переглянулись, а тот, кого называли Дайеном, безнадежно помотал головой. — Да, нам все твердили — это невозможно, но мы все равно попытались. Составили заклинание, три или четыре дня назад прочли его. Сперва нам казалось, что мы добились успеха, но потом выяснилось — мы не уничтожили Кару Исенны, а переместили ее куда-то в иное место. Хасти, мой спутник, решил отправиться вслед за ней. Он и в самом деле могущественный волшебник, может быть, сильнейший из живущих в мире людей... Ради этой цели он сотворил магический портал, который должен был доставить его туда, где находится Проклятие. Вместо этого его выкинуло сюда, да еще вкупе со мной, хотя я меньше всего помышляла оказаться его попутчицей. Мы оказались на развалинах огромного поместья и решили поискать местных жителей. Дорога привела нас в какую-то деревушку — Велнин, я правильно запомнила? — где нас поймали. Рассудив, что лучше прикинуться жертвами обстоятельств, мы придумали историю о неудачном ритуале, свидетелями которого мы якобы стали. Дальше вы знаете... — Айлэ перевела дух, добравшись до самой опасной части своей истории. — Боюсь, оказавшись в Чертоге и узрев хранящиеся здесь сокровища, мой спутник отчасти... как бы это сказать... утратил способность к здравому размышлению. Он увидел золотой



жезл, что принадлежит вашему правителю, и решил им завладеть. Хасты утверждает, будто с помощью этой штуковины сумеет окончательно избавить наш мир от Проклятия Безумца. Вот и все. Я оказалась замешана в происходящем по воле случая... и, похоже, теперь моя жизнь целиком и полностью зависит от вас.

Повисло молчание, холодное и отстраненное. Возможно, альбы совещались между собой, не прибегая к помощи произносимых вслух слов, а может, обдумывали услышанное.

— Твой, с позволения сказать, страж — на редкость самоуверенный тип, переоценивающий свои силы, — проговорила наконец госпожа Медвари. — Доселе никто не осмеливался столь открыто бросить Бастиану вызов. Но, раз Ладрейн не выпустил из рук Жезл, судьба твоего спутника — и твоя тоже — предрешена. Если это тебя утешит, подумай о том, что мы вполне можем разделить вашу печальную участь.

— Но почему?! — едва не взывала Айлэ. — Что у вас такое происходит? Вы что, хотели сбросить своего короля? Он вам чем-то досадил? Или это какая-то давняя вражда?

— Поразительное умение называть вещи своими именами, а не ходить вокруг да около, — невесело хмыкнул Идалир. — Госпожа, почему бы не оказать девочке прощальную любезность? Пусть узнает, какие веселые дела творятся в Потаенном Граде. Во всяком случае, мне будет легче умирать, зная, что наши дальние сородичи вопреки всему выжили и не бедствуют.



— Согласна, — госпожа Предела Йаули указала гостю на брошенную на пол подушку. — Садись, Айлэ. Твой рассказ заслуживает того, чтобы быть оплаченным, а единственная подлинная ценность, которая нам осталась — правда. Каури, не будем спорить, — похоже, неутомная воительница опять собиралась возразить.

Пару десятков ударов сердца Медвари собиралась с мыслями, рассеянно созерцая переливы света в полупрозрачном голубом камне, украшавшем перстень на среднем пальце ее левой руки. Баронетта догадывалась, что начало повествования будет относиться к весьма отдаленным временам, и потому не удивилась, услышав:

— Как я понимаю, ты знакома с преданиями о Полночной Цитадели?

— Отчасти, — подтвердила Айлэ. — Кое-что сохранилось в людской памяти, кое-какие летописи и хроники есть у моего народа, но по большей части это разрозненные обрывки, где почти невозможно разделить вымысел, страшную сказку и позднейшие напластования. Так интересовавший вас «Кэннэн Гэллэр» уцелел, но во всех странах Заката и Восхода насчитывается всего две или три копии, которые почти не поддаются переводу. Мне не довелось держать эту книгу в руках, хотя я слышала о ней, — при этих словах Дайен с искренним сожалением вздохнул, а Медвари, напротив, явно испытала облегчение.

— Венаадд, на чьих развалинах тебе довелось побывать, тогда был всего лишь маленьким и чрезвычайно отдаленным форпостом в диких



землях, основанным выходцами из Цитадели, — продолжила альбийка. — Там жили представители всех племен Живущих Вечно — и тех, что явились на свет первыми, и Пришедших после. Когда разразилась Война Света и затем грянуло бедствие, сгубившее множество городов, Венаада уцелел. Туда стекались выжившие, и в один из дней в крепость внезапно пожаловал Эрианн Ладрейн, отец нынешнего владельца Альвара.

— Я слышала о нем, — вставила баронетта Монброн. — Он принимал участие в осаде Цитадели...

— Но сбежал, поняв, что безумие Исенны в скором времени грозит обратиться против бывших соратников, — отрезал Идалир. — Молчу, госпожа, молчу.

— Возможно, причина ухода Эрианна крылась в другом... Тем не менее он покинул Долину Вулканов, унеся один из Благих Камней, — кивнула Медвари. — Но направился не в столицу своих владений, а в далекий и мало кому известный Венаада, ведя за собой крохотную горстку магов и часть населения Альвара — не нынешнего, а прежнего, теперь покоящегося на дне морском. Добравшись с огромными трудностями до цели, Эрианн заключил договор с хозяевами Венаады — защита и помощь в обмен на разрешение поселиться в их землях. Для подтверждения мирных намерений Эрианн, воспользовавшись властью Жезла, провел Оберегающую Черту, существующую по сей день. Он скрыл Заповедный Край от взглядов любых враждебных



созданий, коих тогда расплодилось с избытком. Позже были проложены несколько Прямых Троп, дающих возможность иногда покидать Край и узнавать, что происходит в людском мире. Но с течением лет Тропы использовались все реже и реже, некоторые из них были запечатаны, а другие погасли сами по себе... Мы оставались здесь — подданные Эрианна, потомки беженцев и господ Венаады, продолжавшие считать себя истинными хозяевами этой земли. Постепенно, по мере того, как опасность извне превращалась в древний и бессильный призрак, возникло противостояние иного рода. Венаадом исконно правили воины, отважные и честолюбивые. Пришедшие с Эрианном Хитроумным были магами, и они возжелали власти.

— Довольно долго Эрианн соблюдал шаткое равновесие, копя силы, действуя где обманом, где угрозами, иногда отравой в кубке, а подчас ловко пущенной сплетней, — продолжала Медвари в полной тишине. — Закончилось это именно тем, чем должно было закончиться — правители Венаады, поняв, какую змею пригнали на груди, указали ему на дверь. Но они медлили слишком долго. Силы стали равны, но у Эрианна была магия... После долгих мирных лет в Заповедном Краю вспыхнула первая и пока единственная за всю его историю война. Венаада отбивался, однако не сумел противостоять могуществу Алмаза. Кое-кто сумел бежать по Прямой Тропе — таковых были единицы. Замок разрушили, защитников вырезали подчистую. Уце-



левших детей отдали на воспитание в отдаленные уголки страны, молодых девиц выдали замуж, захваченных с оружием в руках принудили дать Обет Верности, превративший их в преданных слуг Жезла. Само название Венаадда стерли с карт и вычеркнули из хроник. Эрианн объявил себя верховным правителем Заповедного Края, но не сумел как следует насладиться победой. Его ранили во время последнего штурма — стрелой, заговоренной на крови и прахе. Каури твердо уверена, будто сие деяние лежит на совести ее деда.

— С него бы случилось, — с гордостью согласилась Черный Шип.

— Возможно, Ладрейн нашел бы средство и от этой напасти, угрожавшей его бессмертию, но у него не хватило времени. Спустя год после падения Венаадда Эрианн Ладрейн, один из последних Сотворенных, видевший рассвет и закат альбийского владычества, умер, — Медвари сложила пальцы в жесте, который баронетта Монброн сочла охранительным, и спокойно, будто упоминая о чем-то незначщем, добавила: — Есть основания полагать, что отправиться за Грань ему помог собственный отпрыск, намного превосшедший родителя в искусстве коварства. Бастиану изрядно наскучило дожидаться, когда Жезл перейдет к нему законным путем, и вдобавок Эрианн не раз упоминал о своем намерении забрать Камень в последнее странствие. Он вполне мог это сделать, покинув Альвар по одной из оставшихся Троп и удалившись на Остров у



Края Земли. Теперь Бастиан правит Заповедным Краем, ничего не опасаясь и смеясь над нашими мечтами о мести — ему предсказано, что ни сталь, ни яд, ни магия не властны над ним.

— Поначалу мы полагали, что Бастиан — не его отец и с ним можно вести переговоры, — добавил Дайен. — Когда он вступил на престол, мы снарядили посольство. Нас было куда больше, несмотря на недавнюю войну, и кровь на руинах Венаадда еще не успела просохнуть. Послы требовали немногого: позволить возродить поместье и выделить его в особую провинцию. Бастиан внимательно выслушал их, а потом кликнул стражу. Он велел забить всех в кандалы и отдать своим палачам — говорят, у него есть и такие... Мой прадед был одним из послов. С тех пор мы охотимся за Бастианом, он — за нами, и удача, увы, неизменно сопутствует наследнику Эрианна. А развалины гордого Венаадда зарастают сорной травой и вьюнком.

Баронетта полагала себя сообразительной молодой особой, а потому ей не требовалось долго раздумывать:

— Получается, вы — наследники тех, кто жил в Венаадде — хотите, чтобы Бастиан ответил за совершенное его отцом и им самим? Но, если он знает о ваших замыслах, почему он оставляет вас на свободе?

— Проклятье, да он просто играет с нами, — фыркнул Дайен. — Развлекается, зная, что без нас жизнь в Альваре окончательно превратится в стоячее болото. Хотя он всегда может решить,



что мы испортили ему достаточно крови и его терпение исчерпано. Сегодня мы преподнесли ему отличную возможность так поступить, ибо наша отважная, но склонная к поспешным выводам Каури убедила нас в том, что наконец-то исполнилась клятва, брошенная Эрианну и его наследнику гибнущими защитниками Венаада. Якобы возмездие явится с давно заброшенных руин и настигнет убийц, сколько бы времени ни минуло. Все признаки указывали на то, что воплощение возмездия — ты, девица Айлэ. Мы слишком поздно поняли, что заблуждаемся: тебе не удалось ни оборвать жизнь Бастиана, ни хотя бы лишить его Жезла. Если у него не будет Камня, мы справимся с ним — сам по себе он не многого стоит.

— Я не совсем понимаю, — отважилась возразить Айлэ. — Наверное, я мало смыслю в дворцовых переворотах, или у людей это совершается как-то иначе... Неужели все замыкается на самом Бастиане, его жизни или смерти? В таком случае у вас было более чем достаточно времени, чтобы найти способ, не требующий железа, отравы и что там еще его не берет. Скажем, обронить ему на голову гранитный валун с крыши. И потом, какое же это развлечение, если собственные подданные стараются тебя убить?

Предложение вызвало короткие смешки у Идалира с Дайеном и снисходительную улыбку на устах Каури. Медвари, напротив, осталась серьезной и даже еще более погрузтелась.

— У девицы Айлэ живой и острый ум... в не-



котором роде, — сказал Дайен. — Признаться, такой способ нам в голову не приходил — хотя бы потому, что у Древесного Чертога не крыша, а крона, а за пределами дворца Бастиан появляется крайне редко. Но, поверь, пророчество не лжет, во всяком случае, в этой части. Бастиану предсказана смерть по собственной неосторожности, в собственной постели, от того, что будет принадлежать ему самому. Что же до развлечения... Неужели ты полагаешь, что от нас требуется только метко пустить стрелу и вовремя подхватить упавшую корону? Здесь даже не просто интрига, но целая сеть интриг, распугывание коих подчас весьма занимательно. Мы вербуем сторонников — Бастиан, через своих соглядатаев, их усердно ищет. Потом с ними, бывает, случается что-нибудь досадное — скажем, на охоте... Менестрели поют о том, как пал прекрасный Венаад, а гладиаторы Ирваста охотятся на наших бардов... Одним словом, что-то вроде игры в прятки-догонялки. Для нас это исполнение обета. Для него — забава... будь он проклят.

— Дайен, Дайен, — вмешалась Медвари. — Ты увлекаешься, и твое красноречие пропадает втуне. Не сомневаюсь, что наши интриги, длящиеся веками, способны вызвать живейший интерес у непосвященного, но сейчас не время и не место для долгих историй. Нужно решить, как быть дальше. Я по прежнему надеюсь, что пророчество не лжет. Верно, девушка слаба... Ее спутник, возможно, мог бы добиться большего — но те-



перь, когда он все равно что мертв, последняя надежда на нее.

— Или на мечи наших сторонников, — мрачно добавила Каури.

— Да, это выход, — кивнул с серьезным лицом Идалир. — Умрем как герои, окружив себя трупами врагов...

— Но чего вы от меня ждете? Я была в обществе вашего короля считанные мгновения! — запротестовала Айлэ, чувствуя, как ледяная рука стискивает сердце. — Пророчество или нет, но неужели вы всерьез полагали, что я войду и немедленно брошусь на него с кинжалом?

— Сталь, яд и ворожба не принесут ему вреда, не забудь, — резко тряхнула бронзовым хвостом волос Черный Шип. — Иначе хоть одна наша попытка расправиться с ним давно увенчалась бы успехом.

— Девочка права, — вмешался Идалир. — Почему мы решили, что возмездие должно последовать немедленно за тем, как она вступит в Чертог? Предначертанное свыше не любит, когда его торопят и подталкивают в спину.

— Тогда скажи, как долго нам еще придется ждать? — огрызнулась воительница. — Со временем надежда угасает, как костер без дров. Мы устали жить ожиданием, следить за каждым словом и быть мишенью для насмешек. У меня не хватает сил и веры убеждать тех, кто раньше был готов безоглядно следовать за мной. Бастиан взял нас измором. Еще немного, и мы сдадимся на милость победителя. Если подобное случится,



я лучше вызову его на поединок или встану на Прямую Тропу, чем соглашусь дотлевать остаток дней где-нибудь в захолустье, сходя с ума от безысходности!

— Каури, — укоризненно протянула госпожа Предела Йаули, — ты заставляешь меня стыдиться твоих речей. Еще не все потеряно...

— За столько столетий это заклинание потеряло всякую власть, — похоже, Черный Шип окончательно впала в уныние. — Госпожа, я не отступаю, но я не знаю, что еще можно предпринять. Даже если Бастиан вновь потребует к себе девчонку, это вряд ли что-то изменит. Он использует ее и выбросит, когда она ему надоест. Или сочтет крайне забавным таскать ее за собой на золотой цепочке. Или отправит на плаху вместе с одноглазым колдуном.

— Или пророчество сбудется, невзирая на ваше отчаяние и неверие, — неожиданно для самой себя брякнула девица Монброн. — И что мне тогда делать, если поблизости не окажется никого из вас? Взять жезл себе, как подарок в память об альбийском гостеприимстве?

— Отведите ее обратно в опочивальню и уложите спать, — распорядилась Медвари, пропустив мимо ушей рискованную остроту гостьи. — Каури, пусть кто-нибудь постоянно присматривает за ней. Прости, Айлэ, но иных возможностей помочь тебе у нас нет, — в ее взгляде, брошенном на Недолговечную, мелькнуло искреннее сочувствие. — Боюсь, попытка удалить тебя из Чертога только привлечет ненужное внима-



ние. Мы постараемся разузнать что-нибудь касательно участи твоего спутника. Посмотрим, что принесет нам утро... Ступайте.

Баронетта поднялась на ноги, тут же ощутив на плече твердую хватку пальцев воительницы, не слишком любезно подтолкнувшей девушку к выходу. Идалир вышел вслед за ними, но Дайен остался — Айлэ слышала, как он и госпожа Йаули вполголоса спорят о чем-то.



Глава пятая

Возмездие



Вечер 14 дня месяца Таир.



ве просторные комнаты, выдержанные в серо-голубых и золотистых тонах, ничуть не напоминали тюремную камеру, хотя Айлэ не сомневалась — она пребывает в заточении. Девушка уже пыталась выйти в коридор, но, стоило ей коснуться дверной занавеси, похожей на сеть из голубых и бирюзовых нитей, как та мгновенно каменела, приобретая твердость стальных прутьев. В узких оконных проемах красовалась полупрозрачная слюда. Баронетта убедилась, что хрупкое стекло цвета морской воды устоит, даже если треснуть по нему ножкой от стула.

Ночь Айлэ провела довольно скверно, хотя никто пленницу никто не беспокоил. Дважды или трижды она просыпалась от кошмаров, ко-



торых не могла вспомнить, и лежала, прислушиваясь к отдаленным шорохам. Она прекрасно понимала, что ее изводят неизвестностью и неопределенностью, но ничего не могла поделать — условия здешних игрищ определяла не она.

Утром ее навестила парочка рыжеволосых девиц-прислужниц, сопровождаемых молчаливым стражником в алых цветах Чертога. Служанки принесли поднос с завтраком, почтительно осведомились, не нужно ли госпоже еще чего-нибудь, и удалились. Айлэ, поколебавшись, рассудила, что вряд ли ее захотят отравить — если здешние хозяева захотели бы с ней расправиться, то сделали бы это куда проще, но показательнее. Завтрак быстро исчез... и потянулось ожидание.

Лившийся из окон свет не становился ни ярче, ни темнее, так что баронетта Монброн затруднялась определить, день снаружи или ночь, а сами комнаты освещались уже виденными ею жемчужными сферами на высоких подставках. В отведенных ей покоях шары имели розовый оттенок и походили на диковинные плоды, разложенные на серебряных тарелочках.

Герой увлекательных историй, кои обожала слушать Айлэ в бытность свою при королевском дворе, давно отыскал бы способ бежать — скажем, по каминной трубе или простукав стены в поисках потайной дверцы — да вот беда, в Древесном Чертоге неведомые строители каминов не предусмотрели. Стены же неизменно откликались на удар глухим звуком, свидетельствую-



щим о цельности и прочности. Девушка Монброн решила проявить терпение, благо в комнатах обнаружился книжный шкаф, откуда она немедленно позаимствовала пару толстых фолиантов. Дарованное умение понимать альбийское наречие распространялось и на письменные записи, хотя требовалось изрядное время, чтобы наловчиться разделять витые строчки рукописи на отдельные слова и знаки.

Подвернувшаяся книга оказалась весьма занятной. Айлэ не смогла определить, идет в ней речь о событиях, происходивших в действительности или вымышленных автором, и сочла фолиант здешним подобием нордхеймской саги со множеством родственных друг другу персонажей, кровной мстью врагам до шестого колена, поиском закопанных неведомо где сокровищ и весьма бойко описанной охотой на дракона.

Она осилила уже почти треть сочинения, когда к ней явился посетитель — Каури Черный Шип, озабоченная и встревоженная. Принесенные ею известия сводились к полному отсутствию каких-либо новостей. По Чертогу не гуляло даже отголосков сплетен, касающихся ночного сражения в тронном зале, хотя число дворцовой гвардии было увеличено. Одноглазый магик сгинул бесследно, как будто его нога вообще не ступала в замок повелителя альбов. Бастиана с минувшей ночи никто не видел, чему никто не удивляется — иногда он не показывается из своих покоев и день, и луну. К дверям комнат девицы-Недолговечной приставлена стража, одна-



ко Каури впустили без единого вопроса. Госпожа Медвари и ее друзья по-прежнему беспрепятственно ходят по дворцу — Верховный словно забыл об их существовании.

— Или чрезвычайно занят твоим приятелем, — скривив губы, предположила Каури. — Все делают вид, будто ничего не произошло, и увлеченно готовятся к Дням Солнцестояния — это праздник, который начнется через пару дней... Да, я кое-что принесла для тебя, — в ладони воительницы возник тонкий, похожий на иглу стилет в ножнах с ремешками, позволяющими пристегнуть его к запястью или лодыжке. — Спрячь. Вдруг пригодится?

— Вы же сами говорили, будто обращать против Бастиана железо бесполезно, — напомнила Айлэ. — Да я и не сумею...

— Зато будет, чем резаться самой, — мрачно откликнулась альбийка. — Дай-ка руку. Нет, левую.

Удивленная девица Монброн послушно протянула воительнице левую кисть и растерянно моргнула, когда Черный Шип ловким жестом извлекла из висевшей у нее на поясе плоской сумочки нечто вроде крохотного веретена. На отшлифованном кусочке яшмы была намотана тончайшая золотая нить, больше похожая на паутинку и почти неразличимая глазом. Парой стремительных движений Каури обвила невесомой канителью запястье девушки, прищипнула оборванные концы, и те срослись воедино, образовав подобие браслета.



— Что это? — немедленно захотела узнать баронетта.

— Единственная поддержка, которую мы можем тебе дать, — альбийка бросила яшмовое веретене обратно в сумку. — Сама по себе паутинка содержит магии сущие крохи, зато поглощает таковую, если колдовство направлено на носителя нити. Полностью охранить тебя от чар Повелителя она, конечно, не сможет, но ослабит их действие, и будет сообщать нам, где ты находишься. Ее придумал Дайен, он искусный маг... — она на мгновение замаялась, и, понизив голос, быстро заговорила: — Знаешь, я по-прежнему не верю, чтобы ты смогла сотворить что-либо с сыном Хитроумного — могучие мужи и умелые волшебники много раз пытались до тебя, но лишь обрекли себя на гибель. Но Медвари твердо убеждена, что ты и есть исполнение пророчества, так что кто его знает... Может статься, судьба решит сама направить тебя и подсказать нужное действие... В любом случае — добьешься ты успеха или поймешь, что все пропало — порви эту ниточку.

— И что тогда случится? — тоже шепотом спросила Айлэ. — Вы придете ко мне на помощь?

— Постараемся, — не слишком уверенно обещала Каури. — Ничего сверх этого тебе знать не стоит, поскольку наш Верховный имеет скверную привычку украдкой наведываться в чужие мысли, — Черный Шип встала и уже у самых дверей обернулась, добавив: — Я бы пожелала



тебе удачи, но мои слова будут пусты. Надейся только на себя, девица Айлэ.

Воительница ушла, мелькнув черным силуэтом за переплетением занавеси, оставив себе-седницу в тревоге и расстроенных чувствах. Девушка вспоминала подробности ночной стычки, беспокоясь не только о судьбе пропавшего неведомо куда Хасты, но и о том, кем он может быть на самом деле. Одна только попытка поразмыслить над этим ввергала девушку в трепет. Неужели это и есть та самая злоеющая тайна, которую знают и хранят ее родители? Как же так могло получиться, ведь всем известно: Всадник Полуночи давным-давно мертв, как и его последователи... Да, но можно ли убить божество?

Спустя довольно долгое время — может быть, день, а может, и два, отмеряемых разве что по приносимым тарелкам с пищей — баронетта достигла того состояния, когда человек с радостью приветствует любое изменение. Она металась из комнаты в комнату, пробовала читать и бросала, безнадежно окликала несших караул гвардейцев, тщетно вглядывалась в прозрачную зелень окон и даже заглянула за каждую из висевших на стене картин: вдруг за ними скрыт какой-нибудь тайник? Увлечшись этим занятием, она едва не пропустила прихода ожидаемых визитеров.

На сей раз их пожаловало гораздо больше. Сперва в дверях показались три служанки, с величайшей осторожностью неся свернутое полотенце черной, отливавшей серебром ткани. Две из них принялись раскладывать принесенную



вещь на постели, третья шмыгнула в коридор и вернулась с подносом, уставленным множеством флакончиков, шкатулочек, горшочков и баночек.

Следом четверо стражей втащили огромную деревянную бадью, полную горячей воды. Последней, когда стражники удалились, вошла альбийка небольшого, по здешним меркам, роста, с бледным лицом и копной русых волос, уложенных в некое подобие многоэтажной башни. Похоже, она принадлежала к более высокому рангу дворцовой прислуги, а девицы находились у нее в подчинении. Женщина окинула Айлэ диа Монброн оценивающим взглядом, сморщила носик, будто увиденное ей не слишком понравилось, и снисходительно назвала свое имя — госпожа Рагиби.

Ее великодушие простиралось до того, что она даже объяснила причины своего появления: Недолговечную желают видеть в королевских покоях. Обязанности Рагиби и ее помощниц состояли в том, чтобы придать смертному заморышу пристойный и приятный глазу вид.

«Именно этого ты и дожидалась», — не слишком успешно подбодрила себя баронетта, ставшая предметом усердных хлопот четырех женщин. Ее выкупали, заодно вылив на нее содержимое доброй половины подноса. Рагиби соорудила на голове девушки поочередно несколько причесок, добиваясь нужного впечатления. Итогом стараний альбийки стала корона из мелких косичек, украшенная серебряными цепочками, и



два длинных локона, завитых спиралями и ниспадавших по обе стороны лица Айлэ.

Настал черед одежды. Разглядев, во что ее собираются нарядить, баронетта охнула — десяток локтей почти прозрачных вуалей, соединенных кое-где фибулами в виде листьев. Возражения пропали втуне: под руководством Рагиби ее тщательно завернули в шуршащий пепельно-серебряный ворох. Она едва сумела улучшить миг, чтобы вытащить припрятанный стилет и пристегнуть его под коленом — где-то она слышала, что для женщины это будет надежнее всего.

Обойдя девушку со всех сторон, госпожа Рагиби сочла труды выполненными и дважды хлопнула в ладоши. Глянув на себя в большое серебряное зеркало, Айлэ сочла, что матушка и отец крепко отругали бы любимую дочку только за намерение показаться в подобном виде... зато Конни увиденное наверняка бы понравилось.

На зов явились провожатые, должно быть, дожидавшиеся в коридоре. Носители багряных лат королевской стражи — девушка уже видела таких ночью в тронной зале. Должно быть, именно их Каури называла «Алой Сотней». Недолговечную поставили в середине ромба из четырех человек, отчего она почувствовала себя запертой в железном ящике, и повели по бесконечным коридорам Древесного Чертога. С ней не разговаривали, не давали наставлений — просто сопровождали через вечный зелено-золотистый сумрак.

Баронетте очень хотелось верить, что нало-



женное на золотую ниточку заклятие действует, извещая заговорщиков о том, что ее увели к Бастиану.

* * *

В предыдущий визит у Айлэ сложилось впечатление, будто гости поднимались куда-то вверх, теперь же лестницы стремились вниз, к корням, питавшим и поддерживавшим Чертог. Идти пришлось не слишком далеко, а местом, куда доставили гостью, оказалась широкая круглая площадка перед мозаичными дверями, осененными выглядевшей почти настоящей ольхой с листьями из серебряных чешуек. При появлении гвардейцев и их подопечной крона затрепетала, издавая шелестящий перезвон, а створки плавно раскрылись. Молчаливый воин указал на темный проем, не выглядевший чрезмерно гостеприимным, и слегка поклонился.

Сглотнув, девушка покрепче ухватила края постоянно норовивших разлететься в стороны одеяний — кончики пальцев противно дрожали — и вошла.

Внутри царил полумрак, разгоняемый десятком самых обычных толстых свечей, воткнутых в серебряные настенные шандалы искуснейшей работы. Комната была круглой, локтей пятнадцати в поперечнике. Витые колонны — в сущности являвшиеся древесными стволами, или, может быть, ветками, но, так или иначе, вполне живые, как и весь удивительный Чертог — тя-



нулись вдоль стен и смыкались высоко над головой правильным куполом. Из точки их слияния на длинной лиане свисал большой световой шар тускло-молочного цвета, теперь не горевший. Пол под ногами устилал невероятной толщины и упругости ковер, до того похоже изображавший поляну с цветами, что Айлэ едва не потянулась сорвать яркий василек. Никакой мебели, за исключением приземистого столика с яствами да десятка маленьких подушек, разбросанных по ковру.

Баронетта принюхалась — пахло свежей хвоей и неизменной для Чертога лавандой — и огляделась в поисках хозяина покоев.

Бастиян из рода Ладрейнов, скрестив ноги, сидел на подушках в дальнем конце «поляны» — две свечи над его головой не горели, и сумрак вокруг повелителя Древесного Чертога был гуще всего. На нем была свободная серо-зеленая хламида, перехваченная узким серебряным пояском и почти сливавшаяся с цветом стен, так что, не обладая Айлэ гульским ночным зрением, она заметила бы его далеко не сразу. Однако внимание гостя мгновенно приковал к себе иной предмет. Золотой жезл с алмазом, причина стольких бедствий и раздоров, мирно покоился на простой деревянной подставке рядом с альбом. Камень не светился собственным светом, преломляя лишь огоньки свечей, и девушка решила, что магия жезла дремлет.

— Невежливо молчать так долго, придя в гости, — произнес ясный голос, и Айлэ поневоле



вздрогнула. — Ты онемела, увидев меня? Или увидев *это*?

Бастиян, должно быть, имел в виду жезл.

— Ваше величество... — баронетта склонилась в несколько неуклюжем реверансе. Альб засмеялся — словно зазвенел серебряный колокольчик.

— Ну-ну, оставь это. Знаешь, отчего мы именно здесь? Это Место Уединения. Я прихожу сюда, чтобы отдохнуть, не думая ни о чем, иногда один, иногда с прекрасной женщиной... это удается так редко... Обращаясь ко мне «ваше величество», ты напоминаешь о неприятных обязанностях, которые я как раз пытаюсь забыть.

— Но как же мне вас называть? — осторожно молвила Айлэ, не двигаясь с места. Альб снова рассмеялся, укоризненно качая головой. То ли из-за игры свечных огоньков, то ли по собственной природе его глаза блеснули холодным голубоватым светом.

— Обойдемся без титулов и придворного этикета. Порой это удивительно приятно. Я буду называть тебя Айлэ, как называли тебя твои отец и мать, а ты зови меня именем, данным мне при рождении — Бастиян. И, будь добра, на ты. Я хочу, чтобы сегодня мы стали близки друг другу, как никогда прежде.

Столь откровенный намек заставил Айлэ покраснеть. Она возблагодарила спасительный полумрак покоев, но тут же по усмешке Бастияна сообразила, что альб видит в темноте не хуже нее.



— Подойди ко мне, — промурлыкал повелитель Альвара. — Садись рядом. Хочешь съесть чего-нибудь или выпить вина? Вот эти фрукты ты не отведаешь нигде, кроме Древесного Чертога — их выращивают специально к королевскому столу. А вино... О, такого, ты, наверное, и не пробовала. Каждый раз, когда ты подносишь к губам бокал, у вина новый букет, и оно совершенно не пьянит — лишь придает сил и... способствует страсти.

Девушка послушно опустилась на изумрудный ковер, стараясь держаться от альба чуть дальше вытянутой руки. Пить баронетта не стала — свежие силы мне не помешали бы, подумала она, но «способствовать страсти», право, излишне — но, чтобы не обижать хозяина отказом, выбрала со столика один из тех фруктов, что, по уверению Бастиана, выращивались исключительно для королевского стола. Фрукт походил на гладкокожий персик, выточенный из куска светлого янтаря, и таял во рту, оставляя нежнейший привкус меда и корицы.

Бастиан наблюдал за ее осторожными действиями с легкой улыбкой. Айлэ чувствовала исходящий от него аромат лаванды.

— Для смертного создания ты на удивление мила. И невинна, ведь так? — вдруг спросил он.

Айлэ едва не подавилась «персиком».

— Нет, ваш... Бастиан, — пролепетала она, в очередной раз («что ж я все краснею, как деревенщина!») заливаясь краской. — Но... не слишком опытна.



— О? Сколько же тебе лет?

— Семнадцать, — честно призналась баронетта и рискнула добавить: — Только я еще долго буду оставаться такой, как сейчас. Я не совсем человек... и в какой-то степени прихожусь родственницей жителям Заповедного Края.

— Любопытное начало, — хмыкнул альб. — Позволь узнать, кто же ты, если не смертная? Воплощенный дух? Сиддха?

— Нет, я гуль, то есть гхуле, — скромно сообщила она, пытаясь выговорить слово так, как оно звучало у Дайена. — Очень дальний поток беженцев из Черной Цитадели, тех, кого настигла Кара Исенны.

— Не может быть! — совсем по-человечески восхитился повелитель Потаенного Града. — Безумец добился своего? Олвин не верил, и мой отец тоже, а ему удалось, надо же... И много вас уцелело? Как же вы справились с Жаждой и сумели выжить по соседству с людьми? Ведь вы наверняка на них охотились, а они в отместку разыскивали вас и разоряли ваши поселения?

— Было и такое, — не стала отрицать Айлэ. — Некоторые из моего народа и посейчас считают, что люди — всего лишь говорящие животные, годящиеся исключительно в пищу. Однако в последние десятилетия мы заключили с людьми что-то вроде перемирия. Кое-кто из нас сумел занять достойное место в людском мире. Возможно, рано или поздно нам придется стать частью королевства смертных. Земля гулей, какой я ее застала, во многом похожа на Заповед-



ный Край — маленькое княжество под названием Рабиры или Рабирийские холмы, охраняемое Незримой Стеной, не пропускающей внутрь чужаков. Мы привыкли к тяжести Проклятия, и нашли способы бороться с ним, используя кровь диких или домашних животных. Ее, в конце концов, требуется не так уж много — чашка в два-три дня. Нет, лично у меня больше нет необходимости это делать, — баронетта вовремя смекнула, что ее могут попросить показать клыки или, чего доброго, загрызть кого-нибудь. — Во-первых, я полукровка, дитя человека и рабирийки, а во-вторых, нашлась управа и на Кару Победенных.

— Ах, вот даже как... — маловразумительно пробормотал правитель альбов, не пожелав уточнить, что он имеет в виду, но напомним девушке: она не в кругу друзей и не в обществе заговорщиков госпожи Медвари. Ее предупреждали, что с Бастианом надо быть настороже и следить за своими словами. — Порой трудно вообразить, какие причудливые следы оставляет за собой то или иное событие... Не осталось почти никого, кто своими глазами видел бы Полночную Цитадель, а по земле до сих пор бродит проклятое Безумцем племя... Знаешь, в чем была беда Исенны? — неожиданно осведомился Бастиан. — Ему всегда хотелось заполучить то, чем владели другие. Он затеял Войну Света, пытаясь прибрать к рукам Звездную Радугу и наверняка рассчитывая впоследствии захватить три Благих Алмаза... Ты слышала что-нибудь о Радуге, Айлэ?



— Семь драгоценных камней, созданных и хранившихся в Цитадели, — вспомнила прочитанные летописи баронетта. — Они уравнивали три слишком могущественных Алмаза, правильно? Два или три из них уцелели до нынешних времен и до сих пор обретаются где-то в мире людей. Или у dwarves — в их сокровищницах порой отыскивается такое, что почиталось давно уничтоженным или потерянным. Можно спросить — как вышло, что Исенна не добился своего?

— Ему стоило быть повежливее с союзниками и с противниками, — наставительно изрек Бастиан. — Олвин и его племя мореходов, которых и без того еле-еле убедили принять участие в осаде, покинули Аллерикса почти сразу. Да еще с изрядной ссорой, едва не завершившейся поединком между Безумцем и Корабелом. Они ушли на побережье, подняли паруса — и с тех пор мы больше о них ничего не слышали. Должно быть, им удалось добраться до Последнего Острова... Затем удалился мой родитель, Эрианн Хитроумный, отправившийся искать удачу в землях Восхода и основавший новый Альвар взамен поглощенного разбушевавшимся морем. Оставшийся в гордом одиночестве Исенна взял-таки Цитадель, но искомого там не обнаружил. Жаль, мне не довелось увидеть, как он рвал и метал. Ходили слухи, якобы он призвал dwarves, согнал уцелевших пленных и заставил их разбирать крепость по камешку. В скором времени Безумец погиб, а принадлежавший ему Алмаз



пропал — надо думать, провалился в какую-нибудь трещину и сгорел в огненной лаве. Или утонул в океане. Так что единственным Камнем Света, сохранившимся на этой земле, теперь владею я... И хотел бы узнать, девица Айлэ: с какой стати твоему другу пришло в голову, будто он сможет отобрать его у меня?

Баронетта невольно вздрогнула, покосившись на мирно поблескивающий жезл. Показалось, или игра бликов на гранях алмаза стала ярче?.. Бастиан перехватил ее взгляд. Его усмешка сделалась недоброй.

— Красивая игрушка, верно? — пробормотал он скорее для себя, чем для собеседницы. Выражение его лица сделалось отсутствующим. — Ты сейчас думаешь о том, что в двух шагах от тебя лежит средоточие мощи Потаенного Града. И возможно, если изловчиться и схватить, то ты справишься со мной в два счета. Колдовского умения в тебе, правда, всего ничего, но вдруг да повезет — все таки ты дочь мага...

Айлэ сделалось не по себе — Каури ведь предупреждала, что Повелитель любит украдкой подглядывать в чужие мысли. Вот он и подглядывал... почти дословно. Отрицать не имело смысла, и она кивнула.

— Я упрощу задачу, — спокойно продолжал Бастиан. — Не стану тебе мешать. Подойди, возьми его.

«Либо это ловушка, — мысли Айлэ панически метались из стороны в сторону, — и я обращусь в пыль от одного прикосновения... либо это мой



первый и единственный шанс». Повелитель Альвара наблюдал за ней внимательно и хищно, не двигаясь с места, с той же усмешкой на тонких губах.

Девушка протянула руку и осторожно сняла золотую ветвь с подставки.

Жезл Света оказался тяжелым, как положено вещи из чистого золота, и приятно холодил ладонь. И только.

— Попробуй разбудить его, — предложил Бастиан с непонятной интонацией.

— А... если у меня получится? — робко заикнулась Айлэ. Альб молча прикрыл глаза и сладко улыбнулся.

Ему нравится риск, поняла баронетта. Он мог бы скрутить Хасти, едва увидев, но предпочел вызвать рабирийца на магический поединок. Мог бы давно расправиться с заговорщиками, но играет с ними, как кот с пойманной мышью... Что, если пророчество как раз и говорило о чем-то таком? Вдруг я приручу Жезл, как когда-то Долиана Эрде приручила Огненный Рубин?..

Спустя два десятка гулких ударов сердца безумная надежда растаяла как дым на ветру. Костяная рукоять в мелкой сеточке трещин, правда, нагрелась в ладони, но Камень Света оставался просто крупным, прекрасно ограненным алмазом — с тем же успехом Айлэ могла взывать к бронзовому подсвечнику.

— Пожалуй, хватит, — нарушил молчание Бастиан. — Положи жезл на его законное место.



У тебя были скверные мысли, девочка... неужели я так тебе ненавистен? Почему? Видно, Медвари и ее присные хорошо поработали с тобой... Я в самом деле заигрался с ними, игра становится однообразной. Пора завершить ее...

Он легко коснулся указательным пальцем жезла, водруженного обратно на подставку, и Алмаз отозвался единственным ярким бликом — будто в его глубине вспыхнула и погасла голубая звезда.

— Владеть им может лишь могущественный маг либо тот, кому Алмаз принадлежит по праву, — гордо сказал альб. — Великие силы сокрыты в нем, но в случайных руках они не пробудятся. Жаль, тебе не довелось видеть его в действии.

«Еще как довелось», — едва не ляпнула Айлэ, но, к счастью, вовремя придержала язык. Впрочем, слова, сорвавшиеся с ее губ, вряд ли прозвучали намного умнее:

— Хасти твердил, будто имеет больше прав на Камень Света, чем все альбы, вместе взятые... Это правда? И если правда, то — почему?

— Хасти? — альб расхохотался. Этот смех не имел ничего общего с прежним обворожительным перезвоном серебряных колокольчиков — так смеются, отрубая голову давнему врагу. Айлэ передернуло, и Бастиан резко прервался, в упор уставившись на девушку. — Ты называешь его Хасти? Так тебе неизвестно, кто он?

— Нет, — пролепетала баронетта, зябко ежась под ледяным пронизывающим взглядом светлых глаз.



— Ажешь, — припечатал альб. — Либо ты глупее курицы. Либо — и это худшее предположение, взывай к своим богам, чтобы я ошибался — вы заодно, и участь ваша будет общей.

Он протянул руку, и Айлэ вдруг увидела в его пальцах массивный шар из дымчатого хрустала, размером с небольшую дыню. Гладкая поверхность казалась маслянистой. Внутри плавали какие-то смутные образы, не имеющие отношения к происходящему в комнате.

— Вот твой спутник, — сказал Бастиан, положил шар на ковер и легко толкнул его к баронетте. — Смотри. Не пытайся разбить кристалл — это невозможно.

Шар оказался увесистым и очень холодным — девушке показалось, будто ей в ладони положили здоровенный кусок льда. Пальцы мгновенно онемели. Не очень представляя, что именно нужно делать, она поднесла колдовскую вещь к самым глазам и зачем-то прищурилась, словно подглядывая в щелку.

она увидела Хасти почти сразу: магик брел по узкому сумрачному коридору. Выражение его лица показалось Айлэ пугающим — слегка отсутствующее, как у одурманенного человека, не осознающего, где он и что с ним происходит. Коридор тянулся все дальше, разветвляясь, описывая кривые и петли, а одноглазый, пошатываясь и спотыкаясь, продолжал безостановочно идти. Порой он оглядывался, словно опасаясь нападения со спины, и, кажется, не зря — позади него, шагах в десяти, клубилась бесформенная тень,



неспешно заполнявшая пространство коридора и постепенно догонявшая рабирийца.

— Никогда не мог понять, почему его так страшит темнота и лабиринты, — произнес над ухом девушки звенящий хрусталем голос, вернув ее обратно, в покои Бастиана Ладрейна. Она выронила шар, мягко стукнувшийся о толстый ворс ковра, и взглянула на альба:

— Что ты с ним сделал? Где он?

— Там, внизу, — повелитель Древесного Чертога устало зевнул, прикрыв рот тонкой ладонью, а другой рукой небрежно ткнув куда-то себе под ноги. — Ты не представляешь, каких трудов мне это стоило... и я все равно не могу быть спокоен. Он силен и изворотлив. Он будет искать способ выбраться оттуда. Поэтому мне придется от него... — альб скривился, но закончил фразу: — избавиться, да поскорее. В День Солнцестояния его казнят... Ты — другое дело... если не врешь, конечно, а я легко могу это проверить. Единственная опасность, которая от тебя исходит — стремление заводить неподходящие знакомства. Интересно, кто успел с тобой побеседовать? — Бастиан сделал вид, что глубоко задумался. — Вне всякого сомнения, Черный Шип вкупе со своим шальным приятелем Идалиром. Моей волей он из простого копейщика поднялся до командира Изумрудной Сотни, но платит черной неблагодарностью... Ах да, забыл нашу прожженную заговорщицу Медвари. Они поведали тебе про навший во славе Венаадд?

Баронетта слабо кивнула — перед ее глазами



все еще стояла устрашающая тьма неведомых коридоров и заплутавший в ней маг.

— До сих пор не могу понять, ради чего в эту игру встряла Медвари? — казалось, альб беседует сам с собой. — Ее род явился сюда вместе с беженцами, предложил свои услуги тогдашним господам, а она теперь мнит себя едва ли не наследницей имения! Раз в пятьсот лет ее дружки набираются храбрости и пытаются перейти от болтовни к делу. Знаешь, в последний раз они были очень близки к успеху. Пришлось изрядно проредить их компанию, а Медвари отправить рыдать на руинах столь дорогого ей Венаадда. Ты ведь видела Высокого Ирваста? Когда-то он был не из последних приспешников Безумца, но вовремя переметнулся на другую сторону. Порой мне кажется, что безумие Исенны стало чем-то вроде заразной хворобы, не пощадившей никого из его сподвижников. Ирваст убивает не по необходимости, а ради извращенного удовольствия. Я доверил ему Предел Йаули, и он устроил там собственное бледное подобие Двора Аллерикса. То учиняет поединки насмерть, вынуждая к участию своих же ближайших соседей и Пришедших После, то затевает загонную охоту на забредших из-за Черты чужаков, а в последние десятилетия увлекся разведением хипчных тварей, живших в этих краях в прежние времена. Отыскал где-то парочку и мечтает теперь вырастить свору голов эдак в полсотни. Я вынужден смотреть на это снисходительно, поскольку в своем роде он незаменим, хотя подчас от его



развлечений воротит даже меня... Но, впрочем, все это чепуха. Творец Предвечный! Я пришел сюда отдохнуть... Довольно нелепых разговоров!

Он умолк, яростно глядя в стену, затем звонко прищелкнул пальцами, и наполненный золотистым вином кубок оказался в его руке. Бастиан осушил вместительную чашу одним бесконечным глотком, и его тонкое породистое лицо вдруг странным образом обмякло.

«Совершенно не пьянит, но придает сил и способствует страсти нежной», — вдруг вспомнилось Айлэ. Альб вновь наполнил кубок и прильнул к нему, через край поглядывая на собеседницу с пьяной хитрецей.

Девушка потихоньку начала отодвигаться.

— Нет! — рявкнул повелитель Чертога, отшвыривая кубок так, что он врезался в стену. Внезапно его голос снова изменился, сделавшись вкрадчивым и медовым. — Не убегай от меня. Выпей этого чудного вина, если боишься. Иди ко мне. Забудем обо всем в Месте Уединения. Забудь о том, что ты подобна бабочке-однодневке, а я старше любого королевства под солнцем... Ныне в отсветах луны будем только я и ты, девица Айлэ... Иди ко мне!

Айлэ отшатнулась, вскакивая на ноги. Бастиан в то же мгновение единым гибким движением перелесся в полный рост. Питье сотворило с ним что-то странное — альб определенно не захмелел, во всяком случае, по обычным меркам. Двигался он даже более легко и уверенно, чем всегда, и речь его по-прежнему звучала ясно, но



светлые глаза блуждали, словно повелитель Потасенного Града грезил наяву.

— Ты прекрасна, хоть и недолговечна. Твои губы — источник наслаждения, твои глаза — сладкий омут, твоя грудь — словно золотые яблоки из запретного сада... Со мной ты познаешь ласки, которые возведут тебя на вершину блаженства, с тобой я на краткий миг почувствую себя истинно живым... Вместе мы проникнем в потаенные глубины, увидим горние выси, услышим звездную песнь... Иди ко мне!

Его голос завораживал, слова были красивы, в них слышался странный подчиняющий ритм. Айлэ затопила горячая волна желания — настолько внезапного и острого, что ее руки с готовностью взметнулись к фибулам, скрепляющим легкомысленные одежды, а тело качнулось навстречу хозяину Древесного Чертога. Она еле слышно застонала, подалась вперед, опускаясь на колени...

Обнаженного бедра коснулось нечто холоднее льда. Магический кристалл валялся на ковре, и в его глубинах рабирийский маг бесцельно брел по бесконечным коридорам, спасаясь от ползущей следом тьмы. Маленькая фигурка под стеклянной поверхностью вдруг вскинула голову. В сознании девушки вспыхнуло мгновенное солнце. На краткий миг Айлэ дна Монброн исчезла, перенеслась, оказалась в лабиринте у самых Корней.

Это она проиграла в магическом поединке.

Это она из последних сил брела в сыром по-



лумраке, преследуемая безымянной Тьмой. Это ее казнят в День Солнцестояния...

Нахлынувший затем жуткий, животный ужас начисто смыл сладкий колдовской морок. Альб замолчал, недоуменно хмурясь. Их разделяло совсем немного — руку протянуть. Руку с ножом.

Рукоять стилета сама собой легла в ладонь.

* * *

Однажды Райан Монброн дал своей наследнице полезный совет: «Если поймешь, что серьезно влипла в неприятности, не пытайся заговаривать зубы, колдовать или звать на помощь. Старайся держать себя в руках и твердо знай — нужно бить первой. Бей изо всех сил, и так, чтобы пару следующих мгновений твой обидчик мог думать только об одном — не стал ли он евнухом. Не смотри на него, ни о чем не спрашивай, а сразу же уноси ноги. Несколько выигранных мгновений могут спасти тебе жизнь... и кое-что, не менее важное — твое достоинство. Ты поняла, Ай-лэ?»

Тогда она искренне заверяла родителя, что все понимает. Даже взяла несколько уроков у давней знакомой отца, бывшей искательницы приключений на покое. Только вот никогда ранее девица Монброн не оказывалась в столь пугающей ситуации. Всегда находился кто-то, способный ее защитить... да и кому бы пришлось в голову посягнуть на честь девушки из королевской свиты?



Теперь Ай-лэ убедилась: пусть она в опасности, у нее не останется решимости даже замахнуться, спасая себя. Она боялась повелителя альбов и ненавидела себя за трусость. Великое Небо, ну почему же ей так не везет?

Тонкое, как игла, острие стилета пелилось Бастиану, сыну Эрианна в живот. Но рука дрожала, и момент был упущен.

— Какая глупость... — пробормотал альб. — Зачем ты все испортила?

Он коротко взмахнул кистью, и оружие в руке Ай-лэ мгновенно раскалилось докрасна. Вскрикнув, девушка отшвырнула кинжал. Шесть дюймов отличной стали испарились, не долетев до пола. Баронетта была готова к тому, что альб придет в ярость, может быть, даже бросится на нее, но правитель Альвара медлил, глядя сверху вниз с непонятным сочувствием.

— Ножом тебя, конечно, снабдила Каури Черный Шип, — сказал он. — Жаль ее. Она подписала себе смертный приговор — не за покушение, сталь не берет меня... За испорченное удовольствие. Но как поступить с тобой, маленькая гхуле? Ты подняла оружие на особу королевской крови. Теперь придется возвести тебя на одну плаху с твоим одноглазым приятелем, и это еще печальнее. Каури, по крайней мере, давний и непримиримый враг. Ты же падешь случайной и бессмысленной жертвой чужой интриги — а ведь могла бы купаться в роскоши до конца своих дней... Что за нелепый выбор, Недолговечная!

Он выбросил руку и попытался изловить ее



за край туники. Однако у девушки достало сообразительности и быстроты вскочить, отпрыгнув в сторону. Теперь ее и Бастиана разделял овальный столик с напитками и фруктами. Хозяин Чертога удостоил ее маневр недоверчивым хмыканьем.

— Перестань, — бросил он. — Это ведь не крепость, где ты сможешь отсидеться. Неужели ты думаешь, я стану гоняться за тобой по всему замку? Иди сюда.

Баронетта упрямо помотала головой. Может, швырнуть в него чем-нибудь, отвлечь внимание, а самой кинуться к дверям? Бесполезно — створки могут быть заперты или стража немедленно затолкает беглянку обратно.

Словно догадавшись об ее намерениях, альб прикинулся, что хочет обежать стол и схватить упрямую девицу. Айлэ взвизгнула, шарахнулась в сторону... но развевающийся край одной из ее многочисленных вуалей оказался в руках у Бастиана. Рывок отбросил девушку назад, она зацепилась за ножку стола, заставив тот пошатнуться. Несколько бокалов упали на ковер, один разбился.

Баронетта оставила без внимания участь гибнущих столовых приборов — ее больше заботило плачевное положение, в котором она очутилась. Хозяин Чертога подтащил ее к себе и, крепко обхватив за талию, оторвал от пола, невзирая на отчаянные попытки девушки лягаться и рвать кольцо удерживающих рук. В итоге снова досталось многострадальному столу — в очеред-



ном выпаде ступня Айлэ угодила как раз по краешку. Стол опрокинулся, королевские персики рассыпались по полу, а вино растеклось быстро впитавшейся лужицей. Баронетта Монброн услышала ехидный смешок альба, и ее испуг медленно, но верно начал сменяться злостью. Неужели он полагает, что так легко с ней справиться? Будь у нее по-прежнему клыки и когти, альбийскому красавчику уже давно пришлось бы искать знахаря, способного избавить его от глубоких царапин на физиономии.

— Может, хватит? — Бастиан вдруг ослабил хватку. Прежде чем Айлэ успела опомниться, ее поймали за правую руку, с силой надавив между пальцами. Девушка взвыла: кисть будто прижгли огнем. — Не хотелось бы причинять тебе боль, но ты сама меня к этому вынуждаешь. Повторить или ты будешь смирной?

— Своему покойному паленьке вели быть смирным, — огрызнулась баронетта, немедленно об этом пожалев — ладонь опять словно угодила в раскаленную жаровню. Стоявший позади Бастиан — девушка чувствовала его частое дыхание на своей щеке — присоветовал:

— Не дерзи, предупреждаю в последний раз. Ты уже испортила мне большую часть наслаждения. Но я всегда добиваюсь своего, в чем бы это ни выражалось и чего бы ни стоило. По доброй воле или по принуждению, но этой ночью ты станешь моей. Зачем ты ведешь себя, как дикарка? Я отвратителен тебе? Или ты холоднее льда? Но я же видел, это не так... К тому же сопротив-



ляться глупо — я мог бы лишить тебя возможности двигаться... или внушил бы тебе стремление самой раздеться и лечь...

— Ты всегда так поступаешь, иначе женщины не соглашались иметь с тобой дело? — стоило бы воздержаться от насмешек, но не в меру острый язычок баронетты начал болтать сам собой. — Если ты не выворачиваешь им руки и не накладываешь чары, тебе их не заполучить?

— Проклятье! Это становится утомительным, — раздраженно пробормотал альб и прошептал еще что-то еле слышно — Айлэ не разобрала слов, да они и не показались ей стоящими внимания. Внезапно ею овладело полнейшее безразличие к собственной участи. «Все-таки применил свою магию. И альбийская паутинка не помогла», — поняла она, но ни эта мысль, ни странная слабость, охватившая тело, только что готовое к борьбе, уже не вызвали возмущения. Бастиан отпустил ее, и девушка с облегченным вздохом опустилась навзничь на пышный ковер, прямо посреди раскиданных фруктов и драгоценных кубков из тончайшего хрусталя.

— Мне жаль, но ты сама виновата, — услышала она голос повелителя Потаенного Града.

Послышался тихий шелест снимаемых одежд. По ее лицу скользнули быстрые пальцы, спустились ниже, не долее мгновения взявшись за застежки. Бастиан обладал прекрасным телосложением и, вероятно, был искусным любовником — да и как иначе, учитывая тысячелетний опыт — но обездвигивающее и лишаящее воли заклятье



имело свою обратную сторону. Его умелые ласки приносили Айлэ дна Монброн наслаждение не большее, чем если бы Бастиан Ладрейн пожелал добиться взаимности от мраморного изваяния.

Альб опустился на колени, прикрыл глаза, навис над раскинувшейся на ковре девушкой. На касания чутких пальцев к нежной коже бедер и поцелуи, которыми повелитель Альвара осыпал ее шею и грудь, Айлэ не ответила ни единым движением или вздохом, словно со стороны равнодушно наблюдая за происходящим, — власть заклятия позволяла альбу делать с ней все, что ему вздумается. Бастиан опустился ниже, оперся на локти, накрыв девушку своим телом. Уступая его прикосновениям, становившимся все более настойчивыми и нетерпеливыми, Айлэ послушно закинула руки за голову. Правая ладонь задела магический кристалл, но ледяной укол на сей раз оставил баронетту безучастной.

Почти безучастной. Где-то в дальнем уголке сознания пульсировала тревожная мысль, с каждым ударом сердца становясь все более ясной: останови его. Иначе ты не выйдешь из Места Уединения, а рабириец умрет на рассвете. Останови, иначе погибнут Каури Черный Шип, Медвари, Дайен и те, кто с ними. Останови, или Проклятие Рабилов соберет неслыханную кровавую жатву.

«Нужно сделать что-то... прямо сейчас», — вдруг совершенно отчетливо подумала Айлэ. И сама удивилась, когда ее рука, преодолевая тем-



ную силу наложенного заклęcia, поползла по такому мягкому, упругому ковру в настойчивых поисках... чего?

Чего-нибудь... подходящего.

Упавшая тарелка. Не годится. Осколки разбитого бокала — едва не порезалась. Нечто скользкое, округлое, увесистое, что с трудом удалось захватить в ладонь. Бастиан навалился на нее, его лицо, обрамленное ореолом серебристых волос, раскачивалось над ней в такт хриплому дыханию — глаза закрыты, на лбу проступили мелкие бисеринки пота. Айлэ подтащила неведомый предмет поближе, согнула руку в локте, зажмурилась, и, не целясь, нанесла единственный сильный удар. И тут же ощутила, что воля и тело ее обрели свободу.

Раздался короткий хруст — словно, упав на камни, разбился глиняный кувшин. Что-то теплое брызнуло в лицо, разлетевшись мелкими липкими каплями. Бастиан не издал ни звука, просто обмяк, сделавшись невыносимо тяжелым и придавив девушку к полу. Несколько прядей его волос попали баронетте в рот, она с отвращением их выплюнула.

Открывать глаза по-прежнему не хотелось. Упираясь локтями и извиваясь, Айлэ медленно выволокла себя из-под не подающего признаков жизни тела, как наяву, видя эту картину в своем воображении. Отползла подальше, она наконец рискнула разомкнуть веки. Тот же полусумрак, те же моргающие свечки. Лежащая ничком фигура со свернутой набок головой. Лицо у



Бастиана было удивленное, из проломленного виска вытекло немного темной крови, блестящей лужицей застывшей на ковре. Баронетта поискала вещь, так удачно подвернувшуюся ей под руку, и обнаружила валявшийся неподалеку магический шар, с одного бока слегка испачканный в чем-то темном, влажном на вид.

«В собственной постели, по собственной неосторожности, от того, что принадлежит ему самому...» — кажется, именно так говорилось в пророчестве?..

Снаружи не долетало никаких признаков тревоги — маленькое досадное происшествие в покоях Властителя пока оставалось тайной. Айлэ попыталась заставить себя думать о том, как ей поступить. Одеться и как ни в чем не бывало выйти? Ждать, пока кому-нибудь не придет в голову заглянуть в комнату? А что, если никто сюда не придет? Ее бил озноб, ей казалось, что в тених что-то мелькает, подкрадываясь к ней, что колдовской шар тускло мерцает и внутри него, как рыба о тонкий лед, ударяется чья-то рука, оставляя белые царапины... Мысли, ползущие медленно и неповоротливо, споткнулись о тончайшую нить, сплетенную из золотой канители. Что-то такое надо было сделать с этой нитью, по-прежнему обвивавшей левое запястье... Точно, разорвать.

Баронетта с трудом просунула под невесомый браслет указательный палец правой руки и дернула. Нить не поддавалась. Девушка потянула сильнее, и блестящая жилка, сдавшись, с еле



слышным треском лопнула, скользя вдоль руки и упав на ковер.

Ничего не произошло.

Айла не помнила, сколько просидела в углу, съежившись и кутаясь в обрывки своих черно-серебряных вуалей. Свечи таяли, лужица крови стала чуть больше и загустела, а обещанная помощь все не появлялась. Казалось, минула целая вечность, прежде чем золоченые створки дверей сотряс тяжелый удар.



Глава шестая

Перемена участи



15 день месяца Таур.



ам Бастиан призвал девчонку к себе, — выпалила Каури Черный Шип, едва перешагнув порог небольшой уютной залы, где уже собрались прочие заговорщики: Медвари, Идалир и Дайен. — Ее ведут к Месту Уединения — в своих пристрастиях наш Повелитель весьма предсказуем... Жезл, как всегда, при нем, у дверей скучают пятеро «алых». Пора?

— Час настал, — кивнула Медвари. — Согласно пророчеству или вопреки ему, сегодня решится наша судьба и, может статься, судьба Потасенного Града. Идалир, твоя Изумрудная Сотня готова выступить?

— Да, — коротко ответил сотник.

— Идалир, я вижу, тебя что-то смущает, — мягко сказала альбийка. — Что-то не так?



— Госпожа, — воин с золотым дубовым листком на камзоле потер лоб ладонью, собираясь с мыслями, — мои воины готовы к выступлению, и момент подходящий — в Альвар на праздник Дня Солнцестояния собралась большая часть наших сторонников, в том числе несколько вельмож, сопровождаемых собственной гвардией... Однако Бастиан не слеп и не глуп, он способен читать в умах подданных, как в раскрытой книге. Древесный Чертог наводнен Алой Сотней, караулы удвоены, вход и выход из дворца возможны только по предъявлении особого знака... Лесные Стрелки и «пурпурные» гладиаторы Ирваста окружили расположение Изумрудной Сотни. Пока они осуществляют надзор не слишком навязчиво, но, скорее всего, к утру Бастиан отдаст приказ о взятии под стражу подозреваемых в заговоре. Будет большая кровь...

— Это всего лишь означает, что пути назад у нас нет, — пожала плечами Каури. На лице воительницы читалась мрачная решимость. — Разве не об этом мы говорили совсем недавно? Мы почти бессмертны, оттого терпения нам не занимать. Но, проклятье, даже терпению бессмертных есть предел! Или лучше и далее влачить жалкое существование, зная, что твое притворство не имеет смысла и в любой момент тебя могут исключить из числа живущих?!

— Медвари, позволь узнать: ты и впрямь веришь во всю эту чепуху с пророчеством? — поинтересовался Идалир.

— И да, и нет, — рассеянно ответила альбий-



ка. Прежде чем продолжить, она поднялась со своего кресла и отдернула тяжелую штору вдоль одной из стен — открылось высокое стрельчатое окно, забранное простым стеклом. В темноте за стенами Чертога мигали редкие огоньки факелов. — Я не могу представить, что девочка сама по себе способна причинить Бастиану какой-нибудь вред — разве только сам Предвечный направит ее руку. Но многие из тех, кто прежде сомневался и выжидал, расценили ее появление как знамение свыше, признак того, что небеса на нашей стороне. Теперь ряды наших сторонников выросли, и боевой дух высок как никогда. Из-за одного этого можно считать, что девица Айлэ выполнила свое предназначение. Жаль будет, если она погибнет...

— Она вошла к Бастиану, — подал голос доселе молчавший Дайен. Маг был бледен и взволнован.

— Теперь и впрямь пора, — Медвари выпрямилась, на миг прикрыв глаза и сцепив пальцы в жесте безмолвной молитвы. — Идалир, поднимай своих воинов. Каури, Дайен, вы помните, что вам делать. Я призову остальных.

...Заранее подготовленный заговорщиками план был несложен — в нем не нашлось места большим сражениям и штурмам, по той простой причине, что за тысячелетия мирной жизни альбы совершенно забыли благородное и страшное искусство ведения войны. В столице Потаенного Края не нашлось бы ничего, что хотя бы отдаленно сходило за крепость, а вся армия ограни-



чивалась личной охраной Верховного, его вельмож и двумя сотнями внутренней стражи Чертога, Алой и Изумрудной. Имелись, правда, еще Лесные Стрелки, вооруженные лишь мощными охотничьими луками и длинными кинжалами. Лесной Стрелок умел за пятьдесят шагов попасть стрелой в мелкую монету, и под опытным командованием сотня таких стрелков была бы грозной силой, но, строго говоря, воинами эти превосходные лучники не являлись. Среди них были сокольничие, следопыты, псары и конюшие, скороходы и проводники по горам и лесу, в обычное время сопровождавшие короля на нечастых охотах.

Мятеж вылился в дюжину коротких, ожесточенных стычек, возникавших там, где личная гвардия Бастиана Ладрейна была атакована воинами Венаада.

Самое жаркое сражение разыгралось в окрестностях казарм Изумрудной Сотни, окруженных Лесными Стрелками по приказу Бастиана. Копейщики Идалира, получив условный сигнал, сперва попытались скрытно, ножами и удавками, снять выставленные караулы. Но легче поймать на лету стрижа, чем скрытно подобраться к опытному охотнику — ночной воздух прорезали длинные стрелы с пестрым оперением, и почти каждый выстрел уносил чью-то жизнь. Копейщики, неся потери, укрылись в казармах, а в спину стрелкам вышла личная полусотня одного из вельмож, лорда Эвандейра, участвующего в мятеже на стороне Медвари. Лук — довольно



слабое оружие, если противник находится на расстоянии вытянутой руки с мечом; эту истину познали на собственной шкуре Лесные Стрелки, когда их число мгновенно сократилось едва ли не вполосину. Прочие обратились в бегство. Высыпавшие вновь из своих укрытий воины Изумрудной Сотни тут же сцепились с «пурпурными» гладиаторами Ирваста, полусотня коих была придана Стрелкам для усиления, но подоспела слишком поздно, чтобы спасти их от разгрома.

Сталь звенела в ночи, в садах, окружающих темную громаду Древесного Чертога, и кое-где в городских кварталах Альвара, но в сумрачной глубине королевского дворца все еще царила относительная безмятежность — отголоски происходящего снаружи долетали сюда далеко не сразу. У самых Корней, на круглой площадке перед двойной радужно-золотой дверью, маялись пятеро «алых» гвардейцев во главе с десятником. Из-за золотых дверей не доносилось ни звука — Владыка, создавая этот зал, специально позаботился о том, чтобы его не беспокоили. Одна лестница, чьи ступени сияли белизной перламутра, изгибаясь крутой спиралью, вела отсюда наверх, к жилым покоям и кладовым Древесного Чертога. Две других зияли черными провалами, и идущий оттуда запах сырой земли подчас перебивал даже царящий повсюду аромат лаванды. Огибая Место Уединения, эти лестницы уводили еще ниже, к помещениям, о которых даже бесстрашные воины старались не думать. Склонный к некоторой излишней драматичности, Бастиан спе-



циально расположил свою комнату для размышлений на самой границе жизни и смерти — ибо ниже Корней находились Темницы Владыки.

Заслышав на верхней лестнице шаги, стражники встрепонулись. Судя по слитному топоту нескольких пар ног, спускалась целая группа, и десятник недоуменно нахмурился. Одиночный визитер в почную пору мог быть сотником, проверявшим караулы, или кем-либо из дворцовых слуг, которого за какой-то надобностью призвал Владыка. В конце концов, мог заявиться Ирваст, которого при дворе недолюбливали за высокомерие и бессмысленную жестокость и который в последнее время что-то зачастил в подземелья Чертога. Но чтобы группа?.. Для смены караула рановато. Возможно, подвыпившие вельможи ошиблись коридором... Мысль о мятеже даже не пришла в голову гвардейцу, и тем не менее смутная тревога заставила его поудобнее передвинуть сабельные ремни, крест-накрест пересекавшие грудь.

Гости показались из-за изгиба лестничной спирали, и десятник вздохнул с облегчением. Пришел действительно Ирваст, и не один — за его спиной маячили трое мечников в пурпурных кожаных доспехах. Повелитель Иаули выглядел встревоженным, вместо свободной праздничной скабы, какую обычно носили гостившие в Чертоге вельможи, на нем почему-то был костюм для верховой езды из тонко выделанной черной кожи и высокие сапоги. На приветствие десятника альб едва кивнул, тут же заявив:



— Я должен поговорить с Владыкой. Немедленно.

— А Владыка согласен говорить с вами, господин? — как ни старался гвардеец оставаться бесстрастным, ехидный тон прорвался таки наружу. — Он очень занят сейчас. У него гостья.

— Проклятье! — прошипел Ирваст, хлестнув по ладони тонким стеклом из полированного черного дерева, который постоянно носил с собой. — Так вот почему я не могу пробиться к нему Безмолвной Речью! Послушай меня, воин: я не могу сказать наверняка, но у меня есть основания полагать, что нынешней ночью...

— Сожалею, господин, — непреклонно прервал разгорячившегося вельможу гвардеец, — но Владыка строжайше повелел не беспокоить его ни при каких обстоятельствах. Впрочем, если вам угодно рискнуть своей жизнью, попробуйте... Я бы на вашем месте обождал. Девуцу привели уже довольно давно, полагаю, она займет Владыку ненадолго.

Взбешенный Ирваст смерил десятника яростным взглядом, однако в словах стража был свой резон. Невовремя попавшись на глаза Бастиану, вполне можно было попасть в долгую немилость или под домашний арест. Бывало и похуже — принесший дурную весть или досужий сплетник, случалось, обнаруживал в постели скорпиона, падал с коня на охоте или исчезал при загадочных обстоятельствах...

— Я подожду, — буркнул вельможа.

Не прошло и четверти колокола, на протяже-



нии которых Ирваст нетерпеливо мерил шагами поперечник просторной площадки перед золоченой дверью, как сверху снова долетел неясный шум. Из-за поворота лестницы показались воины в алых доспехах, спускавшиеся по двое, а за их спинами — смуглокожая красotka, заправлявшая охраной у Ирваста, и смутно знакомый альб, коего прежде пару раз видели в ее обществе. Десятник в изумлении приподнял бровь, а вельможа, едва глянув, чуть не выронил жезл — воительница, хоть и при кольчуге, была безоружна и бледна, ее запястья, равно как и руки ее спутника, схвачены узкими кандалными браслетами, а следом шагали еще двое «алых» с клинками наголо. Конвой уже ступил на круглую площадку и решительно направлялся к дверям, когда опешившие стражники наконец вспомнили о своих обязанностях — любых визитеров полагалось останавливать еще на лестнице — и десятник, шагнув вперед, решительно заступил пришельцам дорогу.

— Кто вы такие и с чем явились?

— Здесь Тинбар, и ты, думаю, узнаешь меня, Ильмахар, — отозвался один из пришедших, вероятно старший, остановившись не далее чем в двух шагах. Он снял шлем с узкой стрелкой переносья, чтобы десятник мог рассмотреть его лицо. — Эти двое — опасные злоумышленники, подозреваются в заговоре против короны. Они арестованы по личному повелению Владыки, и у меня приказ доставить их немедленно.

— Воистину, ничто не скроется от взора По-



велителя, — протянул Ирваст, подозрительно разглядывая Каури, ее спутника и в особенности — кандалы на запястьях обоих. — Но как...

— Тебя-то я узнаю, Тинбар, — перебил его десятник. — Да только Владыка сильно занят, и я ни за что не поверю, что он послал за тобой прямо сейчас.

— У меня приказ, — равнодушно пожал плечами Тинбар.

— Тогда предъяви его!

— Ты в своем уме, Ильмахар? Разве ты не знаешь, как Владыка отдает приказы? — воин в алом двумя пальцами коснулся лба, намекая на Безмолвную Речь. — Может, попробуешь сам спросить у него подтверждения?

Ильмахар заколебался. С одной стороны, сотник предупреждал их о готовящихся в Альваре арестах каких-то заговорщиков. Владыка Бастиан известен своей непредсказуемостью, кто знает, может, Тинбар и впрямь получил прямой приказ...

Он думал слишком долго.

— Это измена! — крикнул Ирваст, скидывая жезл. И тоже опоздал.

Стальная цепь, соединявшая запястья альбийки, вдруг распалась со звоном, а в руке у нее будто по волшебству появилась легкая сабля.

Ее спутник, также загадочным образом избавившись от всех оков, ужом скользнул в сторону, конвоиры мгновенно обнажили клинки, но почему-то направили их на совсем иного противника.



* * *

Острая сталь рассекла десятнику «алых» горло, он умер быстро. Из прочих стражников почти никто не успел выхватить оружие, а Ирваст — пустить в ход смертоносную боевую магию: трескучая красная молния, пущенная Дайеном, вышибла жезл из рук вельможи, притом спалив ему правую ладонь. Взыв от боли, Ирваст метнулся к темному проходу и сгинул во мраке, последний из телохранителей прикрыл его бегство, чтобы спустя мгновение пасть от руки воительницы Каури. Альбийка взмахнула рукой, послав вдогонку бежавшему серебристую искру метательного ножа. Темнота отозвалась криком боли, но потом послышались удаляющиеся шаги, неверные и торопливые.

— Твой замысел удался, Каури! — тихо возликовал Тинбар. — Я и не надеялся, что все пройдет так легко!

— Тебе спасибо за доспехи Алой Сотни, маскаррад пришелся кстати. Да, но один, самый опасный, сбежал и может поднять тревогу. Кто знает, что там, внизу, — буркнула воительница, протирая вымазанный в крови клинок обрывком полотна. — К тому же он унес мой любимый кинжал.

— Вряд ли он уйдет далеко, — хмыкнул Дайен. — Я пойду за ним. Вы пока оттащите тела вниз и затрите, насколько возможно, пятна крови. Дождитесь меня, я не задержусь надолго.

— Осторожнее, Дайен, — предостерегла Чер-



ный Шип. — Ирваст — сильный маг, а про подземелья Чертога ходит множество скверных слухов.

Дайен шагнул в темный провал, осторожно нащупывая ногой низкие ступеньки, и уже на пятом или шестом шаге сырая тьма поглотила его пеликом.

Лестница оказалась неожиданно крутой и длинной, почти отвесно уходящей глубоко под землю, стены справа и слева выложены диким камнем. В лицо пахло подвальным холодом. Чтобы двигаться дальше без риска сломать себе шею, Дайен мог запустить перед собой магический светящийся шар или же заклинанием обрести способность видеть в темноте. Маг выбрал второе, и мир вокруг немедленно обрел четкие очертания, окрасившись, правда, в мутный красный цвет, будто Дайен смотрел через толстое витражное стекло. Под ногой металл звякнул о камень. Альб подобрал кинжал Каури с узким листовидным клинком, на треть выпачканным кровью, сунул сзади за пояс скабы и продолжал спускаться, время от времени касаясь ладонью покрытых влагой стен.

Воительница не преувеличивала — о подземельях под Древесным Чертогом и впрямь рассказывали немало, в основном шепотом и пугливо оглядываясь через плечо. Поговаривали, что в жутких подземных камерах, больше похожих на склепы, живут узники, заточенные еще при Эрианне Хитроумном, полностью утратившие разум и речь. Болтали о комнатах с древними пы-



точными приспособлениями, от одного вида которых кровь стынет в жилах. Где-то здесь, как утверждали некоторые, содержатся, точно в зверинце, последние из тех хищных тварей, что бродили под солнцем еще во времена Первого Противоречия. И совсем уж запретными считались рассказы о легендарных палачах Владыки. Среди альбов, большинство из которых саму идею пыток и тюрем находили противоестественной и жуткой, палачей не водилось отродясь. Поэтому в подобных рассказах «палачи» обычно представляли кошмарными монстрами, мало похожими на творения Создателя — для них, если верить слухам, всего губительнее был дневной свет, наибольшее же удовольствие эти твари находили в пытках и воплях умирающих жертв.

Дайен всегда считал, что верить подобным страшилкам для детей ниже его достоинства. Тем более, что рассказчики противоречили сами себе: если никто из узревших «палачей Владыки» не остается в живых, а сами монстры не показываются на свет, откуда в таких подробностях известен их облик? Дайен знал наверняка, что как-токомбы возникли много позже самого Древесного Чертога, следовательно, узники покойного Эрианна Ладрейна никак не могли томиться в сырых подземных склепах. И все же, чем глубже вводила лестница — на восьмой дюжине ступенек он сбился со счета — тем сильнее нарастал внутри него неосознанный животный страх, странное чувство, неизведанное доселе для бессмертного альба. Ведь для чего-то же существует это



проклятое место. Что, если хоть малая часть жутких слухов окажется правдивой? Что за звонкая капля слышна впереди — там что, большое открытое пространство? Кто-то вскрикнул — или только показалось? И куда, во имя Предвечного, подевался Ирваст?

Сотая или, возможно, двухсотая ступенька вдруг сменилась ровным полом, а лестничная спираль — широким коридором, в конце которого забрезжил неяркий свет, мертвенное бело-голубое мерцание. Так могло бы светить скопище гнилушек летней ночью в лесу, однако непроглядная тьма все же сменилась серыми сумерками. «Ночное зрение» теперь было ни к чему. Дайен с облегченным вздохом снял заклятие.

Впереди открылся огромный зал — сотня шагов в длину, в ширину он был немногим меньше.

Рассеянный голубоватый свет, холодный и неживой, как лед, покрывающий вершины самых высоких гор, лился с потолка, парящего на высоте не менее семидесяти локтей. Два ряда тонких колонн соединяли потолок с полом из грубых каменных плит, но явно служили лишь декоративным целям. Если бы вся эта чудовищная масса вздумала вдруг просесть, подумал Дайен, даже впятеро большие опоры хрупнули бы, как полые тростинки. Совершенно не к месту вспомнилось, что над головой не только земля и камень, но и весь огромный Древесный Чертог, и от этой мысли альба пробрал озноб.

В странном неживом свете зал казался затя-



нутым инеем, колонны выглядели как сталакти-ты. Возможно, так оно и было на самом деле. Вдоль боковых стен тянулись грубо вырублен-ные в скале квадратные пещеры, забранные стальными прутьями толщиной в руку. В неко-торых что-то двигалось, но Дайен не горел жела-нием узнать, что именно. Внимание мага при-влекло иное. Дорожка из темного камня, казав-шаяся единственно реальной в этом призрачном царстве, заканчивала свой бег, прямой, как по-лет стрелы, круглым каменным возвышением. На возвышении стояло массивное кресло или, скорее, трон с высокой спинкой. А прямо перед ним из ледяной стены выпирал гладкий, бес-смысленно блестящий бок хрустального магиче-ского шара, самого обычного, каким пользуются маги и провидцы с незапамятных времен.

Только гигантского — от пола до потолка. Сознание отказывалось воспринимать рукотвор-ную вещь такой величины, и голова кружилась от одной попытки представить чудовищную мас-су, впаянную в камень. Внезапно шар ожил. Внутри него взметнулся хоровод неясных теней, а еще одна смутная тень метнулась откуда-то сбоку.

Ошеломленный Дайен не успел закрыться. Ирваст, возникнув как из-под земли, нанес ему страшный удар под ребра обрезком толстого же-лезного прута. Альб согнулся, крик застрял у него в горле. Повелитель Йаули размахнулся своим оружием, как дубиной и со всего маху об-рушил тяжелое железо вниз, рассчитывая раз-



дробить противнику череп, однако за мгновение до неминуемой гибели Дайен резко повалился на спину. Железный прут высек искры из камен-ного пола и вырвался из рук Ирваста, ободрав ему и без того обожженную ладонь.

Дайен снизу, в перекате, метнул заклинание — первое, что подвернулось, летучую ледяную стрелу. Ирваст, шипя от боли и злости, распы-лил ее на полпути. Однако к этому моменту Дайен уже поднялся на ноги.

Теперь двух магов разделяла каменная до-рожка, посередине которой валялся бесполезный теперь железный штырь. Ирваст неловко скосо-бочился на правый бок, раненный кинжалом Каури под лопатку, с правой ладони у него сры-вались редкие капли крови; Дайен же при каж-дом движении ощущал, как трутся друг об дру-га обломки сломанных ударом ребер. Оба болез-ненно морщились, но были готовы начать по-единок не на жизнь, а на смерть.

Огненную стрелу Ирваст отразил с той же легкостью, что и ледяную, и ударил в свою оче-редь заклятием паралича — на мгновение тело Дайена словно бы покрылось каменной корой, но только на мгновение. Дайен едва заметно улыбнулся — на всякий случай он загодя обмо-тал правое запястье тонкой золотой паутинкой, нейтрализующей вредоносную магию, так что теперь заклинание, способное превратить свою жертву в неподвижную куклу, лишь немного за-медлило его движения. Ирваст изрыгнул изум-ленное ругательство. Не давая противнику опом-



ниться, Дайен атаковал трижды подряд, наслав «Пылающие Оковы» и материализовав из воздуха потоки жгучих ядовитых брызг.

«Оковы» достигли цели — несколько мгновений Ирваст вопил от боли, корчась в опутавших его змейках синего огня, но змейки очень быстро погасли, а более простые заклинания Повелитель Йаули отбивал шутя. Наступила краткая передышка, в течение которой противники копили силы, выжидая, пока один из них допустит роковую промашку. Дайен заметил полупрозрачную защитную сферу, постепенно облегающую скособоченную фигуру Ирваста — он, как более могущественный маг, в состоянии был позволить себе такую защиту. Дайена поддержание сферы измотало бы очень быстро, и вообще он начал понимать, что напрасно понадеялся на свое умение. Еще несколько магических атак, возможно, две-три успешных защиты, и Ирваст возьмет его голыми руками.

Однако тот отчего-то не торопился нападать. На его лице появилась скверная усмешка.

— Время играет против тебя, жалкий колдунишка, — сказал он. Дайен вздрогнул: из-за какой-то особенности гигантского подземелья слова, произнесенные обычным голосом, усиливались многократно и отражались гулким эхом. — Дурак-стражник был прав в одном: женщины ненадолго занимают Владыку. Можете перебить хоть всю дворцовую гвардию, но, как только в игру вступит Жезл Света, вам настанет конец. Ты не помнишь, как это было в Венаадде. А я



помню, как Эрианн Хитроумный потешался над гордыми воителями, заставляя их бросаться со стен, или биться друг с другом, или целовать ему сапоги. О, насчет Каури у меня к Бастиану будет особая просьба!

— Разве мертвец может о чем-то просить? — пожал плечами Дайен, надеясь, что его ложь не слишком очевидна. — Если мы и потерпим неудачу, ты, цепной пес Эрианна, этому уже не порадуешься. Я не выпущу тебя отсюда живым.

Ирваст, закинув голову, разразился зловещим хохотом.

— Неужели ты полагаешь, что от тебя что-то зависит, хвостун? — ликующе воскликнул он, резко оборвав смех. — Я учился у самого Исенны в те времена, когда твои предки только пытались запалить свечку без огнива! До сих пор я просто развлекался с тобой, хотя мог бы сжечь живьем или обратить в ледяное изваяние, а потом наблюдать, как ты растекаешься грязной лужей! Но я поступаю иначе. Видишь эти пещеры? Знаешь, что в них?

Обмениваясь ударами и кружа по огромному залу, оба довольно далеко отошли от дорожки, рассекающей пещеру пополам, словно удар меча. Ирваст махнул рукой, указывая на ближайшую квадратную дыру в скале в двадцати шагах за своей спиной. Дайен понимал, что, возможно, Ирваст пытается отвлечь его внимание, чтобы затем вероломно напасть, но все же невольно бросил взгляд в темный провал. А раз взглянув, уже не мог отвести глаз.



Неясная тень, двигавшаяся за толстыми, покрытыми бурой ржавчиной прутьями, обрела очертания. То, что вышло к самой решетке, уставившись на непрошенных гостей красными углами близко посаженных глаз, словно явилось прямоком из кошмара безумца: короткие косолапые ноги, свисающие до колен руки в буграх мощных мускулов, могучий торс, покрытый свалывшейся в неопрятные колтуны грязно-серой шерстью.

Ростом существо превосходило Дайена вдвое, но казалось почти квадратным из-за чудовищно широких плеч, над которыми выпирал мясистый горб. Косматая башка, размером и формой схожая с гранитным валуном, загнутые, похожие на кривые кинжалы когти на пятипалых лапах и клыкастая пасть довершали картину. Дайену показалось, что даже на расстоянии в тридцать шагов он чувствует невыносимую вонь, исходящую от монстра, и видит свисающую меж желтых клыков блестящую ниточку слюны.

Чудовище, видимо, тоже почуяло чужаков и внезапно начало колотиться всем телом о стальные прутья, издавая низкий утробный вой, в котором смешались голод и бессильная злоба. Спустя мгновение такой же вой донесся из другой клетки... из третьей... Жуткий многоголосый рев, лязг и скрежет стали наполнили гигантскую пещеру.

— Прелесть, не правда ли? — издевательски выкрикнул Ирваст. Он поднял правую руку, и на кончиках его пальцев заиграли голубые ис-



корки, собираясь в трескучий шар. — Таких нет больше нигде, кроме этого подземелья. Даже само название этих тварей забылось, настолько они редкие и древние... и, между прочим, бессмертные, как и мы. Были еще другие, но Владыка совсем не заботился о них, и они передохли с голоду. А этих я стал подкармливать, и с тех пор они даже размножились — где-то там пещеры соединяются между собой... У них как раз время обеда! Ну, выбирай, которому тебя скормить? Может, этому, с седой шерстью? Или вон тому, помоложе — он сожрет тебя побыстрее? Твое последнее слово перед смертью, слабак!

— Значит, слухи о подземельях были правдивы! — крикнул Дайен, внутренне сжавшись в ожидании последнего удара. Твари, которым не было названия, бесновались в клетках. — Только один вопрос, проклятый ты убийца! Палачи Владыки — кто они? Кому отдали послов Венаада?

Злорадная улыбка мигом сошла с породистого лица вельможи, и на Дайена глянул бесстрастный лик мраморной статуи. От затянутой в черную кожу фигуры вдруг повеяло такой жутью, что Дайен покачнулся, и даже древние твари затихли на миг.

— Палач Владыки — я, — ровным голосом сказал Повелитель Йаули.

И метнул заклинание.

Широкая серебристая лента, могучий поток чистой, незамутненной магической Силы, сорвалась с его пальцев в грудь Дайену. Ирваст вло-



жил в этот удар немалую магическую мощь, желая в очередной раз насладиться ощущением собственной власти и бессилием противника.

...Всю оставшуюся Силу, все свое умение Дайен потратил на заклятие «Незримого Зеркала» — несложное, одноразовое, сущую игрушку по сравнению с магическим щитом Ирваста, но весьма коварное: чем мощнее атака врага, тем вернее он поджарит самого себя. Сияющий луч пролетел разделяющее двух магов расстояние — и отразился обратно.

Защитная сфера Ирваста лопнула, как мыльный пузырь. Скособоченную фигуру в черном сломало пополам, будто ударом огромного крепостного тарана, протащило по камню. Спиной вперед его внесло между прутьями клетки, прямо в лапы одной из тварей — раздался короткий, торжествующий рык, и зловонные желтые клыки с отвратительным хрустом вспороли живую плоть.

Дайен, не сдержавшись, со стоном упал на колени. В глазах у него все плыло, рев пещерных монстров отзывался мучительным эхом под черепом. Сломанные ребра при каждом движении обжигали приступом острой боли, а магическая дуэль со злосчастным Повелителем Иаули выпила колдовскую Силу до капли. Более всего хотелось упасть на подернутые инеем каменные плиты и забыться надолго, может быть — навсегда.

Однако было еще кое-что... Оно отвлекало, беспокоило, звало на помощь.



Наверху, в маленькой уютной круглой зале, Айла дия Монброн разорвала тонкую золотую паутинку. Такая же золотая нить, обвивающая правую руку альбийского мага, начала ритмично пульсировать, болезненно сжимая запястье. А в ледяном подземелье Чертога, в гигантском хрустальном шаре перед пустым креслом, похожим на трон, бешено сменяющие друг друга образы прекратили свое мелькание. Остался один, и Дайен, неуклюже пытаясь встать, смотрел, как человек со страшно изуродованным лицом бредет, спотыкаясь, по сумрачному коридору, а за ним по пятам следует клубящаяся живая тьма. Громадный из-за размеров магического шара, он повернул и пошел прямо на Дайена. Вот он поднял голову с копной спутанных черных волос, взгляд его встретился со взглядом альба, и в единственном уцелевшем глазу человека мелькнуло безмерное удивление. Затем кошмарное лицо заполнило весь кристалл.

И тогда блестящая поверхность кристалла дрогнула, помутнела, по ней побежала густая сеть мелких трещин. Со звоном, какой, должно быть, производили бы бесчисленные тысячи бокалов тончайшего хрусталя, разбиваясь вдребезги, магическое Око Владыки распалось на миллионы осколков. Возникший словно из ниоткуда прямо посередине зала одноглазый маг — уже вполне привычных, человеческих размеров — диковато огляделся, подхватил едва стоящего на ногах альба и бесцеремонно поволок к выходу, а за их спинами из пустой глазницы магического



кристалла ползло медлительное бурлящее облако тьмы.

Вопли пещерных тварей сделались испуганными. Когда темный жадный туман хлынул сквозь прутья клеток, они прекратились.

*16 день месяца Таур
7853 года от Падения Цитадели
(30 день Первой летней луны
1313 года по основанию Аквилонии).*

Проснувшись, Айлэ обнаружила себя в незнакомом месте — комнате с выходом на открытую террасу, испещренную пробивающимися сквозь густую листву солнечными лучами. Вдалеке виднелась сизовато-зеленая цепь плавно поднимающихся и опускающихся холмов, на вершине одного из них белела высокая башенка. Дерево качалось под ветром, золотые пятна беспечно металась туда-сюда, и в такт с их движениями откуда-то наплывали волны печальной и размеренной мелодии. Какое-то время девушка бездумно следила за игрой солнечных зайчиков, потом приподнялась и огляделась — она лежала на широком и низком диване, а рядом сидела и озабоченно смотрела на нее смутно знакомая белокурая женщина. Напрягаясь память подсказала странно звучащее слово — «Рагиби». Прочие мысли, включая собственное имя и обстоятельства, при которых она сюда попала, тонули в призрачном зеленоватом сумраке. Это казалось



неправильным: человек должен знать, что с ним случилось.

— Все хорошо, — сиделка заговорила прежде, чем девушка сумела обдумать свой первый вопрос. — Ты жива и вполне здорова. Помнишь, кто ты такая и где находишься?

— А... — попыталась заговорить Айлэ, но вместо собственного довольно приятного голоса услышала хрипкое карканье. Ей немедля сунули плоскую серебряную чашу, наполненную молочно-голубой жидкостью, и велели пить залпом. Неведомое спадобье помогло: утраченная было речь и самовольно отлучившаяся прогуляться память вернулись. — Мое имя — Айлэ дия Монброн. Ты — госпожа Рагиби. Я тебя уже видела. Это Древесный Чертог в городе Альваре...

Она съежилась, раздавленная хлынувшей в опустошенную голову массой недавних воспоминаний, испугов, тревог и страхов, а еще отголосками изматывающего ожидания в полутемной комнате, когда шагах в трех от нее лежало тело убитого ею же создания, прожившего так долго, что Айлэ затруднялась представить себе подобный срок. Руки мелко затряслись — Рагиби едва успела подхватить выпавшую чашу, одновременно успокаивая подопечную и заверяя ее, что все опасности уже позади. Девушка не верила, жмурясь в попытках удержать готовые вот-вот хлынуть слезы, и отчаянно мотая головой в жесте отрицания, пока рядом с ее ложем не простучали еще чьи-то шаги. Цепкая рука сгребла ее за плечо, чувствительно встряхнув пару раз, и низ-



кий голос велел немедленно прекратить это безобразие.

От неожиданности, баронетта Монброн не очень-то воспитанно открыла рот, издав несвязный вопросительный звук, вылившийся в обрадованный вопль:

— Хастии!

— Кто-то однажды сказал мне, что я похож на фальшивую монету или дурную новость — постоянно возвращаюсь, — магик присел на край дивана, и Айлэ немедленно перебралась ближе, не в силах поверить в благополучное появление сгинувшего неведомо куда «телохранителя». Уже, впрочем, не «варвара из дикой Киммерии» — Хастии обратился к госпоже Рагиби на ее родном наречии, та согласно кивнула и вышла. — А ты, как я смотрю, зря времени даром не теряла. Кто бы мог подумать, что одна-единственная маленькая девчонка способна перевернуть с ног на голову целое альбийское королевство!

— От меня на самом деле почти ничего не зависело, — восстановила справедливость баронетта Монброн. — У местных заговорщиков уже давно все было готово, им требовался только подходящий случай. Забавное все-таки совпадение, что нужным человеком оказалась я. Или так выглядят причуды судьбы?.. Слушай, эта постоянная грустная музыка — она мне мерещится или звучит на самом деле?

— Звучит, — одноглазый чуть склонил голову набок, прислушиваясь. — Это плач по ушедше-



му Верховному правителю Заповедного Края. Каким бы он ни был и сколь скверным характером ни обладал, но обитатели Альвара намерены проводить его в последний путь согласно всем требуемым традициям, дабы спустя положенное время опустевший трон Чертога занял другой владыка.

— Другой... или другая? — внезапно сообразила Айлэ, не удержавшись от тихого хихиканья.

— Все может быть, особенно в нынешние переменчивые времена, — согласился маг. — Кстати, что касается королей, королев и прочих сильных мира сего... Ну-ка вставай, проверим, можешь ли ты самостоятельно держаться на ногах. Медвари изъявляла настойчивое желание тебя видеть, как только ты изволишь оставить страну своих грез и очнуться. Полагаю, тебя станут дружно благодарить, осыпать щедрыми дарами и предлагать остаться в Альваре на веки вечные, — Хастии намеревался произнести последнюю фразу с иронией, а прозвучала она почему-то тоскливо — словно ему самому не хотелось покидать Потаенный Град.

— Но мне от них ничего не нужно, — дернула плечом баронетта Монброн, завернувшись в сдернутое с дивана шелковое покрывало и поднимаясь на ноги. Слегка закружилась голова, но в остальном тело слушалось великолепно. — Разве попросить помощи в возвращении домой. Между прочим, ты по-прежнему горюшь желанием уволочь у альбов их замшелую реликвию — Благой Алмаз или как его там? Не думаю, что



Медвари согласится подарить мне или тебе сию прекрасную игрушку: если она намерена стать здешней правительницей, как же она обойдется без символа власти? Вдобавок покойный Бастиан обмолвился, что якобы приказывать этой штуковине может только очень могущественный колдун или тот, кому Камень принадлежит по праву... Ой... — Айлэ прижала ладонь к губам, догадавшись связать две нити в один узелок. — Но, если так, то тогда...

— Не надо столь глубоко и старательно над этим задумываться, — на удивление мягко посоветовал Хасти. — И не стоит рьяно ворошить давно закопанные могилы — кто знает, какие погибельные секреты в них таятся? Пусть все остается таким, как есть.

Вернулась госпожа Рагиби, за которой следовали две девицы-прислужницы, неся перекинутое через руку зеленое платье вполне пристойного вида. Баронетту подвергли тщательному осмотру, признав вновь обретшей душевное и телесное здоровье, и помогли одеться. Девушка вполне уверенно держалась на ногах — при условии, что поблизости отыщется некто, за кого она могла бы хвататься при внезапно накатывавшем головокружении.

Короткое путешествие по коридорам удивило ее некоторыми новшествами — казалось, в Чертоге стало немного светлее и просторнее. Указывавшая путь Рагиби привела магика и девушку-Недолговечную в маленький круглый зал, находившийся в одном из самых высоких ярусов и



на удивление просто обставленный — несколько кресел да низкий стол посередине. В распахнутые настежь высокие окна вливался дурманяще-сладкий запах цветущих лип, а на столе красовалась длинная узкая шкатулка вроде тех, в которых хранят ножи для разрезания книжных страниц. Только на сей раз вместо костяного лезвия в деревянной коробке уютно покоился загадочный и древний Жезл Альвара. Алмаз таинственно поблескивал огромной каплей росы, и на сей раз не внушил Айлэ ни чувства страха, ни боязни, ни трепета — только восхищение перед столь искусно выполненной и древней вещью.

Из шести окружавших круглый столик сидений два были заняты госпожой Медвари и альбом в одеждах голубого и палевого цветов — Дайеном.

Девицу Монброн поразило, какие изменения произошли с ними всего за один или два коротких дня. Госпожа Предела Йаули, чьи заплетенные в причудливый узор огненные локоны горели так ярко, что казались способными поджечь все вокруг, и раньше выглядела как наиболее прекрасная из когда-либо виденных Айлэ женщин, но теперь в ней появилось нечто, весьма точно описываемое словом «совершенство». Что бы она ни сделала, о чем бы ни заговорила, как бы ни одевалась — все представляло во мнении окружающих верным, правильным и единственно возможным.

Что же до Дайена, то альбийский маг казался уставшим, перенесшим какие-то тяжкие испыта-



ния и в то же время успокоившимся — словно человек, ненароком заглянувший в мрачную бездну, где обитают самые жуткие его страхи, и нашедший в себе силы победить их. Мысленно Айлэ выругала себя за то, что не расспросила Хасти: что, собственно, творилось в Древесном Чертоге, пока она пряталась в опустевшем Месте Уединения?

Как одноглазый вообще сумел вернуться на свободу — выбрался сам, оправдав опасения Бастiana, или ему помогли?

Воительница Каури Черный Шип осталась прежней, если не считать тщательно скрываемой и все же время от времени вырывававшейся из-под власти хозяйки быстрой улыбки. Черный Шип и в самом деле чем-то походила на дикую кошку — отлично поохотившуюся прошедшей ночью, а потому спокойную, не слишком опасную и даже готовую проявить дружелюбие. Во всяком случае, она была здесь же, и, стоя у узкого окна, перешептывалась о чем-то с Идаалром, притом оба иногда смешливо фыркали, напоминая довольных сытых хищников.

Завидев Айлэ в сопровождении рабирийца, Дайен, покачнувшись, поднялся на ноги, а Каури перестала шептаться со своим приятелем и мгновенно посерьезнела. Медвари осталась сидеть, но протянула руки навстречу вошедшим — будто хотела обнять.

— Рада видеть вас обоих живыми и в добром здравии, — прожурчал ее мелодичный голос. — Особенно тебя, моя милая Айлэ. Испытание, вы-



павшее на твою долю, было тяжелым, но ты вышла из него с честью, да к тому же обеспечила нашу победу.

— Это вышло случайно... — запротестовала Айлэ. Альбийка пресекла ее возражения мягким жестом.

— Ничто не происходит случайно, ибо судьбы всех живущих под солнцем подобны серебряным нитям в деснице Предвечного, и он не упускает ни одной. Пусть Дайен сядет, он еще не пришел в себя после пережитого нынешней ночью. Садитесь и вы, и начнем наш разговор.

Когда все разместились вкрут стола, в центре коего притягивал взоры Благой Алмаз, Медвари, прежде чем продолжить, прикрыла глаза и коснулась лба переплетенными пальцами. С небольшим опозданием этот жест повторили за ней все остальные. Затем Медвари решительно тряхнула огненными кудрями и заговорила торжественно и медленно:

— Итак, наш обет исполнен. Справедливое отмщение постигло тирана и его придворного палача, а со смертью обоих и магия их рассеялась навсегда. Каждый из нас имеет свою долю в этой победе, и каждый вправе рассчитывать на награду. Когда-то давно я поклялась, что исполню любое желание того, чья рука свершит возмездие. Теперь, когда волею большинства и по праву крови власть в Потаенном Граде перешла ко мне, пришла пора выполнять обещание. Помыслы и мечтания моих соратников ведомы мне — но чего хочет Тот, чье Имя не произносится



более, и его отважная спутница? Просите, и воздастся вам!

— Полно, Медвари, — укоризненно протянул одноглазый маг, когда альбийка закончила свою торжественную речь. — Совсем запугаешь ребенка. Мое имя очень даже произносится — Хасты из Рабинов, а про все прочее вспоминать не обязательно. Да и заслуги мои, говоря по правде, меньше воробьиного хвоста. Весь ваш переворот я просланился в лабиринте у Бастиана.

— Пусть будет Хасты, если тебе угодно, — покладисто согласилась госпожа Медвари. Однако сидевшая рядом с альбийкой Айлэ заметила, как та украдкой скрестила пальцы в уже знакомом охранительном жесте. — Но скромничаешь ты напрасно. Именно ты вытащил израненного Дайена из подземелий, когда рухнула магия Бастиана...

— Ну, услуга за услугу, парень ведь сражался за меня и едва не погиб, — проворчал рабириец. — Впрочем, если тебе так уж хочется нас отблагодарить, ты знаешь, чего я попрошу.

— ...хотя сражался он вовсе не за тебя. Именно ты и никто иной смог воспользоваться Камнем Света, чтобы навсегда запечатать катакомбы под Древесным Чертогом, когда Подгорная Тьма грозила вырваться наружу, — продолжала Медвари, не обращая внимания на возражения Хасты. Но изумленный взгляд Айлэ альбийка заметила и пояснила:

— Возможно, потом твой удивительный друг расскажет тебе подробнее, если, конечно, ему позволит скромность. Как ни прискорбно мне в



этом признаваться, Благой Алмаз не повинуется ни мне, ни Дайену — вообще или, может быть, пока, но тем не менее это так. Когда ты порвала сигнальную паутинку, Каури, как ни билась, не смогла проникнуть в Место Уединения, а Дайен был слабее новорожденного. Это удалось твоему спутнику, поэтому он был первым, кто нашел Жезл — и Жезл признал его власть, признал сразу и безусловно. Если бы в помыслах Хасты была хоть малая частица зла, он мог бы стать тираном более страшным, чем Эриаин и его сын вместе взятые. Но вот он, Благой Алмаз. Твой друг отдал его мне, не желая брать силой... но теперь просит обратно.

На мгновение словно набежавшее облачко омрачило прекрасное лицо альбийки.

— А что скажешь ты, Айлэ дия Монброн? — спросила вдруг она. — Нужен ли вам Жезл? Сознаешь ли ты, что в злых руках он может стать оружием несравненной мощи или обречь на проклятие целые народы? Можешь ли поручиться, что ни твой друг и никто иной не употребит мощь колдовского камня во вред, действуя в слепой ярости или по трезвому расчету, ради мести, корысти или любви? Готовы ли вы поклясться в том своей жизнью?

— Готовы, — выпалила Айлэ, чувствуя, как внутри нее что-то бесповоротно оборвалось и как на краткий миг перехватило дыхание.

Альбы застыли в неподвижности мраморных статуй. Лишь Медвари едва заметно покачивала головой в такт каким-то собственным мыслям.



— Что ж, быть по сему! — наконец сказала она, словно утверждая некий королевский указ — да, в сущности, так оно и было. — Возможно, это наилучший выход. На какое-то время Альвар неизбежно охватит смута, а я не желаю уподобляться Эрианну и его наследнику, превращая Благой Алмаз в средство для устрашения непокорных. Мы справимся и сами, без него. Однако я опасаясь, что длительное пребывание такой могущественной вещи в землях смертных приведет к смятению и неурядицам. Поэтому вы оба — ты, Айлэ дия Монброн, и ты... — она замаялась.

— Хасты, — с нажимом повторил одноглазый маг. — Из Рабиров.

— И ты, Хасты из Рабиров, — с некоторым усилием выговорила госпожа Медвари, — пообещаете мне, что Алмаз будет использован вами только и ради окончательного уничтожения Проклятия Исенны. Добившись этого, вы принесете его обратно — думаю, он охотно укажет вам дорогу в Альвар. И, поскольку подобное обещание нуждается в веском и значимом подтверждении, вы поклянетесь на Жезле. Попробуйте нарушить клятву, и Камень Света уничтожит вас, сам же рассыплется в прах. Спустя четыре седмицы — не более — Благой Алмаз должен вернуться в Потаенный Град. Таково мое условие.

Выслушав требование альбийки, баронетта впросительно покосилась на магика. Тот кивнул, соглашаясь.

— Для подобной клятвы приняты какие-то определенные слова? — Айлэ нерешительно на-



гнулась к столу. Алмаз выглядел удивительно прозрачным, а вбираемый им солнечный свет преломлялся в сотни крохотных радуг, всякий миг появлявшихся и пропадавших. «Но ведь солнечные лучи не попадают на Жезл, — сообразила вдруг баронетта, оценив расположение окон и солнца. — Это он сам? Как красиво!»

— Просто дотронься до него, и он запомнит тебя, — подсказала Медвари. Когда девушка выполнила это нехитрое действие, ей показалось, что кончик ее указательного пальца пронзил тонкая ледяная игла. На прикосновение рабирийца Алмаз ответил краткой серебристой вспышкой, став похожим на маленькую звезду, упавшую с неба. — Теперь вы можете отправляться в путь. Вам дадут провожатых до Велнина и все, необходимое в дороге. Я бы послала с вами Каури или Идалира, но, к сожалению, они нужны здесь, — госпожа Йаули с извиняющимся видом развела руками. — Впрочем, Каури наверняка захочет лично убедиться, что вы благополучно отправились в путь.

Так и случилось — Черный Шип незамедлительно объявилась в просторном нижнем дворе Чертога, деловито рассыпая вокруг себя приказания и распоряжения, и вместе с ней пришел Идалир. Командир Изумрудной Сотни понаблюдал за сборами, делая вид, что проверяет припасы и сбрую, а под конец, собравшись с духом, подошел к мрачному как туча рабирийцу.

— Что за удивительный материал! — воскликнул альб, помяв в пальцах истрепанный,



потерявший цвет плащ одноглазого мага и округляя глаза в деланном восхищении. — Каков покрой, а шитье чего стоит! Мое тряпье не идет ни в какое сравнение, но, может быть, ты согласишься поменяться — на память?

Так Хасти взамен пыльной тряпки, кое-где уже вошедшей в поговорку, сделался обладателем великолепного темно-зеленого плаща с подбоем из почти невесомого, но теплого меха серого горностая. Что же до Айлэ, то, когда кавалькада из десятка всадников потянулась к мраморной арке, воительница придержала лошадь баронетты Монброн под уздцы и молча сунула девушке в руку бархатный мешочек. Внутри, похоже, таился некий плоский металлический предмет.

— Счастливо добраться, — напутствовала отъезжающих гостей Каури. Воительница изо всех сил старалась казаться бесстрастной, но в карих глазах плясали веселые демонята. Когда мимо, ведя в поводу вороного жеребца, степенно проследовал рабириец, альбийка не удержалась:

— Эй, телохранитель!

— Чего тебе, женщина? — рывкнул маг, старательно пародируя грубый акцент уроженцев Полуночи.

— Мы с тобой так и не сплясали танец с мечами! Может, задержимся немножко? Я обещала отрезать тебе ухо, не забыл?

— Да ты никак перегрелась, стоя у очага, и вообразила себя воином?! — взревел одноглазый. — Беги скорей, у тебя молоко убежало!



После чего, спасаясь от шутивого пинка, легко взлетел в седло и дал коню шпоры.

Проехав под последней аркой, баронетта оглянулась. Древесный Чертог, и в самом деле похожий на огромное дерево, уходил шелестящей кроной в небо, и на его пороге стояла высокая женщина в серебряной кольчуге — страж, бдительно хранящий покой Заповедного Края.

— Что она тебе дала? — любопытствовал Хасти, когда ворота Сада Владыки скрылись за поворотом тракта. Айлэ, сама озадаченная неожиданным подарком, распустила завязки мешочка, вытряхнув на ладонь сверкнувший эмалью гербовый значок, обычно крепящийся к доспехам или одежде. На значке распускался темно-красный цветок, похожий на розу, обрамленный венком из ошетилившихся шипами зеленых ветвей. — Терновник? Помнится, раньше его считали символом Венаадла, — он вдруг фыркнул. — Знаешь, по старинным законам Каури, отдав свой герб, почти что присягнула тебе на верность.

— Ты лучше открой секрет — ну, доедем мы до Велнина, и дальше что? — баронетта протерла подарок рукавом и, поразмыслив, тщательно пристегнула к воротнику. — Опять будем прыгать по болоту, распугивая лягушек? Как мы узнаем, где начинается эта Прямая Тропа?

— У развалин въездной башни, где мы нашли дорожный указатель, — отмахнулся магик. — Меня больше тревожит, где она заканчивается. Медвари и Дайен этого в точности не знали, но



клялись, что посередине Закатного Океана точно не выбросит. По их словам, Тропа вела куда-то на Полуночный Восход, а если доверять показанным мне чертежам, мы окажемся где-то в Полуночной Немедии. Вот только где может обретаться наше беглое Проклятие?..



Страницы летописей — II

Свет, затерянный среди праха



*3 день Второй летней луны.
Вольфгард, столица Пограничья*

Ускуснейшей работы золотая ветвь, среди узких листьев которой каплей живого льдистого огня покоился сияющий алмаз, казалась только что отломленной у небывалого растения и совершенно неуместной на массивной дубовой столешнице, чей создатель в первую очередь ценил добротность своего изделия, вовсе не помышляя об изяществе.

Чуть подрагивающий в своей тонкой оправе Камень отбрасывал радужные блики — сине-фиолетовые, бирюзово-зеленые, оранжево-алые — пробуждая у любого смотревшего на него создания, будь то человек или дитя иного народа, чувство тихой, затаенной радости, перемешан-



ной с грустью. Слишком уж красив был этот предмет и слишком стар для нынешнего мира. По светло-желтой костяной рукояти, явно добавленной позже, чтобы Ветвь было удобнее держать в ладони, разбежались еле заметные трещинки, на краях листьев появились мелкие зазубрины, по золотой глади кое-где расплывались пока еще крохотные темные пятна.

— Теперь придется из кожи вон лезть, дабы выполнить данное обещание и поскорее вернуть эту вещьцу туда, откуда она взялась, — Хасті покосился на блистающий Жезл с некоторой неприязнью. — Нам удивительно повезло — путь, соединяющий Заповедный Край с миром смертных, завершался на месте развалин древней альбийской крепости недалеко от Чарнины. Мы до смерти перепугали землекопов, нанятых нашим общим другом Тотлантом, исследовавшим остатки форта. Они только откопали какой-то проем с уцелевшей железной дверью, как вдруг створка распаивается и появляемся мы с госпожой Айлэ. Меня приняли то ли за демона, то ли за восставший из гробницы дух и попытались треснуть лопатой. К счастью, на крики прибежал Тотлант, успокоивший простецов и объяснивший, где мы находимся. Мне даже не понадобилось вставать на след — Кара Победенных находилась так близко, что самый воздух тлел от ее присутствия. Оставалось только найти место, где она пребывает — проще, чем следовать по заранее отмеченному пути...

Рабириец резко встряхнул головой, собираясь



с мыслями. Его маска лежала на столе, по соседству с Алмазом, но легкомысленные яркие искры почему-то не отражались от вытершейся красноватой кожи — словно боялись соприкоснуться и исчезнуть. Двое слушателей и собеседников Хасті сидели напротив, из узких окон ко-со падали лучи летнего солнца, со двора доносилась переключка сменяющихся часовых.

Несмотря на строжайший запрет, в комнату уже дважды совались гонцы с новостями. Сперва принесли известие о том, что поиски в разоренной столице принесли улов, и сейчас в крепости присутствует не меньше дюжины уцелевших представителей Советов Гильдий и баронов из Земель Кланов, а также свитских Эртеля Эклинга. К сожалению, найти кого-нибудь из более высокопоставленных лиц королевства Пограничного пока не удалось: большинство их принадлежало к Карающей Длани и покинуло город во время общего исхода скогров.

Вторая новость звучала немного тревожней — на площади перед таверной «Корона и посох» начинают собираться горожане. Кто-то пришел в поисках своих близких, живых или мертвых, но большая часть желает знать, что станет с городом и со страной? Как оно всегда бывает, уже сыскалась пара-тройка крикунов, твердящих, мол, Вольфгард обречен, а спятившие оборотни непременно вернутся довершать начатое. Усилиями брата Бомбаха и его паствы подобные разговоры немедленно пресекаются, но всем-то рот не заткнешь...



На оба известия король Аквилонии дал один и тот же ответ: «Пусть обождут».

— Так мы слушаем, — Дженна Канах не утерпела, отважившись прервать затянувшееся молчание и напомнить о себе чрезмерно задумавшемуся рабирийцу. — Понимаю, мы оказались в таком положении, когда излишняя торопливость чревата гибелью, но медлить тоже никак нельзя. Ты вроде собирався поделиться с нами своими догадками и планами?

— Да, госпожа, — кивнул Хасти. — Итак, повторюсь: возлагать вину за случившееся только на принца Коннахара не имеет смысла. Он действовал так, как полагал нужным — и вдобавок его поступки частенько бывали предрешены не им. Теперь я понимаю, что наш общий знакомый и друг, герцог Пуантенский, предпринял верные шаги, стараясь, чтобы о происшествии в Рабирийских горах стало известно как можно меньшему числу лиц. Самые невероятные и живые слухи лучше, чем сплетни о причастности к случившемуся наследника Аквилонии. Хорошо бы, если его пребывание в Холмах вообще осталось неизвестным, но мы-то знаем, как быстро разносятся дурные вести... Через седмицу, то есть к одиннадцатому дню нынешней луны Сте-на вокруг Рабириков падет, и в этот день я предпочел бы быть там.

— Я тоже, — буркнул Конан, прикидывая, сколь разнообразные кары обрушит на предпримчивого отпрыска и всех, кто попадется под руку.



— Однако прежде необходимо как-то облегчить участь обитателей Пограничья, — магик побарабанил пальцами по столу. — Разрешать политические тяготы — не мое призвание, и я даже не рискну давать какие-то советы. В моих возможностях — использовать Силу вот этой побрякушки, — он указал на переливающийся Алмаз, — для усмирения разгулявшегося Проклятия Безумца. Она по-прежнему могущественна и она почти ровесница Исенне Аллериксу... я бы сказал, чуточку старше. Если все пройдет удачно, принцесса Ричильдис сможет в ближайшем же будущем покинуть леса и вернуться домой. Сожалею, что я не познакомился с вашей дочерью раньше. Похоже, она обладает поразительным талантом к управлению могуществом Природы.

— Последний раз ты удостоил Тарантию своим посещением ровно семь лет назад, — желчно напомнила королева. — Дис тогда едва-едва научилась говорить и бегать на собственных ногах.

— Когда ты собираешься колдовать? — задал более практический вопрос правитель Аквилонии. — Как мы узнаем, получилось у тебя что-то толковое, или нет? Что, это твое Проклятие перекинется в облако зловонного дыма и помчится туда, откуда взялось — в Рабиры? Озимандия твердил, якобы его невозможно уничтожить, ты заявляешь прямо противоположное...

— Проклятие никоим образом не мое, а почтенный Озимандия совершенно прав, — возразил Хасти. — Оно действительно неуничтожимо.



Правда, теперь мы располагаем возможностью перемещать его с места на место. Неточный, ненадежный, но все-таки способ борьбы. Проклятие не амулет и не заколдованное кольцо, его в Закатный Океан не выкинешь, некого там проклинать. Куда прикажешь его переместить — в Зингару? В Кхитай? В Пиктские Пущи? Всюду живут люди, ничем не заслужившие Кары Безумца.

— Ну так зашвырни его за Граскааль, в славную Халогу, — подсказала Зенобия, без особого, впрочем, воодушевления.

— Аженна, Аженна! Надеюсь, ты пошутила. Это был бы не слишком достойный поступок, — укоризненно заметил рабириец. — Мне тоже претят средства, коими добиваются своих целей Белая Рука, но ведь не настолько! Нет, попробуем иначе: нынешней ночью, как только стемнеет, я попытаюсь уменьшить тягу Проклятия к, если так можно выразиться, брэнному существованию. В чем-то оно похоже на опаснейшую живую тварь, и отчаянно хочет *быть*, подчиняя все новые и новые души. А я попробую его... заморозить, что ли, погрузить в спячку... Вы можете спросить, отчего я не сделал этого раньше. Ответу: я пытался, и у меня не получилось. Я силен, но не всемогущ, и моих сил неизменно оказывалось недостаточно.

— Теперь есть это, — он указал на сияющий Жезл, — и есть твоя дочь, Конан, чьи способности вселили в меня надежду на благополучный исход. Маленькая госпожа Ричильдис неведомым



мне способом вынудила Кару Рабиров задремать. Из рассказов очевидцев следует, что с появлением принцессы одержимые жаждой убийства оборотни уподобились обычным прирученным животным. Однако таковыми они останутся только до тех пор, пока жива Ричильдис. Рано или поздно она уйдет по пути всех смертных, а Слово останется здесь, на этой земле, среди попавшей под его власть Карающей Длани...

— И все повторится заново, — завершил недосказанную фразу варвар. — Думаю, я понял хотя бы часть из того, что ты тут наговорил. Хотя во многое не могу поверить.

— У меня есть свидетель, — магик едва заметно хмыкнул. — Баронетта Айлэ.

— Не сомневаюсь, — отмахнулся король Аквилонии. — Главное, чтобы у нее достало ума держать язык за зубами. Я еще потолкую с ней, с Конни и с Леопардом — дайте мне только до них добраться. Когда, говоришь, нужно успеть в Рабиры? Через восемь дней? Если гнать без передышки, окольными дорогами — управимся. Йен, тебя не зову — ты позарез необходима мне в Тарантии.

Зенобия озадаченно склонила голову набок, но решила пока ничего не уточнять. Замыслы, приходившее в голову ее супруга, сперва частенько представляли невыполнимыми, однако всегда приносили желаемые плоды — шла ли речь о делах королевства или мелких семейных заботах.

— Между прочим, Хасты, тебе обязательно



нужно ворожить именно посреди ночи? — осведомился Конан. — День или вечер тебя никак не устроят?

— Не устроят, — отрезал рабириец. — В конце концов, есть нерушимые правила, которые обязан соблюдать даже я. Мне потребуется время на подготовку и, возможно, помощь уважаемого Озимандии, а также Тотланта и... М-да, на его ученицу теперь рассчитывать не приходится. Ладно, обращусь к барышне Монброн — все-таки она дочка волшебника и обладает кое-какими нужными знаниями, — Хасти поднял со стола маску и принялся возиться с ремешками, прилаживая ее на законное место. — Могу я попросить разрешения удалиться? Я еще собирался провести Эртеля Эклинга — мне сказали, Проклятие скверно отразилось и на нем.

— Да, куда уж сквернее, — сочувственно подтвердила Дженна. — Госпоже эш'Шарвин пришлось даже запереть его в заколдованную клетку...

Тщательно упрятав сверкающий Жезл в деревянную резную шкатулку, магик прошествовал к дверям. У порога запнулся, вспомнив о чем-то недоговоренном, и обратился к Зенобии с неожиданным вопросом:

— Дженна, а когда именно родилась принцесса Ричильдис?

— Хм... На Охотничью луну 1303 года по счету Аквилонии, — удивленно откликнулась женщина.

— Проще говоря, рождение Дис пришлось на



первое осеннее полнолуние, когда завершается сбор урожая и начинается охотничья пора, — дополнил слова жены Конан, тяжеломерно выбираясь из-за стола. — Поэтому мы и дали ей такое имя — Йен в детстве слышала от деда или от бабки: мол, в Полночных лесах обитает богиня Ригельда, покровительница всякого зверья, вроде бритунийской Викканы. Подгадали с именем, нечего сказать... Вот что, пойду-ка я с тобой. Гляну, как там поживает Эрт.

— Гильдейцы ждут, — нахмурилась госпожа Зенобия. — И терпение обывателей тоже имеет пределы.

— Тогда почему бы тебе не пойти и не успокоить их, дорогая? — вкрадчиво предложил аквилонский монарх. — У тебя это замечательно получится, особенно если тот блажной митрианец, что сам не свой до умрунов, возьмется перелагать твои речи на язык вольфгардского простонародья.

— Не собираюсь, — отрезала Дженна Канах. — Шагу на двор не сделаю, потому как чувствую — у тебя уже созрел какой-то хитрый план. Ты прав, простецы подождут — в конце концов, они нам кое-чем весьма обязаны... Хасти, а почему тебя так интересует дата рождения Ричильдис? Хочешь составить ее гороскоп? Или это имеет какое-то отношение к тому, что стряслось в Вольфгарде?

— Еще не знаю, — честно признался маг из Рабирийских холмов.



* * *

Подвал, где в течение нескольких дней содержали изловленных скогров и который по воле случая стал местом заточения короля Пограничья, не претерпел почти никаких изменений. Само собой, отсюда убрали тела надзирателей, погибших от когтей взбесившихся оборотней, заперли на засовы пустые камеры и приставили тройку сменяющихся караульных за присмотра за особой Его величества Эртеля Эклинга.

Коронованная особа по-прежнему находилась за решеткой, по прутьям которой безостановочно скользили изумрудные и голубовато-желтые искры, напоминавшие рой жуков-светляков. В данный миг Эртель пребывал в облике зверя — крупного волка седой масти с бурыми и серебристыми подпалинами. Животное, положив длинную морду на лапы, с покорно-унылым видом вытянулось подле решетки, освещенное неверным отблеском магических огоньков и вставленного в кольцо факела на стене. Компанию ему составляли почтенный месьор Озимандия, придворный маг Трона Льва, и сидевшая на корточках светловолосая девица, похожая на уроженку Асгарда.

Рядом с девушкой стоял чугунок, до краев полный мясных обрезков — судя по всему, она пыталась уговорить зверя поесть, но пока ничего не добилась.

Заслышав шаги спускавшихся по узкой лестнице людей, волк приподнял голову, мимолетно



блеснул на вошедших холодной желтизной зрачков и отвернулся. Волшебники обменялись сдержанными кивками — хотя Озимандия и Рабириец не враждовали, особой приязни друг к другу они тоже не испытывали. Девица, звавшаяся Нейей Равартой и еще недавно всерьез подумывавшая о возможности сменить родовое прозвище на имя «госпожи Эклинг», продолжала вполголоса увещевать своего друга, заверяя его, что она давно все простила и более на него не сердится. Ответом ей служил тонкий скулеж — будто мокрым пальцем провели по натянутому бычьему пузырю.

На подошедшего сбоку короля Аквилонии девушка вроде бы не обратила внимания, однако когда тот протянул руку к решетке, негромко предостерегла:

— Не трогай. Жжется.

— Эрт, — окликнул давнего приятеля Конан, припомнив, что в звериной ипостаси дети Карающей Длани не теряли способности понимать человеческую речь. — Эртель! Ты меня слышишь? Ну оглянись же!..

Зверь не шелохнулся, только густая шерсть вдоль хребта чуть взъерошилась да дрогнули кончики ушей.

— Он не хочет говорить, — удрученным шепотом посетовала Нейя. — Или не может. И есть не хочет, — девушка снизу вверх покосилась на киммерийца. Тот выглядел не то озадаченным, не то изрядно обеспокоенным.

— Неплохо сработано, — одобрительно заме-



тил Хасти, сперва пошептавшийся о чем-то с на-
супленным Озимандией, а теперь изучавший
клетку, сооруженную меж толстых каменных ко-
лонн. — Однако я берусь разрушить ее без осо-
бленных последствий для замка... Конан, ты хо-
чешь что-то спросить?

— Он превратится обратно в человека? — ос-
ведомился варвар.

Рабириец слегка подался вперед, будто при-
слушивался к очень тихим или отдаленным зву-
кам, жестом призвал всех хранить молчание, и,
постояв так с десятков ударов сердца, разочаро-
ванно развел руками:

— Нет.

— Вообще никогда? — искренне ужаснулся
король Аквилонии. Нейя Раварта покачнулась,
судорожно прижимая ладонь к губам и едва не
потеряв шаткого равновесия. Озимандия про-
бормотал что-то сочувствующее, а поскольку
старый чародей не оспаривал заявления собрата
по ремеслу... — Эрт до конца жизни останется
волком?

— Я бы не торопился использовать столь од-
нозначные слова, как «навсегда» или «никогда»,
— обнадежил собеседников магик. — Однако до
конца этого лета — или, возможно, года — Эр-
тель Эклинг утратил возможность говорить и
ходить на двух ногах. Проклятие Исенны сдела-
ло обитающего в его сознании Зверя слишком
могущественным и злобным. Зверь почти убил
сосуществующего рядом с ним человека, чему
вольно или невольно помешала Ричильдис. За-



стряв между половинками своей души и расте-
рвавшись, Эртель предпочел укрыться в шкуре
животного. Сейчас это — волк. Терпимо относя-
щийся к людям, но все-таки оставшийся приру-
ченным лишь наполовину лесной зверь. Время,
когда он был человеком, стало для него вроде
причудливых сновидений, хотя он вроде бы со-
хранил обрывки воспоминаний о близких ему
людях. Считай, что он был серьезно болен, и те-
перь будет постепенно выздоравливать. Сколько
времени это займет — кто знает?

— Говорят же, что Карающая Длань — не лю-
ди с даром становиться животными, а звери,
иногда оборачивающиеся людьми, — проворчал
себе в бороду Озимандия. — Но госпожу Раварту
он явно признал, только не хочет этого показы-
вать.

— Так выпускать его? — Хасти потряс кистя-
ми, несколько раз быстро сжав и разжав пальцы,
и сделав такое движение, будто вращал невиди-
мое лезвие.

— Сколько времени тебе понадобится? — от-
ветил вопросом на вопрос Конан. — Колокол?
Больше?

— Гораздо меньше. Госпожа, ты не могла бы
отойти в сторонку? — с этими словами рабириец
слегка пристукнул согнутым пальцем по засову
клетки, а затем стремительно вычертил около
него в воздухе причудливый знак, призрачно си-
явший несколько мгновений, прежде чем исчез-
нуть. Волк вскочил на ноги, боком отступив в
центр клетки и сжавшись в напряженный комок



тугих мышц. Животное угрожающе скалило зубы, словно готовясь к драке.

Танцевавшие на прутьях огоньки внезапно налились ярким багрянцем, затем все разом вспыхнули, ровно догорающие угли в костре. Раздался звонкий щелчок, с каким переламывается стальной клинок, и одна сторона решетки исчезла начисто, будто растворившись в воздухе.

Едва это случилось, волк прыгнул. Прыжок был столь быстр, что никто даже охнуть не успел — только киммериец схватился за кинжал, да еще одноглазый маг легко взмахнул рукой, словно отгоняя комара. Громадный зверь, захлебнувшись свирепым рычанием, застыл в паре локтей над земляным полом, как муравей в куске янтаря, схваченный неведомой силой, не в состоянии пошевелить хотя бы лапой.

Нейя запоздало отшатнулась от оскаленной пасти, побелев как полотно. Конан тихонько выругался.

— А он опасен, — равнодушно заметил рабириец. — Кстати, Конан, он ведь целил в горло именно тебе, и никому иному. Интересно, с чего бы? Тебя это не удивляет?

— Удивляет, — буркнул варвар. — Еще как удивляет. Какого лешего, Эрт? Ты же меня понимаешь, я вижу. А, приятель? Ну, чем я тебе не угодил?..

В желтых глазах волка светились злобные огоньки.

— Понимает, похоже, — пробормотал киммериец, протягивая руку к косматой волчьей мор-



де. Однако то же самое заклятье, что удерживало волка в неподвижности, остановило руку Конана в дюйме от вздыбленной серой шерсти. — Хасти, есть способ сделать его менее... кровожадным? Он понадобится мне прямо сейчас, и, клянусь Кромом, я не хочу, чтобы старый добрый Эрт кого-нибудь прилюдно загрыз.

* * *

Покуда киммериец пропадал в подземелье вольфгардской цитадели, ее обитатели, те, что не были заняты разного рода неотложными хлопотами, могли наблюдать занятное действо, происходившее на замковом дворе. Повинуясь приказу Конана, здесь собирались все оставшиеся в городе дворяне, немногочисленные уцелевшие вельможи из свиты Эртеля, а также гильдейские и цеховые старшины.

Зрелище и впрямь было презабавное, в особенности для утонченных аквилонцев. Местная знать, мятущаяся на ступеньках широкой лестницы, ведущей в королевские покои, повадками более напоминала купеческое толковище на средней руки ярмарке. Придворные, среди коих имелся министр двора и хранитель Большой Королевской Печати, трое баронов из Земель Кланов, а также несколько лиц рангом пониже, с нарочитым пренебрежением поглядывали на группу гильдейцев, возглавляемую старшиной Торговой Палаты Вольфгарда. Те и другие спесиво отворачивались от цеховиков. При этом, если учесть



бурные события двух последних дней, большая часть вольфгардской аристократии облик имела, мягко говоря, живописный.

Например, лорд Варлен, министр двора, когда запылали торговые ряды, пребывал в самой гуще толпы у Бронзовых ворот. От огненной гибели вельможу спасла лишь глубокая канава, в которой стоячая вода смешалась с дешевым вином, льющимся из разбитых бочек. Конечно, перед тем, как представить пред королевские очи, его вымыли и на скорую руку переодели, однако богатый пурпурный камзол с золотым шитьем был Варлену явно велик, а что до запаха, то собеседники министра старались держаться от него подальше и против ветра. Старшина Цеха Медников половину прошедшей ночи провел с оружием в руках, вместе с десятком мастеровых и двумя дюжинами горожан обороняясь от скогров в укрепленном хранилище цеховой казны. Теперь, с обгоревшей рыжей бородой, расплосованным лицом и рукой на перевязи отважный ремесленник являл собой весьма колоритную фигуру, тем более что до сих пор не расстался с тяжелым тесаком, подвешенным к наборному серебряному поясу. Некоторые благородные месьоры своим обликом напоминали лихих зингарских корсаров или удачливых грабителей с большой дороги — именно такое впечатление создавали толстые золотые цепи и роскошные пояса в сочетании с грязными лицами, изодранными камзолами и осовелыми взглядами из-под покрасневших век.



— ..Его Величество повелели ждать, — уже в пятый или шестой раз, но с прежней непреклонностью повторил гвардеец в черных с серебром латах отборной аквилонской сотни. Редкая цепочка Черных Драконов с мечами наголо перекрывала доступ к массивным двойным дверям, ведущим в покои. Впрочем, похоже, постоянное беспокойство со стороны кучки вольфгардских дворян и немногочисленных вельмож изрядно надоело даже закаленному воину. Когда очередной проситель, нервно теребя на шее витую золотую цепь с гильдейским знаком, пожелал узнать, отчего аквилонский монарх томит в неведении благородных месьоров, «дракон» промолчал и только мрачно посмотрел сверху вниз на гильдейца.

Должно быть, тот уловил в его взгляде нечто крайне неприятное, ибо переменялся в лице, попятился и постарался побыстрее затеряться среди своих.

Собственно, говоря о сильном волнении среди собравшихся, Дженна Канах немного преувеличивала. Знать, ожидающая внутри замковых стен, переносила ожидание стоически. Нетерпение, смешанное с тревогой, конечно же, присутствовало, причем среди носителей золотых поясов это нетерпение подогревалось криками, время от времени доносящимися из-за стен. Там на площади перед «Короной и посохом» собралась в ожидании новостей толпа горожан численностью не менее пяти сотен, и в этой толпе бродили самые невероятные слухи. Одни говорили, что дочка



Аквилонского Льва увела чудовищных скогров в Ронинский лес, другие — что она ведет их к Соленым Озерам, где и потопит. Третьи утверждали, что она вовсе никакая не принцесса, а воплощение самой Лесной Девы — Викканы. Четвертые же полагали, что именно Ричильдис Канах повинна в обрушившемся на Вольфгард бедствии...

— Ибо сказано пророками: се, грядет дева молодая, обликом невинна, и орду поведет за собой, и пройдет от Граскаальских гор до Последнего Океана, сея всюду смерть и запустение! И ни сталь, ни огонь, ни отвага героев, ни мудрость магов не станут преградой Великой Стае, покуда не умрет последний из живущих в мире! Падут народы, разрушатся царства, настанет конец времен... — приплясывая на ступеньках «Короны и посоха», вопил сорванным дрожащим голосом неряшливый толстяк с безумным взглядом, в котором никто из прежних знакомцев не признал бы почтенного Юшту Далума. Большинство людей от него шарахались, но находились и те, что прилежно внимали безрассудным речам, и число таких слушателей потихоньку росло. Толстяк вещал примерно с четверть колокола, потом сквозь толпу протолкался кряжистый мрачный митрианец в сопровождении двух гвардейцев и без единого слова врезал проповеднику промеж глаз тяжелым кулаком. Гвардейцы подхватили обмякшее тело и деловито уволокли вслед за братом Бомбахом. Толпа расступалась перед ними за два шага.



В Цитадели сипло взревели церемониальные фанфары.

По главной лестнице, сноровисто пробираясь между беседующими дворянами, взбежал запыхавшийся человек в одежде королевского герольда. Он что-то шепнул начальнику караула, и гвардейцы, повинувшись отданной команде, вложили мечи в ножны и освободили проход.

— Его величество король Аквилонии, владыка Трона Льва Копан Канах велит благородным месьярам проследовать в Круглый Зал! — надсаживаясь, прокричал герольд. Благородные месьяры, негромко и тревожно жужжа, покорно потянулись в распахнувшиеся двойные двери.

Куранты Оленьей башни пробили один раз.

...Круглый Зал с самого начала задумывался как место для всяческих совещаний с присутствием большого количества людей и ничем не отличался от подобных ему в любой из многочисленных королевских резиденций Хайбории. Это помещение, в самом деле круглое, поскольку находилось на втором ярусе одной из башен, с удобными дубовыми скамьями вдоль стен и возвышением напротив входа — где стоял, разумеется, трон монарха и, чуть пониже, кресла доверенных советников — могло вместить человек восемьдесят. Солнечный свет проникал сюда через витражи в многочисленных высоких окнах, между которыми висели искусно вытканые гобелены офирской работы. При Эртеле этим залом, светлым и просторным, но чересчур пустым и гулким, пользовались нечасто, предпочи-



тая роскошный Тронный Зал для особо торжественных случаев и уютный Малый Зал — для частных бесед.

Оказалось, что некоторые места на скамьях уже заняты. Чинно сложив руки на золоченых жезлах с навершием в виде солнечного диска, сидели восемь высших служителей митрианского ордена во главе с Верховным Жрецом. Поодаль от них перебирала янтарные руны пожилая настоятельница общины Сестер Висканы, в традиционном венке из омелы и простом холщовом одеянии — известная всей столице Матушка Линнор. Косясь на священнослужителей с некоторым изумлением, приглашенные вельможи расселись по своим местам, стараясь быть поближе к трону, но строго соблюдая при этом ту же манеру — дворяне рядом с дворянами, купцы с купцами, отдельно цеховики и главы гильдий. Они приготовились было к новому утомительному ожиданию, однако, едва последний из благородных местьоров опустился на пыльное сиденье, оглушительный звук рожка вновь заставил всех вскочить. В зал вошел Конан Канах, король Аквилонии.

Его шаги гулко прозвучали под полукруглым сводом. Следом шли еще трое. Высокая светловолосая девушка, всем без исключения присутствующим прекрасно знакомая, поскольку не раз во время королевских приемов Эртеля Эклинга стояла по правую руку от его трона — Нейя Раварта. Она выглядела изможденной, словно после долгой болезни. Рядом с ней шагала лич-



ность еще более странная на столь высоком собрании — звонарь из храма Митры, что на Ветреном Холме, брат Бомбах, снявший наконец кольчугу, но не озаботившийся сменить истрепанную и местами порванную рясу на что-либо более подобающее случаю. Самым загадочным казался третий из странной свиты — одноглазый верзила под стать самому Конану, чьи длинные седые волосы были небрежно схвачены на затылке плетеным ремешком, а лицо скрыто под маской из мягкой коричневой кожи. Стоило ему, шедшему последним, перешагнуть порог, как двери Круглого Зала захлопнулись за его спиной, и трое Черных Драконов с бесстрастными лицами и обнаженными мечами встали на караул.

Киммериец на сей раз был без кольчуги и оставил за дверью свою великолепную секиру, ставшую в последнее время почти неизменной его спутницей. Тяжелый венец аквилонских владык, представляющий собой настоящий шедевр и украшенный бесчисленным множеством самоцветов, остался, разумеется, в Тарантии, в королевской сокровищнице, однако в волосах Конана блестело яркое золото — походная корона, витой обруч с рубинами и алмазами чистейшей воды. Конан уверенно поднялся на возвышение и сел на трон, прежде занимаемый исключительно владыками Большого Пограничья — при этом по залу, где даже легкий шепот звучал совершенно отчетливо, пронесся тихий шелест удивленных и недовольных голосов.

Утвердившись на троне и возложив руки на



золоченные подлокотники, король Аквилонии обвел испытующим взглядом вольфгардскую знать, смиренно ожидавшую разрешения садиться — лишь высшие жрецы, согласно этикету, имели право сидеть в присутствии коронованных особ. Этот взгляд, пристальный и одновременно насмешливый, не спеша скользил по лицам вельмож, и мало кто выдерживал безмолвное состязание дольше трех ударов сердца. Один за другим надменные аристократы и тертые интриганы отводили глаза, начинали смотреть в пол или склонялись в неловком полупоклоне. Почти всякий под взглядом киммерийца ощущал мгновенное желание преклонить колени пред великолепным седовласым гигантом в сверкающем венце, желание тем более неуместное, что монарх Аквилонии в Пограничье, разумеется, никакой законной властью не обладал. Дольше прочих продержался лорд Варлен, министр двора. Однако в конце концов потупился и он.

Матушка Линнор, лицом и фигурой более похожая на добрую бабушку из большой крестьянской семьи, в ответ на королевский взгляд застенчиво улыбнулась и поклонилась монарху. Настоятель Темпер, Хранитель Огня, Верховный Жрец митрианского ордена, напротив, смотрел на киммерийца с явным вызовом и единственный из всех не отвел глаз. Конан нахмурился.

— Вы можете сесть, — сказал он наконец.

Спутники варвара повели себя по разному. Монах, явно чувствуя себя неуютно, примостился на краешке одного из стоявших на возвыше-



нии кресел. Нейя по привычке встала сперва рядом с тронем, но, опомнившись, поспешно отошла и присела на покрытую ковром каменную ступеньку, иногда обводя собравшихся диковатым взглядом только что проснувшегося человека. Зато одноглазый выглядел совершенно непринужденно. Устроившись в кресле военного советника, он с блаженным вздохом откинулся на высокую спинку, вытянул ноги в видавших виды сапогах, будто уставший с дороги путник, и даже прижмурил глаз, блестевший сквозь круглое отверстие в маске — ни дать ни взять, собрался немного вздремнуть.

— Я, Конан Канах, волею богов и людей властитель королевства Аквилония и ныне единственный представитель высшей власти на земле Пограничья, — тяжело начал киммериец, когда перестали шуршать одежды, смолкли покашливания и перешептывания и под сводами Круглой Залы повисла полная тишина, — собрал вас, родовитых и знатных, наделенных богатством и правом принимать решения, дабы судить, кому занимать отныне место сие.

Могучая ладонь короля-варвара крепко пристукнула по подлокотнику трона, будто поставив точку в краткой вступительной речи. При необходимости Конан умел излагать свои мысли четко, гладко и ясно.

— До сего дня корона Пограничья принадлежала Карающей Длани, военная же мощь зиждилась на союзе с двергами. Однако дверги ушли, и неизвестно, вернутся ли вновь. Во что превра-



тились принадлежащие к Карающей Длани, вы видели. Итак, я говорю вам, лучшие люди королевства Пограничного: у вас нет более короля и нет наследника, и не сыщется силы оборонить свой край от скогров. Засим я, Конан Канах, король Аквилонии, — присутствующие в зале затали дыхание, — беру земли Пограничья под свою руку и под защиту легионов своих, и объявляю их протекторатом Трона Альва, со всеми вытекающими отсюда для жителей сих земель привилегиями и повинностями. Если найдутся среди вас несогласные с таковым решением, пусть поднимут свой голос против прямо сейчас.

За время ожидания собравшиеся успели обсудить и такой поворот событий, оттого заявление Конана не стало неожиданностью. Едва киммериец закончил, как со своего места воздвигся настоятель Темпер, едко осведомившись:

— Как понимать: «нет короля»? А что же случилось с законным монархом, с Эртелем Эклингом?

— Я мог бы сказать, что он погиб или ушел со скогами, — медленно произнес Конан. — Но это не было бы правдой. Сейчас вы увидите вашего прежнего короля.

Двери зала распахнулись. В зал вошел сотник Галтран, за ним двое гвардейцев — они с трудом удерживали растяжки, с которых, придушенно рыча, силился сорваться матерый волк. Перекрывая звериное рычание и испуганные возгласы вельмож, прозвучал голос киммерийца:

— Вот он, Эртель из племени Карающей Дла-



ни. Обращение постигло и его, но нам удалось удержать его в замке... скорее по случайности, чем намеренно.

Короткое замешательство среди собравшихся, и Верховный Жрец запальчиво выкрикнул:

— Откуда нам знать, что *это* — король Эклинг? Может, эту тварь доставили напрямую из Ронинского леса? Или отыскиали на псарне?

Волк рванулся в сторону говорящего так, что едва не повалил обоих гвардейцев.

— Я подтверждаю, — Нейя Раварта откинула с бледного лица прядь волос. — Я тоже принадлежу к Карающим. Это Эрт... король Эклинг.

— Я тоже подтверждаю, — подал голос брат Бомбах. — Я видел, как он... обратился. Стигийская магичка успела запереть его в подземелье, и я оказался рядом.

— А поведай-ка нам, как ты оказался в подземельях! — вскричал Темпер, тыча в монаха узловатым пальцем. — Ежели кому неизвестно, то сие есть звонарь из храма на Ветреном Холме, известный неумеренным к вину пристрастием и буйным нравом, коему лишний раз приврать — что сплунуть! Что же до госпожи Раварты, так сами взгляните — бедняжка еле на ногах держится и вроде бы не в себе! Можем ли мы доверять ее свидетельству, братья?

— В подземелье я понал за изничтожение оплота гиперборейского чернокнижия и вижу в том не вину, но доблесть немалую! — взревел Бомбах, также вскакивая. — Касательно короля Эклинга сказал я вам чистую правду, в чем кля-



нусь именем Митры и святостью Его! Вы же, отец настоятель, отсиделись в храме, покуда я вместе с братьями единовѣрцами стоял на стенах против тварей ночных! И скажу я вам, только тем все мы спаслись, что королевская дочка, дитя малое, себя за нас скограм на растерзание отдала и свела их прочь из города, да жива ли она теперь, неведомо!

— Ею закончилось, да не с нее ли началось?!
— брызжа слюной, возопил Верховный Жрец.

В Круглой Зале сделалось шумно. Половина присутствующих повскакала с мест, наперебой выкрикивая вопросы и протесты. Волк остервенело рвался с привязи, на узком лице настоятеля Темпера блуждала ехидная улыбка, Нейя Раварта сжалась в комочек, испуганно закрываясь руками. Однако крики стихли мгновенно, когда король Аквилонии, стремительно встав во весь свой немалый рост, гаркнул, будто на поле боя:

— Тихо! — и, когда в наступившей тишине все лица обратились к нему, продолжал негромко и зловеще, чеканя каждое слово:

— Если вы забыли, как вести себя в присутствии короля — пускай не вашего пока что — я напомню вам, месьоры. Я приказываю вам сесть и впредь, если желаете что-то сказать, отрывать свое благородное седалище от скамьи не иначе как с моего позволения. Когда говорит один, остальные молчат. Это приказ короля. Нарушивший его повинен смерти, и мои гвардейцы исполнят приговор немедленно. Ясно? Галтран! Уведите Эрт... волка. Я готов выслушать вас, благород-



ные месьоры, но если кое-кто путает портовую таверну с залом собраний, то и я забуду об этикете и поступлю с нарушителем по-варварски. А теперь говорите. По очереди. Да не забывайте представляться, незнакомых лиц я здесь вижу втрое больше, чем знакомых.

* * *

— ...Они, конечно, еще покуражились для виду, набивая цену и торгуясь за каждую мелочь. Местный Верховный Жрец метал громы и молнии, обвиняя сестренку Дис в самом наичернейшем ведьмовстве, а отца — в попытке узурпировать власть. Насчет последнего он почти угадал, но тут с почтеннейшим священнослужителем приключилась досадная неприятность, — Лаэг злорадно хихикнул. — Он так надсаживался, ратуя за справедливость, что его дряхлое сердечко не выдержало. Старика хватил удар — прямо посередине речи. После чего благородные дворяне как миленькие кинулись приносить присягу верности, едва ли не отпихивая друг друга локтями. Твой знакомец, этот жуткий магистр колдовских искусств с одним глазом, сидел, ровно в балагане на лицедейском представлении, — вертевшийся в большом деревянном кресле подросток весьма схоже передразнил Хасты Рабирийца, заменив кожаную маску подвернувшимся под руку шелковым платком, — и только эдак укоризненно покачивал головой, дивясь падению людских нравов.



— Так Пограничье теперь отходит к Аквилонии? — недоверчиво переспросила Айлэ дия Монброн. Пожалуй, баронетта могла считаться единственным человеком, умудрившимся остаться в стороне от захлестнувших Вольфгардскую Цитадель треволнений, поскольку она благополучно проспала едва ли не до пятого вечернего колокола.

Разбудил ее Лаэг Канах, бродивший по замку в поисках собеседника, на которого можно обрушить ворох потрясающих новостей. По мнению наследника Трона Льва, Айлэ как нельзя лучше подходила на эту роль, поскольку не знала о событиях в королевстве Пограничном ровным счетом ничего. К тому же Лаэг рассчитывал сперва изрядно повеселиться и аккуратно пристроил рядом со спящей девушкой маленькую оранжево-коричневую змейку.

Надежды не оправдались, хотя Айлэ и вскочила, будто ошпаренная, ощутив шарящий по ее лицу сухой язычок пресмыкающегося. Но, изловив скатившуюся на пол змею и рассмотрев ее, баронетта Монброн уверенно заявила, что крапчатые полозы совершенно безвредны, и где это Его высочество умудрился разжиться животными, не водящимися нигде, кроме Сухметской долины в Стигии?

— Они не мои, — признался Лаэг, указав на деревянный ящик, над которым покачивались еще две узкие головки. — Это собственность господи эш Шарвин, здешней придворной волшебницы. Как они угодили ко мне — запутанная и



печальная история. Рассказать? — вкрадчиво предложил он.

— Конечно! — согласилась Айлэ, прекрасно осведомленная о способности среднего отпрыска аквилонского короля разузнавать любые тайны и секреты.

Повествование и в самом деле получилось захватывающим и длинным, причем некоторую часть действия принц Аквилонии и баронетта Монброн могли видеть собственными глазами — достаточно выглянуть в окно и прислушаться к выкрикам герольдов у ворот крепости, в очередной раз извещавших горожан о том, что земли Пограничья объявлены протекторатом Трона Льва, а непосредственное управление ими доверено Высшему Совету во главе с лордом Варленом. Столица переводится на военное положение, спустя самое большее две седмицы аквилонские легионы прибдут в Вольфгард для защиты населения от возможного нашествия скогров. До их прибытия город в случае надобности обороняется силами народного ополчения под командованием капитана замковой стражи Илека и сотника аквилонских Черных Драконов Галтрана... Все это, разумеется, временно — лучшие маги дню и ночью будут доискиваться причин постигшего Пограничье бедствия и способов его устранения, а также возвращения законного короля Эртеля в человеческий облик.

Даже если Эклинга и превратят обратно в человека, короны ему больше не видать, — на удивление проникательно для своего возраста



заметил Лаэг. — В лучшем случае, будет доживать век в звании великого протектора, постоянно оглядываясь на Аквилонию. Сама знаешь, папенька никогда не возвращает обратно того, что однажды угодило ему в руки. Присоединение Пограничья — его давняя и самая задушевная мечта. Он столько здесь прожил и пережил, что порой зовет этот край своим вторым домом. К тому же он считает, будто таким поступком выполнит свой долг перед покойным Эрхардом. Матушка сразу заявила, будто с самого начала ожидала подобного безумства. По ее мнению, недостает только потряхнуть стариной и вернуть стране древнее название, данное когда-то переселенцами из Нордхейма.

— Аиргеда, Край Хмурых Лесов, — припомнила Айлэ. — Но еще неизвестно, как примут подобное известие в Бельверусе — там наверняка сочтут, что у них больше прав на эту землю. Мол, они ближайšie и наилучшие соседи, никогда не отказывали бедному Пограничью в помощи и поддержке, и триста лет тому даже пытались сделать его местом для ссылки, что закончилось всеобщим бунтом... Так что же случилось с Эртелем?

— Пока ничего, — развел руками мальчик. — Сидит на цепи в пустой конюшне, бросается на любого человека, вокруг суетятся госпожа Раварта, Озимандия и одноглазый магик... Кстати, он заходил сюда, пока ты спала — я имею в виду одноглазого, не волка. Настоятельно требовал передать, чтобы к седьмому вечернему колоколу



ты непременно явилась в Волчью башню. Он намерен учинить ритуал по избавлению оборотней от Проклятия. Все имеющиеся в крепости маги призваны в помощь. В том числе и ты. Будешь держать приклад для волшбы, всякие там лягушачьи косточки и сушеный мох с черепа висельника, а в случае необходимости — давать отпор местному гонителю чернокнижников.

— Случаем не тому ли боевому митрианцу преклонных лет? — догадалась баронетта Монброн, бывшая свидетельницей недавней баталии между звонарем и страшным человеком, в самом деле похожим на восставшего из гроба мертвеца.

— Поднимай выше, — Лаэг сдавленно захрюкал. — Отец решил, что лучшей замены почившему Первосвященнику не найти, и своей монаршей волей произвел брата Бомбаха в Хранители Огня... Вернее, настоятельно присоветовал его кандидатуру собравшимся жрецам. Те согласились с поразительной готовностью. Новоиспеченный Верховный Жрец заикнулся было возразить, но на него уже нахлобучили тиару, сунули в руки пастырский посох и турнули проповедовать перед толпой обывателей под стенами замка. Святой отец не подвел, доходчиво растолковав пастве, что все перемены свершаются для их же блага. Мол, покровительство Аквилонии всяко лучше новых раздоров и грызни за трон, от которых равно страдает и благородное сословие, и простой люд. Благоприятное впечатление от его речей слегка подпортил шумный скандал между придворным волшебником и его ученицей.



Ссорились они прямо на верхней галерее: месьюр Тотлант кричал, мол, женщины способны думать только об одном и ему жаль, что он тратил время и свои познания на столь неблагодарную особу. Госпожа Ренисенб в ответ заявила, будто он никогда не уделял ей должного внимания, не ценил ее чувств, и она счастлива избавиться наконец от подобного зануды — скверного волшебника и никуда не годного мужчины. Тут он попытался дать ей пощечину, а она швырнула в бывшего наставника тем, что подвернулось под руку, и убежала. В руках она держала этот самый ящик, — мальчик щелчком отправил обратно змейку, слишком далеко выбравшуюся из коробки, — и, само собой, бедные твари разлетелись по всей лестнице. Слуги наотрез отказались ловить ползучих гадов, и угадай, кто прыгал по ступенькам, заглядывая в трещины и переворачивая каждый камень? Одну я все-таки упустил, но прочим сбежать не удалось. Пошли, вернем зверушек законной владелице.

— Кстати, не подскажешь: что намерен предпринять Его величество в связи... ну, с тем, что здесь случилось? — осторожно заикнулась Айлэ, идя вслед за отпрыском Аквилонской фамилии по гулким и пустынным коридорам Цитадели.

— Завтра днем он уезжает на Полдень, — принц не удержался от того, чтобы изобразить откровенно фальшивое сочувствие к судьбе старшего брата: — Папенька отправляется в поход за головой наследника. Ты и этот жуткий одноглазый маг едете вместе с ним. Болтаться тебе и



Конни на одной веревке, если только король не задумает доставить вас в столицу, дабы учинить показательное судилище. Матушка с уцелевшей свитой возвращается в Тарантию, а меня, как единственного уцелевшего отпрыска Аквилонской фамилии, повезут следом за ней в дорожном сундуке, обмотанном для надежности цепями.

Баронетту слегка передернуло. В легкомысленной болтовне Лазга — и это уже не раз подтверждалось — словно в шелухе, всегда скрывались крупинцы истины. Чего бы она ни отдала, чтобы узнать, что обрушившееся на Рабирийские холмы бедствие понемногу стихает, а с Коннахаром и остальными все благополучно! Как они, должно быть, перепугались, обнаружив исчезновение не только Хасти, но и баронетты Айлэ... Только бы Конни не пришла в голову мысль отправиться искать ее... Впрочем, он просто не в силах совершить подобной глупости, пока Холмы находятся под защитой Стены Мрака. Это даже к лучшему, а то с наследника Трона Льва вполне станется влипнуть в очередную авантюрную историю. Пусть все идет своим чередом. Рано или поздно правитель Аквилонии сменит гнев на милость и простит сына. И, если расчеты Хасти оправдаются, в скором времени несчастное Пограничье тоже сможет вздохнуть свободно.

Попытки Айлэ утихомирить разыгравшееся воображение и въедливо напоминавшую о себе совесть особого успеха не принесли. Она стара-



тельно вертела головой по сторонам, разглядывая замок (после увиденного в Заповедном Краю двергская постройка показалась ей слишком громоздкой и приземистой), краем уха прислушивалась к разглагольствованиям своего юного спутника, поддакивая, удивленно ахая или хихикая в нужный момент, и все никак не могла успокоиться. Что-то витало в воздухе. Скверные предчувствия, причин которых она не могла понять. Они пронырливыми тенями шныряли по углам, заставляя баронетту встревоженно оборачиваться при каждом подозрительном шорохе. Спаслась Айлэ только тем, что, вкупе с увязавшимся следом Лазгом, отправилась на поиски Эллара.

Одноглазый захватил в свое пользование площадку на вершине Волчьей башни, отведенной под жилье королевских магов, и оживленно хлопотал над приготовлениями к грядущей церемонии. Девицу Монброн немедля привлекли к полезному делу, поручив ей вычертить на гладких плитах основу для пентакля. Крутившийся под ногами аквилонский принц заявил, что желает помогать, завладел тонким шнуром и какое-то время помалкивал, прилежно размечая по указаниям Айлэ будущую окружность. Завершив труды, Лазг уселся на каменной голове ящера, украшавшей парпет башни, и громким театральным шепотом осведомился: будут по ходу обряда приносить кого-нибудь в жертву или хотя бы выкликать демонов?

Хасты оторвался от штудирования толстенного фолианта, целую кипу коих магии принесли



с собой на открытую всем ветрам площадку, неодобрительно зыркнул на подростка и поинтересовался, откуда подрастающее поколение набралось таких глупостей касательно магического ремесла.

— От папы, — незамедлительно откликнулся Лазг и затараторил, что, мол, приметил на скотном дворе огромного черного козла, вполне подходящего для того, чтобы торжественно перерезать ему горло на алтаре под ритуальные песнопения рабирийских гулей, каковые, по слухам, отлично получают у Айлэ.

— Его высочество наследный принц Лазг Каннах, — со скорбным вздохом представила баронетта Монброн, злорадно присоветовав: — Если хотите вынудить его замолчать, просто не обращайтесь внимания.

Магик фыркнул, как застоявшаяся лошадь, но рассудил по-своему: Лазгу вручили поблескивающие песочные часы, велел следить за неспешным истечением песчинок из одной колбы в другую, и громко извещать о каждом перевороте. В случае пренебрежением возложенной обязанностью Хасты посулил спустить наследника с лестницы, невзирая на возможное королевское неудовольствие.

Оценив серьезность угрозы, мальчик притих.

Незаметно подкравшиеся сумерки поглотили дальние окраины Восходного квартала, и над черным зубчатым окоем лесных вершин расплылось оранжевое зарево садившегося солнца. В городе, насколько могла судить смотревшая с



вершины замковой башни Айлэ, царило относительное спокойствие. Она не заметила ни сборищ возмущенной черни, ни громогласных представителей дворянского и торгового сословий, явившихся требовать справедливости. Может, обитатели Вольфгарда слишком поглощены недавней трагедией, чтобы уделять внимание случившимся в стране переменам? Или, вняв речениям брата Бомбаха, здраво рассудили, что не стоит искать добра от добра?

К десятому вечернему колоколу в городе зажглась редкая россыпь огоньков, а на башню пожаловали почтенный Озимандия и Тотлант, всем своим видом изображавший оскорбленное достоинство. Ренисенб эш Шарвин не пришла, но, бросив случайный взгляд на темное окно узкой башенки, примыкавшей к открытой площадке, Айлэ заметила там чей-то смутный силуэт. Магичка не устояла перед искушением и явилась тайком, не привлекая лишнего внимания.

Тщательно вымеренный и вычерченный пентакль, казалось, только и ждал, чтобы люди заняли полагающиеся им места. Не случись досадной размолвки между госпожой эш Шарвин и ее наставником, стигийка стояла бы на одном из лучей звезды, где теперь образовался зияющий провал. Как утверждали родители баронетты Монброн, разомкнутость пентакля иногда приводила к чудовищным последствиям, и потому Айлэ с некоторым опасением косилась на пустующий луч. Но не наследника же аквилонского трона попросить войти в магический символ?



Так ведь можно и убить ребенка, а пока он остается снаружи — ему ничего не угрожает. Выставить Лаэга с башни не удалось: он упрямо желал увидеть настоящее волшебство своими глазами, и клялся, что будет сидеть тихо.

* * *

Хотя ей довелось явиться на свет в семье магика и предсказательницы, Айлэ могла по пальцам сосчитать те случаи, когда ее отец, Райан Монброн, действительно занимался колдовством. Он предпочитал добиваться от окружающего мира желаемых вещей силой убеждения или хитростью, оставляя магию в качестве последнего аргумента. И, как позже поняла Айлэ, магическое искусство уже не слишком привлекало Райана, знавшего о волшбе намного больше, чем иные магики из рода людей, но неизмеримо меньше, чем было известно Хастии Рабирийцу.

— Я не собираюсь участвовать в скачках с препятствиями ради призрачной надежды поразить когда-нибудь своим талантом одноглазое чудовище из холмов над Хоротом, — однажды поделился с подругой и дочерью Райан. — Хватит копаться в пыльных библиотеках и изощряться, силясь взять верх над соперниками. Пропади она пропадом, эта магия! Будем жить в свое удовольствие, пока нас не приберет Разрушительница всех союзов.

Стоило бы прислушаться к совету отца, но Айлэ дия Монброн унаследовала еще одну его



скверную привычку — делать все наперекор и по-своему. Иначе как бы она оказалась сейчас на продуваемой невесть откуда налетевшим ледяным ветром башне, в обществе трех не самых последних волшебников Восходного материка и пытаюсь совершить невозможное — заставить уснуть Проклятие Безумца?

...Над переkreщающимися белыми линиями пентакля горело дрожащее полотнище, высотой по пояс человеку, сотканное из голубых, сапфировых и зеленоватых языков холодного пламени. У такого огня нельзя согреться, зато, при определенном навыке и сноровке, можно зачерпнуть его рукой и держать в пригоршне, словно живую драгоценность, пока кисть не заледенеет.

Пару раз она украдкой косилась через плечо, различая клокочущий водоворот лилового тумана да черноту ночи в россыпях насквозь незнакомых звезд и чувствуя на лице холодный, ровный ветер с запахом горьких, нездешних трав. Похоже, созвездия произвольно разгуливали по небу в нарушение всех божественных и природных законов. А может, она узрела небо, которое висело над землей в год рождения Кары Победенных? Айлэ была твердо уверена: с какого-то мгновения верхушка башни вкупе со стоящими на ней людьми опавшим листком поплыла по темной реке времен.

«Потом расспрошу Лаэга, что он видел. Если уцелею», — пообещала себе баронетта Монброн, тщетно пытаясь рассмотреть соучастников по



церемонии. Она твердо знала, что все они стояли довольно близко — только руку протянуть — но теперь удалились на небывало далекое расстояние, став зыбкими тенями в призрачных сполохах колдовского огня.

В самую середину пентакля она старалась не глядеть. Там чистым, яростным белоснежным сиянием, не нарушаемым ни единым оттенком иного цвета, полыхал вынутый из своих золотых пут Алмаз, упавшая с неба и прикованная к каменной тверди звезда. От него ровными волнами, как от брошенного в тихую заводь камня, исходила Сила, явственно различимая простым глазом, Сила тверже адамантовой стали и плотнее солнечного зайчика в ворохе осенней листвы. Как догадывалась рабирийка, с помощью Озимандии и Тотланта Эллар подчинял это могущество, усмиряя его, точно дикую лошадь, и направляя в нужную сторону.

Напор изливаемой Алмазом мощи достиг такого головокружительного предела, что проведенные куском мела границы пентакля начали изгибаться, превращаясь в колеблемые ветром серебряные ленты, а прохладные оттенки ледяного огня сменились на более привычные глазу красные и малиновые тона. Айлэ расслышала тоненький сухой треск — словно поблизости ломали пучки соломы для растопки очага, увидела — не глазами, каким-то иным зрением — зарождающиеся в глубинах гранитных блоков трещины, паутиной оплетающие камни Волчьей башни. На мгновение ей стало жутко. Что, если кажу-



паяся нерушимой башня начнет рассыпаться прямо у них под ногами?

Но двергская кладка, хоть и покряхтивала, не собиралась запросто сдаваться, голоса волшебников, сплетающих оковы заклатья, в положенный срок сменяли друг друга, буйство Силы, клокоча, устремлялось в пролагаемое для него русло... и баронетта Монброн позволила себе робко поверить в возможность успеха.

Все случилось в один-единственный миг. Кристалл полыхнул столь ослепительной вспышкой, что раскаленная белизна обернулась непроглядной тьмой, башня ощутимо вздрогнула, словно в нее ударила молния, пронзив каменное сооружение от шатнувшихся зубцов на вершине до глубоко утонувшего в земле массивного основания, кто-то коротко и пронзительно взвизгнул (может, сама Айлэ?), а затем из неизмеримой дали пришел обрывок звука — мерное удаляющееся хлопанье огромных крыльев.

Девушка Монброн, словно вырванная неожиданным толчком из затянувшегося кошмара, без особого удивления обнаружила, что сидит в отведенном ей луче пентакля, озадаченно таращась в подернутые облачками ночные небеса. Впрочем, небеса исчезли, заслоненные очертаниями взлохмаченной головы Лаэга Канаха.

— Только что тебя здесь не было, — с поразительным хладнокровием известил ее аквилонский принц. — Вы вообще пропали, все четверо. Остался только такой голубой свет, вроде как осенний туман над Хоротом. Он кружился и



блестел изнутри — очень красиво, но жутковато. Сияние затем погасло, башня немного потряслась, и все стало по-прежнему. Да, еще песочные часы, которые мне дал Хасти, отчего-то разбились. У вас получилось?

— Еще не знаю, — просипела Айлэ. — Сделай доброе дело, помоги встать.

Мальчик протянул ей руку, неожиданно сильным рывком подняв на ноги.

Башенная площадка вроде не пострадала, если не считать парочки обвалившихся зубцов, остатки коих валялись у основания башни и, хвала светлым богам, не разбили ничьих голов. Пентакль исчез полностью, не осталось даже намека на старательно вычерченные линии, окружности и магические знаки. Гранитные плиты дышали жаром и курились противно пахнущим дымком. Озимандия стоял, привалившись к чутко покосившейся башенке и тяжело опираясь на свой длинный посох. Тотланта, из-за его черного балахона, девушка углядела не сразу — стигиец, скорчившись над грудой принесенных магами фолиантов, лихорадочно шелестел страницами. Баронетта мимолетно удивилась — как можно читать в темноте, чуть разгоняемой отблесками факелов на соседних башнях и крепостных стенах? — и тут же забыла об этом, ища глазами рабирийца.

Ага, вот он — в середине бывшего пентакля, присев на корточки, отрешенно рассматривает нечто, блестящее на темном камне, подобно яркой звезде. Доковыляв с помощью Лаэга до цен-



тра площадки и решив, что изнывать от незнания и нетерпения не имеет смысла, Айлэ толкнула мага под локоть:

— Безумный Исенна посрамлен? То есть... У нас получилось?..

Маг поднял на нее единственный глаз и долго молчал. По его застывшему лицу, хоть и не скрытому на сей раз под кожаной маской, решительно невозможно было судить, радуется раб-риец или скорбит, — впрочем, как всегда, подумала Айлэ. Она совсем уж было собралась повторить свой вопрос, когда одноглазый нарушил наконец затянувшееся молчание.

— У нас *почти* получилось. Почти, — Хасти наклонился, бережно, двумя пальцами подняв целый и невредимый Алмаз, вокруг которого в крепчайшем граните проплавилось идеально круглое углубление размером с суповую миску. — Да, мы избрали верный путь, но у нас не хватило силы... или знаний... или простого везения.

— Но как же... — опешила баронетта Монброн, еще не в силах примириться с разочарованием.

Рядом присвистнули, и голос подростка безжалостно подытожил:

— Выходит, сестрице Дис придется и дальше сидеть в лесу, воркуя с бешеными оборотнями?



Часть 2. Лето тревоги

Глава первая Перекрестки судеб



*Ночь на 4 день Второй летней луны.
Где-то в Пограничье.*



сли бы Лаэг знал, в каком затруднительном положении находится сейчас его младшая сестра, он наверняка взял бы свои слова обратно и, может, посочувствовал бы ее участи. Дис ни с кем не ворковала, напротив — она чувствовала себя до смерти уставшей, перепуганной и растерянной.

Сходные чувства ей довелось испытать дома, в Тарантии, будучи в возрасте пяти или шести лет. Она, Лаэг и их приятели затеяли игру в прятки, и ее угораздило забежать в закатное крыло замка, отведенное для торжественных церемоний. Девочка плутала по огромным гулким залам, где на нее с высоты постаментов слепо



таращились мраморные герои былых времен, шарахалась в сторону от любого громкого звука и, наконец, пустилась в бесцельное бегство, уверенная, что по пятам за ней гонятся те страшные звери, чучела которых она видела. На потерявшуюся маленькую принцессу случайно наткнулся несший стражу гвардейский караул — Ричильдис спряталась в темном углу за огромным дубовым шкафом, и сидела там, тихонько поскуливая от ужаса. Когда ее привели обратно, ни у родителей, ни у воспитателей не хватило духу отчитать виновницу нештучных тревожений во дворце.

Теперь Диса с радостью соглашалась на любые выговоры и наказания, лишь бы кто-нибудь утешил ее и подсказал, как быть. Девочку окружали животные — присмиревшие и вроде безмерно обожавшие свою маленькую покровительницу, но по природе своей неспособные оказать ей нужную помощь. Мало того, лесное зверье напрочь не понимало, что их шествие возглавляет ребенок, чей запас сил весьма и весьма ограничен. Стая шла, не собираясь останавливаться, но тут несколько раз от усталости едва не выпавшая из седла Ричильдис возмутилась. Она хотела есть, хотела спать — причем под крышей и в тепле — и еще больше хотела понять, что ей теперь делать. В какую сторону света хотя бы идти и как ее определить, эту нужную сторону?

Диса не знала, какое расстояние они уже преодолели. Утром она ехала по широкому тракту вроде бы на Полночный Восход, затем звериное



сообщество дружно свернуло с мощеной дороги куда-то влево, двинувшись напрямую через лесистые холмы. Нордхеймский конек заупрямился, отказываясь скакать среди бурелома и куч валежника, но Гвен отыскал для нее извилистую тропинку, оставленную охотниками или собирателями лесных даров. Девочка стойчески покачивалась и подпрыгивала в седле, лошадь устало трусила в неизвестность, сквозь еловые лапы проглядывал солнечный диск, рассыпавшиеся огромным кольцом звери держались где-то неподалеку, иногда показываясь на глаза.

К середине дня Ричильдис впервые в жизни начала испытывать настоящие голодные муки. Уходя из города, она не сообразила захватить с собой каких-либо припасов — да и где бы она их раздобыла? Даже фыркавший под ней конек достался принцессе по совершенной случайности — она заметила его в одной из улиц, где бедное животное отбивалось от преследовавших его скотров. Хищники не пытались загрызть лошадь, им просто нравилось ее пугать. Дис отогнала полувзвезд и взяла конька себе, уже тогда смутно заподозрив, что ей придется отправиться в дальнюю дорогу. А коня, между прочим, тоже необходимо кормить, иначе в скором времени она будет вынуждена топтать на своих двоих — если, конечно, кто-нибудь из Стаи не согласится побыть для нее верховым животным...

— Стойте, стойте! — завизжала она, углядев с очередного холма проплешины лужка и приземистое строение под соломенной крышей у опушки.



Приободлившийся конь шумно втянул воздух и, самостоятельно приняв решение, затопал к дому. Гвен огромными прыжками понесся вперед, стелясь над травой, следом за ним сорвались еще несколько волков и крутившаяся поблизости светло-рыжая рысь. Ричильдис подхлестнула коня, догадываясь, что ее верные защитники могут похода расправиться с хозяевами избушки, когда ей позарез требуется увидеть хоть одного живого человека.

Маленькая аквилонская принцесса опоздала — когда она подъехала к дому, над двором весело кружились пестрые куриные перья, а рысь и один из волков, порывая друг на друга, возились в луже крови, вытекшей из только что загрызенной ими свиньи. Гвен зачем-то вспрыгнул на низкую кровлю и оттуда таращился вниз, молотя по воздуху пушистым белым хвостом.

— Есть тут кто-нибудь? — безнадежно окликнула Ричильдис. Никто не ответил — одинокая избушка пустовала. То ли хозяин принадлежал к Карающей Длани, был застигнут внезапным превращением и убежал в леса, то ли просто имел привычку надолго покидать дом. Диса хотела заглянуть внутрь, но вспомнила, как ей не раз твердили: всегда нужно сперва заботиться о лошади.

Она завела конька в подобие сарая, расседлала — тяжелое седло и сбруя немедля выпали у нее из рук. Пришлось тащить их волоком, а потом с усилием подвешивать на вбитые в стену крюки. Обтереть взмокшего конька ей тоже тол-



ком не удалось — он постоянно толкался, едва не сбивая хозяйку с ног, а скрученный из соломы жгут рассыпался самым подлым образом. Девочка сперва хотела расплакаться, но потом сообразила: сколько не реви, на помощь никто не придет.

Она приволокла скамейку, столкнула крышки с огромных, едва не с нее саму ростом, рассыпавшихся бочек, выстроившихся вдоль стены сарая и заглянула внутрь. Одна оказалась наполовину засыпана желтыми и зелеными зернами. Зачерпнув пригоршню, Дис нерешительно предложила угощение коню. Тот с видимым удовольствием захрустел, а девочка облегченно вздохнула — она угадала, это и в самом деле корм для животных. Пришлось еще возиться с жестяным ведром, наполняя его зернами и высыпая их в кстати подвернувшееся корыто. Конек не облегчал ее задачи, норовя сунуться мордой под руку.

Закончив, Дис на подгибающихся ногах выбралась наружу и сердито крикнула:

— Эй, вы!

Бродившие по двору звери оглянулись. Их стало больше — подошли наиболее любопытные.

— Не смейте обижать моего коня, — предостерегла Ричильдис, не уверенная, что животные ее понимают. — Он не для того, чтобы вы им закусывали. Ступайте в лес, поймайте кого-нибудь! Только людей не трогайте — ясно вам?

Ответом ей послужили скулеж и короткие взлаивания. Наследница аквилонской фамилии поковыляла через двор, нерешительно толкнула



обитую войлоком тяжелую и низкую дверь дома и сунула голову внутрь. Мимо, слегка толкнув девочку мягким боком, проскочила рысь, пошла по темному грязноватому коридорчику, принюхиваясь, чихая и недовольно подергивая коротким черным хвостом. Ричильдис последовала за ней, выяснив, что избушка состоит всего из одной большой комнаты с низким потолком и подслеповатым окном, да нескольких чуланов, где хранились охотничьи и хозяйственные принадлежности. Сундуки и полки принесли добычу в виде изрядно сточенного кресала, пары слегка помятых чугунков и деревянных тарелок, с которых в прежние времена Диса и свою кошку бы кормить бы не рискнула, опасаясь, что привезенная из Турана четвероногая редкость отравится.

Ходившей следом рыси вскоре прискучило это занятие, и она улизнула. Ее сменил Гвен, белым ковриком улегшийся на пороге и принявшийся терпеливо наблюдать за хлопотами Ричильдис, отважно пытавшейся развести в сложенной из камней печке огонь и состряпать из найденных запасов подобие ужина. Острые волчьи уши настороженно шевелились, когда Дис выбрасывала очередную сгоревшую до угольков лепешку, неумело и зло чествуя окружающий мир, с таким пренебрежением относившийся к ее усилиям.

Она не заметила, как провозилась до наступления вечера. Чадившая печурка наполнила домик сизым дымом, и пришлось распахнуть все



двери в попытках проветрить избушку. Девочка уселась на покосившемся крыльце в одну ступеньку, белый волк пристроился рядом, сочувственно пыхтя. Ее подопечные разбрелись по округе, и Диса слышала, как они перекликаются между собой, копаются на крохотном огороде, бегают туда-сюда, точат когти о выступающие торцы бревен в стенах и лакают воду из текущего на задворках ручья. Нордхеймский конек, смирившийся с необходимостью жить в окружении хищников, топтался в сарае, порой шумно фыркал.

— Что мы будем делать завтра? — спросила девочка не то у самой себя, не то у свернувшегося на траве оборотня. — Куда пойдем?

Гвен неожиданно взвился в воздух, перепугав шарахнувшуюся в сторону Ричильдис. Зверь судорожно вертел мордой по сторонам, скуля и переступая с лапы на лапу. В лесу, темным зловеющим массивом покачивающимся за домом, кто-то пронзительно завыл, клич подхватили другие голоса — Дисе показалось, будто она сейчас оглохнет от взлетающего в ночное небо тоскливого звериного вопля. Она хотела убежать в дом и закрыться, подперев дверь чем-нибудь тяжелым, но, как прикованная, не могла двинуться с места. Что-то навалилось на нее, что-то более тяжелое, чем дневная усталость и незаметно подкрадывающийся сон, чему она не знала названия, и даже не могла сказать, опасно оно или нет. У нее кружилась голова, перед глазами мелькали радужные сполохи, порой затмеваемые



ослепительно белым сиянием, а потом девочка увидела подернутую утренним туманом лесную поляну и поняла, что стоит на ее краю. Середину открытого пространства занимал выложенный из высоких гранитных валунов круг, а на другой стороне прогалины, пристально смотря на нее, возвышался Зверь — огромный волк, едва не с лошадь ростом, пепельно-серый, с низко опущенной мордой и зелеными искорками глаз. Как ни странно, Дис его не испугалась — чем-то он походил на ее четвероногого приятеля Гвена, разве что размерами был куда крупнее.

— Ты придешь ко мне, — волк приоткрыл пасть, из которой вырвалось облачко дыхания. — Когда-нибудь непременно придешь.

— Я уже пришла, — Ричильдис внезапно захотелось помахать зверюге рукой, чтобы та ее заметила. — Вот же я, смотри!

— Еще нет, — огромная лобастая голова плавно качнулась из стороны в сторону. — Ты только в начале пути. Запомни это место — здесь мы и встретимся. Не бойся опоздать, не бойся сбиться с дороги, иди туда, где всходит солнце.

— А как мне быть сейчас? — крикнула Дис, заметив, что зверь начинает пятиться, постепенно исчезая за деревьями.

— Оставайся там, где ты есть, — туман сгустился, скрывая от нее поляну и молчаливые серые камни. — Жди завтрашнего заката. Уводи Стаю к Полунсчи. Приходи ко мне, когда подрастешь.



На замечание «когда подрастешь» девочка обиделась и хотела возмутиться, но тут обнаружилось нечто странное — она уже не сидела на крыльце, а валялась на боку подле него, причем Гвен настойчиво скреб ее лапой по плечу и толкал носом. Ричильдис подняла голову, с трудом смахнула с лица спутанные волосы, запоздало догадавшись, что потеряла сознание. Никаких призрачных огоньков и тяжести больше не было, звери не голосили, как проклятые души, а спать хотелось так, что глаза закрывались сами собой.

* * *

Ворожба, творимая на вершине одной из башен Вольфгардской цитадели, пронизывала весь замок, заставляя стонать камни и влияя даже на самых твердолобых и невосприимчивых к магии обитателей крепости. На следующее утро многие шептались о приснившихся кошмарах, метавшихся по пустынным галереям туманных видениях, сияющих лучах, прорезавших ночное небо, и, наконец, о частично обвалившемся парапете Волчьей башни и клубах едкого дыма, завершивших колдовской обряд.

Обитатель карцера в подвалах замка, коровавший летнюю ночь за довольно тоскливыми размышлениями о своей участи, при некотором усилии мог видеть проводимый ритуал, как наяву.

Вот с углов пентакля сорвались и начали рас-



ги, поднимаясь к небу и сплетаясь воедино, трепещущие под нездешними ветрами сверкающие нити Силы — зеленоватая, оранжевая, черная с огненной каймой и бледно-голубая. Опорой им служила яростно сверкающая белизна, исторгаемая той самой загадочной вещью в алмазном ореоле, которую ему довелось увидеть сегодня днем. Колеблющиеся спирали тянулись к звездам, а следом за ними медленно всплывал сыпавший алыми и золотыми искрами шар, похожий на готовое вот-вот раскрыться семя.

Если бы ему удалось проклянуться, выпустив на свободу таящееся в нем, церемонию можно было бы счесть удачно завершенной... но что-то пошло не так.

Сферу рассекли зловещие черные трещины, она замерцала, как задуваемое сильным ветром пламя, съежилась и померкла. Сотканные из колдовского могущества ленты рассыпались облачками тающих розовых капель, выводившие неслышную человеческому уху мелодию голоса оборвали свою песнь на пронзительно дрожащей скорбной ноте, и магическое сооружение рухнуло под собственной тяжестью.

Окутавшая Вольфгард древняя магия, против которой творилось умершее только что заклятие, осталась непобежденной, по-прежнему неспешно удаляясь в сторону Полуночного Восхода. Должно быть, девочка Ричильдис и подчинившиеся ей скогры бесцельно метались по землям Пограничья — а каких, спрашивается, разумных поступков стоило ожидать от десятилет-



него и донельзя избалованного ребенка? Чем она вообще там занимается, эта Диса Канах? Сидит на пеньке, рыдая в грязный подол? Надо все-таки было плюнуть на вырванное обещание и тайком последовать за ней. Даже если бы она заметила преследователя, вряд ли у маленькой принцессы достало бы духу натравить своих ручных тварей. Поскандалила бы и смирилась, зато Крэган Беспалый из Халогии находился бы на безопасном расстоянии от Вольфгарда, где его жизнь и магический талант слишком часто стали оказываться под угрозой.

Теперь Крэган сообразил, с кем решила столкнуть его судьба во дворе коронного замка Пограничья. Рабирийский выскочка, основатель и содержатель школы последователей учения Равновесия «Сломанный меч» на побережье Хорота, любимчик стареющей королевы Чабелы, всюю якшавшийся с гулями-кровопийцами. Об этом мрачном типе, его повадках и несговорчивом характере гуляло множество противоречивых слухов, не отрицавших его могущества и вместе с тем свидетельствовавших об открытом нежелании следовать давним традициям, сложившимся в отношениях между различными гильдиями чародеев. Одноглазый магик держался сам по себе, не вмешиваясь в дразги колдовских сообществ и не поддерживая ни одно из них. Белая Рука пыталась вызнать о нем побольше, особенно не преуспела и сочла, что Хасти — да, верно, он зовет себя Хасти, — пока не представляет опасности.



Возможно, это было правдой. Крэгана же больше волновало другое: ему мимоходом нанесли удар, который он, при всем своем умении, не сумел отразить; его заставили испытать боль и чувство полнейшей беспомощности, и, спрашивается, благодаря кому один из Верховных магов Круга Халогии опять скучает за решеткой? Стража замка очень быстро позабыла бывшие опасения вызвать неудовольствие Гипербореи и со всем усердием выполнила приказание еще одного чрезмерно самоуверенного типа, к старости еле-еле сумевшего подняться над своей прирожденной дикостью, то бишь Аквилонца.

Что ж, возвращаемся к тому, с чего начали — запертая на засов камера, кандалы со следами ржавчины, караул под дверями — и полнейшая неизвестность впереди. Что они собираются предпринять: заточить его тут до конца дней, вздернуть по какому-нибудь наскоро состряпанному обвинению или же с позором выслать в Халогу?

Беспалого не устраивала ни одна из этих возможностей. Он мечтал о мести. О достойном возмездии всем, посмеявшимся встать на его пути, начиная от вздорного болтуна-митрианца и заканчивая нелюбимым магом из Рабириков.

Чрезвычайно трудно мстить, будучи запертым в подвальной камере, прикованным к стене и почти лишенным колдовской силы. Впрочем, последнее как раз не помеха — Крэган не сомневался в своей способности избавиться от уз, насильственно соединивших его с жертвами Разде-



ления Душ. Пусть он добьется этого через месяц или год, но непременно добьется.

Хастии же должен получить по заслугам в ближайшем будущем. Если заключения гиперборейца верны — с какой стати им быть неверными? — то безумная попытка Выскочки одолеть Слово Исенны только что потерпела неудачу. Он упрям, как осел, и попытается снова. Но уже не в Пограничье, а в любезных его сердцу Рабирийских холмах, где наверняка творится сущий кошмар. Аквилонский варвар с семейством, если верить слухам, тоже засобирались в дорогу. Стало быть, завтра или послезавтра они покинут Вольфгард.

У одноглазого не должно возникнуть никаких подозрений до того момента, когда поворачивать назад и искать виновника будет уже поздно. Еще вчера маг из Халогии сплел бы заклинание, медленно и незаметно разъедающее душу и тело неугодного ему человека, но теперь придется искать способ обойтись почти без применения чародейства.

Половина решения задачи уже находилась в руках колдуна. Сколь тщательно его не обыскивали, Крэган сохранил не меньше десятка крохотных и чрезвычайно полезных вещей, зашитых в складки одежды, припрятанных в поясе и отворотах сапог, и, наконец, открыто находившихся на виду и выглядевших обыденными принадлежностями костюма. Да что там говорить, в случае необходимости он мог извлечь пару-тройку сюрпризов из самого символа его принадлеж-



ности к Братству Белой Руки, открыв блестящий эмалевый значок, словно плоскую шкатулку.

С второй составляющей наверняка придется изрядно повозиться. Требовался сообщник: тот, кто сможет прийти к гиперборейцу, забрать снадобье и выполнить полученные указания. Человек, присутствие которого рядом с Хасты не вызовет подозрений. Некая личность с податливым и смятенным рассудком, легко поддающаяся внушению извне и не всегда отдающая себе отчет в собственных деяниях. Крэган мог назвать по меньшей мере три подходящих имени, но все они находились на достаточном расстоянии от подземелий Цитадели. Не беда — подма-ним.

В подвале не имелось окон, но чутье подсказывало магу, что снаружи тянется глухое полуночное время, третий или четвертый ночной колокол, когда поневоле задремывает самая бдительная стража. Даже участники ритуала на башне давно разошлись по своим покоям, а прочие обитатели замка давно и мирно спят. Тем лучше для него.

Поерзав, Крэган уселся поудобнее, привалившись спиной к слегка влажной и холодной стене. С легким щелчком приоткрылся значок в виде человеческой кисти, скрывавший в себе несколько маленьких отделений. Аккуратно действуя длинным ногтем среднего пальца, маг из Халогии извлек наружу три продолговатых зерна размерами с виноградную косточку, но отливавших багряно-лиловым цветом. Скривившись, од-



но за другим проглотил их, отсчитывая про себя текущие мимо мгновения. Зернышки неспешно таяли, оставляя после себя на языке холодное онемение, постепенно распространявшееся все дальше и дальше. На десятом или пятнадцатом ударе сердца погруженная в сумрак камера дрогнула, отступая, растворяясь, сменяясь колеблющимся блекло-синим туманом, сквозь который тусклыми светлячками мерцали огоньки человеческих душ.

Нужный Беспалому человек отыскался на удивление быстро — в нижнем дворе Цитадели. Будущий посланец пребывал в состоянии тягостной дремоты и даже не понял, что заставило его посреди ночи встать и, пошатываясь, отправиться ко входу в подвалы, продолжая считать это затянувшимся сном.

— Сюда, сюда, — беззвучно выпевал Крэган. Любой стражник, коему приспичило бы заглянуть сквозь малое зарешеченное оконце в дверях камеры, счел бы, что гипербореец задремал. Вот только высохший и омертвелый перст на правой руке колдуна неспешно двигался, словно обретая самостоятельную жизнь, чертя сложный узор, похожий на паутинные хитросплетения. — Иди, иди...

Шаг за шагом, по лестницам и арочным проходам, мимо редких караулов, охватываемых в нужный миг зевотой или уверенностью, что проходящий мимо человек имеет право находиться здесь в столь странное время. Больше всего магик опасался заминки подле входа в ка-



меру — он сам не в силах дотянуться до дверей, призванный вряд ли сумеет раздобыть ключи, а любая трудность рискует пробудить околдованный рассудок. Поразмыслив, Крэган решил метнуть нужную склянку к двери и слегка подтолкнуть ее с помощью слабенького заклинания. Действие лиловых зернышек, на краткое время увеличивающих магическую силу, еще не закончилось, значит, он сумеет это сделать. Где там мешкает это неудачливое создание? Наконец-то пришло — невнятный шорох в коридоре, тень, мелькнувшая за оконцем на фоне уныло чадавшего факела.

Гиперборецу пришлось придерживать левой рукой правую и вложить в бросок все имеющиеся силы, однако получилось не совсем то, на что он рассчитывал. Цепи противно громыкнули, маленькая капсулка из зеленоватого фарфора проскакала по каменному полу и остановилась на расстоянии ладони от щели под дверью. Снаружи обеспокоено завопили, потом внизу блеснуло что-то длинное и острое — у посланца хватило ума захватить нож. После нескольких мучительных попыток он все-таки добился успеха, подцепив крохотный сосуд лезвием и перетащив его на свою сторону, а Крэган облегченно перевел дух. Остается только внушить призванному человеку, как именно надлежит поступить с содержимым бутылочки и как избавиться от уличающего предмета. Проще простого — словно вывести на покрытой мягким воском табличке строчку знаков. Рабирийского забияку теперь



может спасти только удача, а, по слухам, эта переменчивая нравом особа не слишком-то благосклонна к одноглазому магику.

*4 день Второй летней луны.
Около полудня.*

Хлопотливое столпотворение подле Снежных ворот означало, что кто-то намеревается в ближайшее время покинуть Цитадель, и сейчас идут последние приготовления. Собственно, в дорогу отправлялось два отряда: большой, с охраной почти в полтора десятка воинов, с двумя-тремя заводными лошадьми на каждого из путников, и совсем маленький, состоявший всего-навсего из двух мужчин и девицы. Первому отряду надлежало, покинув Вольфгард, двигаться в направлении Полночного Восхода, второму — мчаться на Полдень, к той не слишком четко определенной линии, что разделяет земли Пограничья и владения великой Немедийской империи.

Силы, гнавшие в путь обе группы, звались долгом и необходимостью, а предшествовали им несколько разговоров, состоявшихся нынешним утром в одном и том же месте — на втором этаже полуденного крыла жилых помещений замка короны, в покоях, отведенных высоким гостям из Аквилонии.

— ...ради чего мне сдалась лишняя обуза в десятках человек, которые больше пригодятся тебе



самой в обратной дороге? Йен, ты еще предложи выслать вперед герольдов, чтобы они голосили на всяком перекрестке: «Дорогу королю!». Тогда к началу зимы мы точно доберемся — застревая на каждом захудалом постоялом дворе, потому что там нет лошадей, годных для коронованной особы, и задерживаясь на седмицу в любом городке, ибо обыватели горят желанием выказать свое безмерное... Нас троих вполне хватит. Я соглашаюсь взять Изумруд только потому, что, коли оставить ее здесь, она немедля улизнет и бросится в погоню.

— Если отправить вас втроем, то для начала вы напрочь заморочите бедной девочке голову, а потом убедите друг друга, что неплохо бы заодно наведаться куда-нибудь в Шадизар или в Аграпур. Посмотреть, многое ли там изменилось со времен вашей буйной молодости, — пресекла рассуждения супруга Женна Канах. — Знаю я вас! Вроде бы взрослые люди, но стоит вам остаться без присмотра, как вы тут же обо всем забываете. А я вовсе не горю желанием общаривать весь Материк в поисках своих близких, потерявшихся неизвестно где!

Баронетта дия Монброн, делавшая вид, будто внимательно изучает развернутый на столе чертеж Закатных земель, героически подавила совершенно неуместный смешок. Ерзавший по соседству Лаэг глянул на нее, соорудил гримасу и ехидно фыркнул, прошипев:

— Матушке позарез хочется ехать с вами, вот она и придирается...



— Хасты! — Зенобия решила приискать себе союзника в лице удрученно молчавшего Рабирийца, все утро потягивавшего казавшуюся бездонной чашу с вином. — Скажи хоть ты этому старому упрямцу: для него уже неместно и недостойно шляться по дорогам, прикидываясь простецом!

— А почему, госпожа? — обманчиво простым тоном уточнил одноглазый. — Я вот сколько себя помню, почти всегда путешествую в одиночку... И потом, Конан прав: нам совершенно незачем привлекать внимание. Дюжина гвардейцев, сопровождающих некое важное лицо — это неизбежный шум, расспросы, сплетни, подозрения. Три человека, спешно едущих по какой-то надобности — совсем иное дело. Им легче проскочить незамеченными, проще добыть лошадей и припасы...

— Вот-вот, — поддержал рассуждения магика правитель Аквилонии. — Будет тебе спорить, Йен — все решено. Ни в какой Шадизар я не поеду, обещаю. Только до Рабиров. Заберу Конни, гляну, что там да как, и сразу в Тарантию, — он придвинул к себе три пергаментных листа в зеленой окантовке, заполненных четким казенным почерком и украшенных понизу печатями на кожаных шнурках. На печатях красовался шагающий на задних лапах коронованный лев, а текст грамот объявлял «подателя сего» гонцом Аквилонского трона с правом невозбранного пересечения границ дружественных стран и дозволением брать на почтовых станциях любых ло-



шадей, числом не более трех единовременно. — Так кем мы станем? Может, баронетта Монброн повезет некое важное послание, а мы изобразим ее охрану?

Воображение Айлэ немедленно представило живописную картину: она сама, странствующая в компании с парочкой стареющих, однако все еще лихих и неугомонных рубак, каковыми, вне всякого сомнения, являлись Конан и рабириец. Ей стало слегка нехорошо.

— Грабители на дорогах будут разбегаться с криками ужаса, едва завидев ваше приближение, — подлил масла в огонь Лаэг. Дженна глянула на баронетту с легким сочувствием и выразительно покачала головой.

— Ой, то есть вы будете моими телохранителями? — сладко пропела девушка, решив, что терять ей более нечего. — Я так польщена, Ваше величество! И вы будете ночевать у дверей моей комнаты? И чистить мне сапоги всякое утро? И еще...

— Сейчас запишу тебя злодейкой короны, препровождаемой для суда и публичной казни в Мессантию, — посулил Лев Аквилонии, отвлекшись от заполнения пергаментов. — Закуем тебя в цепи, напьем мешок на голову и повезем в таком виде. Подумать только, и это порождение тьмы ночной, эта злоязыкая кровопийца, стремится окрутить моего сына!

— Зачем вообще составлять на нее какие-либо подорожные? — встрял наследник престола. — Предположим, вы двое ехали по своим делам,



а ее прихватили для оказания мелких услуг и... э-э...

— Лаэг, — холодно окликнула драгоценного отпрыска Зенобия. — Придержи язык, если не хочешь оказаться за дверью.

— Извините, госпожа баронетта, — выражение физиономии подростка немедленно преисполнилось самого искреннего и чистосердечного раскаяния. — Айлэ, ну не сердись! Я опять сперва сказал, а потом подумал!

— Хорошо еще, что вообще подумал, — вполголоса буркнул Хасты и, прислушавшись к еле различимым звукам в коридоре, сообщил: — Сюда кто-то идет.

Спустя мгновение по створкам вежливо постучали, и заглянувший после высочайшего разрешения гвардеец доложил:

— Дама Эмерельд просит дозволения переговорить с Ее величеством.

— Эмерельд? — переспросила Дженна, вопрошительно нахмутив брови. — Впустите, конечно. Она не сказала, что ей нужно?

Воспитательница Принцессы Дисы, лишившаяся своей подопечной, весь минувший день провела, маясь в равной степени головной болью после насланного на нее колдовского сна, и терзаниями совести относительно участи маленькой Ричильдис, потерявшейся где-то в бескрайних лесах Пограничья. Сегодня утром, судя по решительному виду почтенной дамы, она приняла некое решение и собиралась отстаивать его пред ликом сильных мира сего.



— Эмерельд, что случилось? — опередил вопрос жены Конан. — Только не вздумай опять просить прощения за то, что позволила увести Дис. Мы же договорились — никто тебя не обвиняет. У тебя все равно не достало бы ни сил, ни возможности помешать этому треклятому гиперборейцу. Скажи спасибо, что ты вообще осталась жива.

— Благодарю за теплые слова, Ваше величество, однако они не уменьшат тяжесть моей вины, — Эмерельд присела в поклоне и продолжала говорить, упрямо не поднимая головы, накрытой сеткой из серебряных ниточек. — Вы доверили мне истинное сокровище, свою дочь, а я не оправдала этого доверия. Поэтому я пришла просить о величайшей милости — позволить мне удалиться от двора и отправиться на поиски моей маленькой госпожи.

— Куда? — осеклась аквилонская королева. — Эмерельд, да ты сознаешь хотя бы, что говоришь? Ты всерьез намерена в одиночку рыскать по здешней глухомани? Мое сердце обливается кровью при одной мысли о том, где может находиться Ричильдис, как ей трудно и одиноко, но... Похоже, моей дочери выпала очень причудливая судьба, и с этим трудно спорить.

— Я поеду не в одиночестве, — спокойно возразила придворная дама, — поскольку этот замысел принадлежит не только мне.

— И у кого же достало безумия поддержать тебя? — осведомилась Дженна, растерянно глядя то на невозмутимую наставницу, то на своего



супруга и сидевших за тем же столом Хасты и баронетту Монброн.

— Собственно, план задуман Нейей Равартой, — предвидя возражения, Эмерельд торопливо пояснила: — Да, бедная девушка кажется не совсем пришедшей в себя... Тем не менее, рассуждает она вполне здраво. Она страшится пребывания в городе и полагает, что, находясь поблизости от госпожи Ричильдис, сумеет окончательно исцелиться. Ей необходимо понять, кто она: волчица или человек. Нейя утверждает, якобы в силах отыскать нашу принцессу — самостоятельно или с посторонней помощью...

— Эклинг, — внезапно подал голос одногоглазый магик. — Она предлагает пустить по следу девочки Эклинга, верно? — женщина кивнула. — Что ж, неплохое решение... Ему тоже не стоит здесь находиться — он опасен для людей. Там, в лесах, ему может стать лучше. С вашим появлением Ричильдис будет под надлежащим присмотром, а то и в самом деле негоже, чтобы маленькая девочка пребывала одна среди диких зверей. Кто еще желает пойти с тобой, госпожа Эмерельд?

— Гвардейцы, что стерегли покои Ее высочества и не сумели уберечь ее, — перечислила Эмерельд. — Дорис, служанка принцессы. И... и месьор Тотлант, здешний придворный маг.

— Его-то какая оса укусила? — не понял варвар, в отличие от своей супруги и отпрыска, переглянувшихся и сразу же назвавших причину: «Эш'Шарвин».



— Ну и что? — пожал плечами Конан. — Эка невидаль, подружка ушла к другому. Случается сплошь и рядом. Это не причина, чтобы бросать все и посыпать голову пеплом, или что у них, в Стигии, принято делать в таких случаях? Жаль Тотланта, само собой, но неужто он всерьез думал надолго удерживать при себе такую молодую и горячую девицу?

— Каково ему будет каждый день сталкиваться с ней в крепости или на городских улицах? — неожиданно для самой себя негромко произнесла баронетта Монброн, хотя ее мнения никто не спрашивал. — Думать о том, чем он владел и потерял? Конечно, ему хочется поскорее уехать отсюда. Может, потом он вернется — когда пройдет время, а бывшие раны затянутся сами собой.

— Ты действительно так считаешь? — раньше Айлэ не смогла бы выдержать устремленный на нее ярко-синий, ничуть не померкнувший с годами взгляд властителя Аквилонии. Теперь, после пережитого в Заповедном Краю, она ощущала себя немного другой — повзрослевшей, ставшей капельку мудрее — и потому не потупила глаза, как обычно, но сдержанно кивнула. Заметивший этот мгновенный поединок Лаэг украдкой показал девушке сложенные крестом пальцы в знак пожелания удачи. — Ну-у, тогда... Госпожа Эмерельд, когда ты и твои спутники намеревались отправиться в свой поиск?

— Сегодня после полудня, если будет на то разрешение Вашего величества, — церемонно откликнулась придворная дама.



— Йен? — киммериец повернулся к супруге. — Я отпущу ее, если ты согласишься. Пусть попытаются. Все равно ты еще два или три дня пробудешь в Вольфгарде, да и почтенный Озимандия вроде хотел здесь задержаться. Если выяснится что-нибудь об участии Дис, ты узнаешь об этом первой. К тому же с ними желает идти Тотлант... Он наверняка доподлинно разберется, какая магическая напасть свалилась на нашу девочку и как с этим быть.

— Помяни мое слово: твой стигийский приятель внушит Ричильдис мысль о том, что ее призвание — стать колдуньей, — раздраженно отозвалась Джэнна. — Хорошо, Эмерельд, поезжай. Только, ради всех богов, будь осторожна. Я распоряджусь, чтобы у вас была какая-нибудь охрана.

Воспрянувшая духом придворная дама торопливо удалилась — извещать своих единомышленников и готовиться к походу. Следом за ней откланялись баронетта Монброн и Хасты, сообразив, что их присутствие сейчас излишне: правилу Аквилонии и его подруге необходимо перерасставанием побеседовать без посторонних глаз.

Это смекнул даже наследник фамилии, украдкой выскользнувший вслед за Айлэ в коридор и грустно спросивший у магика:

— Меня, конечно, не возьмете ни при каких условиях, да? Даже если я пообещаю молчать, как рыба, исполнять все ваши поручения и никогда-никогда не спорить?



— Тебе совершенно нечего там делать, — отрезал Хасти. — В Рабирах без тебя полно хлопот. Может, когда все устроится...

— Тогда будет неинтересно, — стоял на своем подросток. — Подумаешь, еще одна обычная страна, где не происходит ничего особенного. Я хочу сам, своими глазами увидеть, что там сейчас делается!

— Мы тебе расскажем, когда вернемся, — пообещала Айлэ. Лаэг обидчиво фыркнул:

— Расскажите, как же! Конни начнет хвастаться и наврет с три короба, папа отмахнется, мол, ничего особенного, а ты вообще всегда отмазываешься... с этой своей загадочной улыбочкой! — он вдруг рванулся вперед, свернул на боковую лестницу и побежал вниз, выстукивая частую дробь по ступенькам.

— Мальчику хочется своей доли подвигов, — без малейшей насмешки отметил Хасти. — Подобно всем детям, он полагает, будто к тому времени, когда он вырастет, в мире не останется никаких достойных его свершений.

— Да он просто завидует старшему брату, вот и все! — возразила баронетта.

— Возможно, — не стал спорить рабириец, и, решив перейти к более насущным вопросам, осведомился: — Тебе нужно что-то собирать в дорогу? Нет? Тогда прогуляемся на конюшни, взглянем, отыщется ли там хоть парочка достойных скакунов.



* * *

После некоторых хлопот им удалось отобрать шестерку подходящих лошадей, воспользовавшись тем, что уцелевшая обслуга замковых конюшен всецело занята помощью собирающемуся в дорогу отряду единомышленников дамы Эмерельд. Хасти заявил, что подобная суета как нельзя кстати — она отвлечет внимание обывателей, которым вовсе ни к чему знать об отъезде Аквилонца и устраивать ему шумные проводы.

Лишний раз убедившись, что все необходимое разложено по седельным сумам, приторочено и не забыто, баронетта Монброн и одноглазый вывели три пары лошадей в нижний двор, привязали их под навесом и скромно пристроились поодаль, в тени высокого каменного крыльца, ожидая прихода недостающего участника их компании.

Вскоре выяснилось, что по неосторожности они избрали для себя довольно шумное и оживленное местечко — чуть дальше, шагах в двадцати, находился вход в полуподвал, где располагались дворцовые кухни.

Туда и обратно постоянно шныряли с поручениями слуги и поварята, иногда наплывала ошутимо густая волна запахов, а затем со стороны Купеческих ворот подъехала телега, груженная ящиками с зеленью. Вспыхнула оживленная перебранка касательно оплаты товара и того, на чью участь выпадает перетаскивание сочившихся влагой плетеных коробов.



Девушке Монброн изрядно поднадоело раздающиеся над ухом крики, да к тому же наступающий день выдался слишком жарким. Солнце, казалось, повисло прямо над Вольфгардским замком, ярко отражаясь в черепицах и оконных стеклах, придавая желтым и зеленоватым камням стен сухой зернистый блеск. Она покосилась на рабирийца — неужели тому все ни о чем? — и с мимолетным злорадством отметила, что ее обычно бесстрастный спутник выглядит не лучшим образом. Маска валялась на выжженной солнцем траве, а на живой половине лица явственно читалось с трудом сдерживаемое раздражение.

— Хочешь, схожу и спрошу, долго ли еще ждать? — предложила Айлэ, не торопясь, впрочем, вскакивать с деревянной колоды, гладко отполированной множеством сидевших здесь до нее людей.

Девушка уже не раз похвалила себя за то, что догадалась выпросить у фрейлин Зенобии парочку легких охотничьих костюмов. Демон с ними, с приличиями — никогда больше она не отправится в дальний путь, нацепив неудобное и душное платье, чтобы жариться заживо и цепляться подолом за все встречные колючки.

— Сиди, — отмахнулся магик и внезапно рывкнул, едва не насмерть перепугав стайку трудившихся в кухнях мальчишек, выскочивших во двор передохнуть и поболтать: — Эй! Найдутся желающие малость заработать? — он щелкнул пальцами, и, блеснув ребром, в воздухе



кувырнулся маленький серебряный талер. Болтуны немедленно замолчали, проводив монетку жадными взглядами и сделав пару осторожных шажков в сторону пугающего одноглазого типа. — Есть такие? Кто быстро сбегает в подвалы и добудет мне кувшин эля — очень большой и прямо с ледника, — тот и разбогатеет. Одна нога здесь, другая — там!..

— Мне тоже чего-нибудь принесите! — крикнула в спину сорвавшимся с места поварьям Айлэ, уверенная, что ее не услышат.

Требуемый эль прибыл вместе с нескладным юнцом, таращившимся на Хасты с изрядной долей страха, но все-таки оказавшимся посмелее своих дружков. У мальчишки достало сообразительности захватить угощение и для баронетты Монброн — вместительную оловянную чашу, осыпанную светлыми каплями воды, в которой плескалось нечто густо-черное, с кисловатым ягодным привкусом и обжигающе студеное. Хасты вцепился в свой ненаглядный кувшин, как утопающий в соломинку, жадно отхлебнув сперва прямо из горлышка и только потом заметив, что ему принесли кружку. Поваренок, запинаясь, пожелал гостям Вольфгарда доброго дня, сгреб честно заработанный талер и сбежал к приятелям — должно быть, делиться впечатлениями.

Лязгнула, приоткрываясь, двустворчатая дверь в железных кованых полосах. Айлэ и рабириец встрепенулись, решив, что наконец-то явился Лев Аквилоний, однако на крыльцо вышла Нейя



Раварта, одетая в скромное дорожное платье, с увесистым мешком в руках и рассеяннопечальным выражением лица. Признав сидевших внизу людей, она слабо улыбнулась и спустилась вниз, так тщательно ступая со ступеньки на ступеньку, словно боялась упасть.

— Уезжаете? — спросила Нейя, благополучно преодолев лестницу и опустив свою ношу на ступени. — На Полдень, верно?

— Уезжаем, — подтвердил магик, с величайшей неохотой поднимаясь на ноги.

— Я знаю, вы пытались нам помочь, — госпожа Раварта, словно деревенская простушка, смущенно теребила кончик длинной белокурой косы, старательно отводя взгляд в сторону. Ей, должно быть, пока не доводилось видеть Хасты без его кожаной личины, и Айлэ ее не осуждала — зрелище было довольно неприятным. — Жаль, что ничего не получилось...

— Значит, получится в следующий раз, — убежденно заявил рабириец. — Не огорчайся так, госпожа Нейя — рано или поздно мы найдем способ вернуть Карающую Длань к прежней жизни...

— И его тоже? — кивком головы девушка указала на здорового волка в широком ошейнике, которого на растяжках провели мимо двое аквилонских гвардейцев. Зверь глухо порывал, ероша шерсть на загривке, но плелся за людьми. — А как думаете, сколько времени должно минуть, чтобы забылась Кровавая Ярмарка и вернулось утраченное доверие? И что



скажут люди, когда известие о том, что Вольного Пограничья больше нет, достигнет самых отдаленных уголков?

— Нейя, послушай... — попыталась вмешаться баронетта Монброн, но госпожа Раварта только вздохнула и ушла следом за своим другом, вряд ли догадывавшимся, что вслед за утратой человеческого облика он в скором времени рискует потерять и так тяжело доставшееся право на королевский титул.

— Вот вы где, — правитель королевства Аквилонского умудрился подойти к ожидавшим его людям совершенно незамеченным, заставив Айлэ вздрогнуть. На какое-то длинное мгновение ее глаза и разум вступили в спор: является ли стоящий рядом незнакомец той же личностью, что и владелец Тропа Льва? Да, рост и комплекция вроде бы одинаковы, но... — Можем отправляться. Йен обещала присмотреть тут за порядком, прежде чем уехать в Аквилонию, а если все пройдет благополучно, то к осени я сам сюда наведу. Айлэ, закрой рот — ворона влетит и гнездо совет. Хасты, отдай кувшин, пока не лопнул от жадности.

— Вот такой он и есть на самом деле, — язвительно хмыкнул рабириец, демонстративно переворачивая глиняный сосуд вверх дном. Оттуда вытекло несколько чудом уцелевших капель. — А королем он только прикидывается для развлечения.

— Теперь поняла, — оторопело бормотала баронетта, подтягиваясь и забираясь в седло. Гря-



душнее путешествие внезапно предстало в совершенно неожиданном свете, а испытания, пережитые в Заповедном Краю, показались по сравнению с ним сущей безделицей.

Они проехали под аркой Снежных ворот, миновав холодную гулкую темноту барбикена и вновь оказавшись на ярком солнце. Десяток обывателей, собравшихся на площадке у ворот замка послушать герольда и обменяться новостями, глянули на них без всякого удивления и даже помахали вслед.



Глава вторая

Пепел и огонь



*4 день Второй летней луны.
Вольфгард, столица Пограничья.*



казать по правде, задворки дровяного сарая — не самое посещаемое место, и неудивительно, что свернувшегося в тесном и темном простенке человека обнаружили по совершеннейшей случайности. Произошло это около седьмого вечернего колокола, и исключительно благодаря тому, что кто-то из пробежавших мимо по своим делам замковых челядинцев заинтересовался причиной, по которой возле сарая носились, ошалело лая и пытаясь забраться в щель, несколько псов, обыкновенно крутившихся неподалеку от кухонных подвалов.

Отгнав собак, любопытствующий обитатель замка на скорую руку соорудил из палки и куска



тряпки подобие факела, запалил его и сунулся в подозрительный проем. Узрев лежащий там неподвижный куль, вокруг которого натекала изрядных размеров темная лужа, по большей части успевшая впитаться в землю, челядинец охнул и припустил за стражниками.

Трое прибывших гвардейцев решили сперва выяснить, не является ли скрючившееся тело жертвой давешнего налета скогров, доселе не найденной отрядом, собиравшим разбросанных по замку мертвецов, или одержимым оборотнем, подраненным во время ночного штурма, заползшим сюда в поисках укрытия да так и помершим.

Протиснувшийся в узкий проход страж порядка разочаровал сотоварищей, вначале крикнув, что труп наверняка еще нынешним утром ходил собственными ногами, а затем — уже потише — добавив: «Эй, да ведь у него нож в брюхе торчит...»

Выходило, что скогры вроде как не при чем: при всей их кровожадности никакому зверю в жизни не удастся взять в лапу клинок и воспользоваться им. Зачем оборотню, прекрасно обходящемуся собственными клыками и когтями, прибегать к помощи людского оружия? Стало быть, как здраво рассудил блюститель постарше, тут налицо насильственное умерщвление, заниматься разгадкой которого надлежит умникам из Дознавательной управы. Только поди, сыщи хоть одного из них — Управа, говорят, сгорела дотла, служащие разбежались кто куда, и...



— Так это за ширрифом посылать надо! — с некоторым запозданием сообразил гвардеец, припомнив, что капитан городской стражи вроде как перебрался в замок короны, и к нему начали собираться уцелевшие подчиненные. — Мертвяка пока с места не трогать, а вот ты беги-ка к месьору Грайтису, он нынче в Медвежьей башне проживает. Извести его, что мы тут отыскиали. Может, его милость сам захочет глянуть. Или пусть хотя бы скажет, чего с этим покойником делать — сразу хоронить или малость обождать. Только лишнего шума не подымай, а то сюда полкредности сбежится.

Ждать пришлось не слишком долго, менее трети колокола, однако тени на стенах и траве успели потемнеть и вытянуться, окутывая уголки крепости сизыми полотнищами наступающих сумерек. Вдоль крепостных зубцов начали один за другим вспыхивать оранжевые пятна факелов, когда из подкрадывающейся темноты вынырнула цепочка покачивающихся огоньков масляных ламп. Ширриф явился в сопровождении двух своих людей и державшейся в отдалении девицы, закутанной в черно-лиловую хламиду — магички Ренисенб эш'Шарвин, казавшейся мрачнее и опаснее голодного скогры.

Увидев приближающегося человека, призванного отвечать за порядок в городе, стражник невольно поежился. Может, митрианский монах не так уж ошибался, крича давешним утром, мол, мертвецам не должно пребывать среди живых? Пусть бывшие в столице волшебники стократно



твердили, что месьор Грайтис жив, но трудно было им поверить, глядя на типа без единой кровинки в лице. Вдобавок движется он, ровно кукла на ниточках, что показывают в лицедейском балагане, а белые, словно выпцветшие и неживые волосы раскачиваются при этом взад-вперед. И смотрит как-то... не на тебя, но сквозь тебя. В общем, с подобным человеком вряд ли кому захочется потолковать по душам за кружечкой-другой.

— Что у вас? — из голоса Грайтиса напрочь исчезли все интонации. Внятная, сухая речь, будто ему известно все на свете и больше ничего не интересует. Он пренебрежительно отмахнулся, даже не став дослушивать ответ гвардейца, а немедленно сунулся в пропахший стынущей кровью тупик. Бледно-желтые отсветы фонаря запрыгали по замшелой и покосившейся стене сарая, по каменной кладке и зарослям бурьяна, кое-где поломанного и потоптанного. Стигийская чародейка, не удержавшись, тоже подошла ближе, опасливо заглянув в узкий проем. Стражник опасался, что та, как всякая женщина, немедленно кувyrнется в обморок, но колдунья оказалась стойкой и только поморщилась. Должно быть, за последние дни свыклась с мыслью, что смерть бродит неподалеку.

Магичка тем временем подобрала подол длинного одеяния и решительно полезла вслед за шпиррифом. Гвардейцы и сыскные дружно насторожили уши, прислушиваясь к долетающим из тупика отрывистым репликам.



— Случаем, не знаешь, кто это может быть? — Грайтис поднял фонарь повыше, чтобы как следует осветить скорчившегося едва ли не вдвое мертвеца, при жизни бывшего тощим мальчишкой лет пятнадцати, одетым в потрепанную холщовую рубаху блекло-зеленого цвета и такие же штаны.

— Вроде нет, — госпожа эш Шарвин наклонилась вперед, озадаченно шурясь. — Это же совсем ребенок! Неужели кто-то затащил его сюда и убил?

— Сомневаюсь... Рени, отойди немного... — Грайтис с некоторым усилием присел на корточки, пристально вглядываясь в окостеневшие ладони, плотно сомкнувшиеся вокруг узкой рукояти ножа, вырезанной из косульего рога. Некогда она была светло-коричневой, но за долгие годы вытерлась до грязно-серого оттенка. Лезвие и даже нижняя часть рукояти глубоко ушли в живот, распоротый зияющей раной в почти в два пальца длиной, кровавым зигзагом протянувшейся к нижним ребрам.

— Не сам же он сотворил над собой такое! — не выдержала затянувшегося молчания стигийка, безнадежно сражаясь с подступающей тошнотой. — Я не берусь давать тебе советы, но, может, стоит вынуть нож и глянуть, нет ли там чьей-нибудь метки?

Ширриф оглянулся через плечо, и под его тяжелым, неподвижным взглядом Ренисенб мигом прикусила язык.

— Именно что сам, — нехотя проговорил



Грайтис. — Пришел сюда, достал нож и всадил его в собственные кишки. Остается только понять, по какой причине существу юнцу понадобилось сводить счеты с жизнью. Касательно лезвия ты права — сейчас я его вытащу. Посмотрим, где мальчишка его раздобыл.

— Погоди, — нерешительно протянула руку колдунья, — а если... если ты опять что-нибудь увидишь?.. Что-нибудь с иной, обратной стороны жизни?

— Он же мертвый, — отверг возражения подруги ширриф, и, прежде чем она успела вмешаться, точным движением ухватил верхушку рукоятки ножа, потянув ее на себя.

...Огромные серые хлопья кружатся, точно первый снег, неспешно опускаются на гладкую, беспросветно-черную и вязкую поверхность, еле заметно качаются на ней. Сквозь круговерть с грудом различается нечто, похожее... да, похожее на каплю, мерцающую изнутри тусклым болотным отсветом. Она беззвучно падает в черноту и тонет, уходя все глубже. Прodelанная ею воронка начинает стремительно вращаться, затягивая в себя пепельные хлопья и при этом отдаляясь, пока не становится чрезвычайно знакомым и обыденным предметом — глиняным кувшином с надколотым горлышком. Потрескивает догорающий факел, откуда-то течет шепот — липкий, настойчивый, призывающий... мимо плывут стены погруженного в темноту коридора, упираясь в запертую дверь с маленькой отдушиной, перекрещенной прутьями



решетки... Приказывающий шепот струится из-за этой двери, ему никак нельзя сопротивляться... Серебряная монетка взлетает в воздух, запотевший кувшин переходит из рук в руки, трое всадников выезжают за ворота... Поручение исполнено, издыхающая рыбина скачет по столу и бьет хвостом, надо бы вытереть кровь... Кто там, за дверью?.. Он расплатился настоящим талером, а сам был похож на демона с Серых Равнин и теперь вернется туда, откуда взялся, а лезвие у ножа такое длинное и узкое... Нет боли, ничего нет, только падающие хлопья пепла, уезжающие всадники и голос кричащей где-то вдалеке женщины...

— Вернись! Вернись немедленно! — стигийка еле успела подхватить выпавший из рук Грайтиса фонарь прежде, чем горящее масло плеснулось через край. Взглянув в лицо ширрифа, Ренисенб коротко и испуганно ахнула — это же настоящий череп, обтянутый тонкой, готовой вот-вот порваться кожей, обрисовавшей каждый выступ и каждую косточку. Провалившиеся вглубь глаза закрыты, и, сохрани нас Всеведущий Змей, он, кажется, опять не дышит!

Позже чародейка искренне ужасалась — как только ей могло придти в голову трести ушедшего на изнаночную сторону бытия человека в попытке насильно возвратить его обратно?

Тогда же эта идея показалась наиболее подходящей и действенной.

Иное дело, что, стоило ей дотронуться до Грайтиса, как магичка немедля утратила пред-



ставление о различиях между жизнью, смертью и колдовскими наваждениями. Раньше, прежде чем сунуться в неизведанное, она обязательно создала бы нить, позволившую ей в случае опасности мгновенно вернуться в обычный мир, но сейчас все произошло настолько внезапно...

И, к счастью, быстро. Единственное, что успела разглядеть эш Шарвин — приземистую дверь в торце темного коридора.

Внутри ее погасшего и выгоревшего дотла кольца Посвященной робко вспыхнул неяркий бледно-желтый огонек, призывно манящий за собой. Ренисенб закашлялась, пытаясь избавиться от заполнившей рот и нос несуществующей воды — ей померещилось, будто она всплывает со дна глубокой заводи, едва не ставшей для нее последним приютом. Спустя несколько ударов сердца расплывающийся мир вернулся к прежним четким очертаниям. Стигийка по-прежнему находилась в узком, темном тупике, намертво вцепившись в плечо упавшего на колени человека. В проулок заглядывали чьи-то встревоженные лица, свет фонарей тускло отражался от тонкого клинка, покрытого разводами крови. Грайтис все-таки извлек нож из раны, и покойник, словно лишившись поддерживающей его опоры, с глухим утробным бульканьем перевалился на спину.

— Отпусти-ка меня, — ширриф осторожно отвел в сторону руку колдуньи. — Рени, с тобой все в порядке?

— Разумеется! — магичка никак не ожидала



услышать в собственном голосе настолько сильное раздражение, но замолчать ей не удавалось. — Я только что прогулялась по Серым Равнинам. Это мне так понравилось, что я жду — не дождусь, когда выпадет okazия навеститься туда снова!.. — она осеклась и понуро добавила: — Прости. Кажется, я не очень-то понимаю, что говорю...

— Давай выбираться отсюда, — Грайтис не обратил внимания на злоязычие спутницы, приписав его внезапному испугу и настойчиво подталкивая ее к выходу. Оказавшись снаружи, Ренисенб, не слишком твердо державшаяся на ногах, присела на край поленницы, рассеянно прислушиваясь к отдаваемым ширрифом распоряжениям. Страх постепенно отступал в сторону, сменяясь природным любопытством и стремлением непременно выяснить истину. Чародейка встряхнулась и поковыляла к группке людей, обступивших извлеченный из своего укрытия труп неизвестного подростка, накрытый старым прохудившимся мешком.

* * *

Мертвый мальчишка пребывал безымянным еще с полколокола — пока не вернулись стражники, посланные ширрифом в дворцовые кухни, и весьма озадаченные таким непонятным началом поисков. Гвардейцы привели с собой помощника старшего кухаря, месьора Бьярнольва. Тот, рассмотрев лицо мертвеца, с некоторым сомне-



нием заявил — вроде бы похожий околачивался среди поварят. Когда же достопочтенному кухарю показали длинное узкое лезвие, он с досадой хлопнул себя по лбу — так вот куда подевался нож для разделки белой рыбы, из-за которого нынче днем вспыхнул переполох! Что касается покойника, теперь он точно вспомнил и готов клятвенно подтвердить — мальчишку звали Соти. Он откуда-то из Земель Кланов. Родители его сгинули во время баронского мятежа, мальчика приютили дальние родственники и по случаю пристроили в Цитадель. Особенным умом Соти не блистал, однако с порученной работой вполне справлялся, а рыбу так вообще чистил изумительно — только чешуйки летели. Сегодняшним утром он был в кухнях, но с середины дня отпросился провести родню — уцелел ли кто после нашествия скогров — и обещал вернуться к вечеру. Обычайший мальчик... Кому могла понадобиться его жизнь?

— Известите его родных, чтобы утром пришли и забрали тело, — оборвал расспросы Бьярнольва ширриф. Магичка заметила, что дознаватели и стражники косятся на Грайтиса с выражением недоуменного восхищения, явно ломая головы над разгадкой — каким образом он так быстро догадался, где именно нужно разыскивать следы убитого юнца, и сумеет ли столь же точно назвать причину, из-за которой мальчик по имени Соти внезапно решил покончить с собой?

Однако ширриф не собирался больше задер-



живаться на месте кончины подростка, велел всем расходиться. Труп положили на носилки и унесли, окончательно стусившийся вечер сменился наступающей ночью. Ренисенб полагала, что теперь они вернутся в бапню и спокойно обсудят случившееся, но Грайтис спустился в нижний двор, совершил несколько кругов у входа в кухни, будто искал нечто, уроненное на каменные плиты или потерявшееся в траве. Эш' Шарвин пристроилась на толстой колоде, превращенной в длинную скамью, поставив рядом с собой фонарь. Гвардейцы, несшие дозор на возвышавшемся рядом каменном крыльце, глянули на них с недоумением, но рассудили, что у вольфгардского ширрифа должна иметься некая веская причина, вынуждающая его бродить по двору, совершая прогулку в два десятка шагов от крыльца до спуска в кухонные подвалы.

— Это случилось здесь, — наконец изрек Грайтис, с совершенно разбитым видом присаживаясь рядом со стигийкой. — Мальчик пришел оттуда, — он махнул в сторону полукруглых кухонных окон, освещенных полыхавших в очагах и печах огнем. — Принес с собой кувшин, отдал этому человеку, после чего попросил разрешения наведаться в город...

— А на самом деле отправился искать укромное место, — завершила фразу Ренисенб, сделавшая из увиденного и услышанного кое-какие настораживающие выводы. — Где его и отыскиали спустя почти пять колоколов. О каком, собственно, человеке идет речь? Кстати, не желасшь



поделиться со мной тем, что вызнал от бедного ребенка? Только не отнекивайся — я сумела уловить долю твоего видения. Зарешеченная дверь в каком-то подземелье, верно?

Вместо ответа ширриф вытащил на свет узкий холщовый сверток, развернул и достал пресловутый нож для разделки белой рыбы. Узкое длинное лезвие, источенное чуть не до обушка, от старости и долгих лет употребления казалось покрытым ржавчиной.

— Хочешь увидеть? — слегка отсутствующим, заледенелым голосом спросил он. — Действительно хочешь? Неужели тебе не страшно?

Должно быть, магичка слишком поспешно схватилась за рукоять протянутого клинка, упав в круговерт лихорадочно сменяющихся видений умершего ребенка и услышав навязчивый приглушенный голос, чей зов с легкостью проникал сквозь каменные стены. Усилием воли эш'Шарвин сумела продержаться до того мгновения, когда призрачные картины начали таять, навсегда погребаемые под слоями серого пепла: душа Соти окончательно покинула мир живущих, удалившись по тропе, ведущей лишь в одну сторону.

— Надо немедленно рассказать об этом кому-нибудь, — с трудом выговорила колдунья, чувствуя себя так, будто очнулась от самого жуткого в своей жизни кошмара. Она полулежала в объятиях Грайтиса, и ширриф осторожно гладил ее по волосам, успокаивая.

— Кому именно? — осведомился он, сочтя,



что к стигийке вернулось умение разумно соотносить.

— Озимандии или королеве Дженне, — предложила Ренисенб после недолгого размышления.

— Нет, — холодно прозвучало у нее над головой. — Они ничем не смогут нам помочь. Это касается только нас троих — тебя, меня и того, кто прячется за запертой дверью.

— И Эллара, то есть Хасты, — напомнила магичка. — Я видела: замороженный подросток отдал кувшин именно ему, и одни демоны ведают, что могло плескаться в том кувшине!.. Как же нам его предостеречь? — она озадаченно прикусила губу, подсчитывая что-то в уме. — Он выехал вместе с аквилонским королем и этой девушкой из Рабиров около полудня. Стало быть, сейчас они могут находиться на полпути к границе с Немедией или еще дальше... Отправить вестника вдогонку? Вряд ли он сумеет их отыскать, они вроде не собирались придерживаться известных дорог... Послать зов? У меня не хватит сил, а почтенный Озимандия, насколько мне известно, не слишком хорошо владеет этим искусством...

— Ты как-то говорила, будто этот одноглазый колдун управляется с магией лучше, чем вся ваша Радужная школа, вместе взятая, — раздумчиво протянул Грайтис. — Значит, он наверняка способен сам позаботиться о себе: распознать отраву и найти средство ее одолеть.

— Может быть, — согласилась эш'Шарвин, хотя ее голосу не доставало уверенности. — Но со-



гласись: знать об угрожающей давнему другу опасности и не предупредить его — такой поступок выглядит не слишком достойным.

— Да, — согласился ширриф, — однако ты все равно не можешь ничего изменить. Только надеяться, что твоему наставнику повезет и он окажется умнее своего противника. Единственное, что мы можем и должны сделать — позаботиться, чтобы впредь ни с кем из живущих в Вольфгарде не случилось ничего подобного.

Повисло долгое, напряженное молчание, прерываемое только голосами стражников на стенах замка да громыханием посуды в кухнях. Два человека сидели так неподвижно, что их вполне можно было принять за причудливую тень на стене.

— Это же убийство, — наконец заявила стигийка и невесело хмыкнула. — Самое настоящее, и вдобавок грозящее склокой между магическими гильдиями. Если в Халогe узнают имена виновных, наши с тобой жизни окажутся в большой опасности... Но, кажется, у меня есть идея, как избежать ненужного внимания со стороны Гипербореи, — она высвободилась, поднялась на ноги и деловито уточнила: — Как мы отопрем дверь в карцер?

— Ключами, само собой, — то ли искренне удивился, то ли удачно прикинулся удивленным Грайтис. — С должности меня вроде бы не прогоняли, так что я имею полное право взять у надзирателей любые ключи. Никто не удивится, наоборот, они решат, что мне необходимо задать



их подопечному пару-тройку вопросов... Рени, тебе не кажется, что лучше бы ты оставалась в стороне? Да, знаю, ты хочешь рассчитаться за нанесенные тебе обиды, но...

— Слушать ничего не желаю! — колдунья закрыла уши ладонями. — Вот что, давай встретимся через полколокола у входа в подвалы. Мне нужно кое-что раздобыть, а затем мы пойдем и остановим это безумие.

Ближе к полуночи.

Искомая дверь действительно располагалась в самом дальнем конце длинного коридора с низким потолком в перекрестьях массивных стропил. Ее освещал на треть прогоревший факел, воткнутый в бронзовое кольцо, но внутри, за решетчатым оконцем, висела непроглядная темнота, пахнувшая гнилой соломой. Державшая фонарь Ренисенб эш Шарвин внимательно следила, как ее спутник вытащил из скоб толстый брус засова, а затем принялся отпирать замки. Раскачиваемая связка ключей несколько раз ударила по жести, будто уведомляя находившегося за обшитой железными полосами створкой человека о приходе полуночных визитеров.

Он даже не стал прикидываться крепко спящим, когда дверь наконец распахнулась. Сидел у стены, вытянув ноги и положив на колени руки в браслетах оков, словно находился не в подземном карцере, но у себя дома, терпеливо ожидая,



когда нагрянувшие гости изволят убраться, позволив хозяину вернуться к прерванным делам. Черно-багровое с золотой каймой одеяние в свете масляной лампы казалось чем-то вроде торжественной мантии, словно многочисленные дыры и прорехи заштопались сами собой. Белая эмалевая кисть оранжево вспыхнула, когда на нее случайно упал отблеск факела из коридора.

— Эти внезапные появления уже становятся навязчивыми, — приветствовал вошедших Крэгган Гипербореец, сопроводив слова изрядным зевком. — Чем вы недовольны на сей раз? Только не просите обернуть вспять подаренное вам заклинание — благодаря вашему одноглазому другу я не в состоянии этого сделать. Неужто вы так быстро опостытели друг другу? И это при твоих, Рени, талантах и незаурядных способностях?

— Что было в том кувшине? — перебила стигийка, стараясь держаться на расстоянии пары шагов от Беспалого. — Какую вещь получил от тебя Соти? Мальчик Соти, которого ты заставил умереть, чтобы сохранилась твоя тайна?

— Не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь, — гипербореец попытался развести руками, но не слишком преуспел. — Кто такой Соти? Что за кувшин? Зачем умереть? Ты решила теперь обвинять меня во всех неурядицах, случающихся в этом захолустном городке?

— Ты сам себя перехитрил, — тихо и отчетливо произнесла чародейка. — Неимоверное любопытство подвело тебя. Тебе так хотелось знать,



подействует выисканное тобой неведомо где Разделение Душ, что ты напрочь забыл: тот, кого ты вернул к жизни, приобрел возможность говорить с ушедшими навсегда. Мальчик поведал нам о твоём замысле — пускай и после смерти. Так что было в кувшине? Это — твоя месть Хастии, верно?

Скучающее выражение лица Крэггана стало озадаченным, словно он обдумывал некую весьма занимательную мысль.

— Ах ты, проклятье, — пробормотал он. — Вот этого я не учел... Какая, впрочем, разница? Судя по вашим расспросам, мой подарок доставили по назначению.

— Что там было? — продолжала настаивать стигийка. Беспалый одарил ее широчайшей приятной улыбкой:

— Не скажу, моя милая. Спроси у своего приятеля — если когда-нибудь встретишь его на Серых Равнинах. А умирать он будет долго... и болезненно... и, кстати, противоядия от моего маленького угощения нет... во всяком случае, мне оно неизвестно. Вы хотите спросить еще о чем-нибудь? Между прочим, Ренисенб, отчего твой друг все время молчит? Он что, думает, будто я его напрочь не замечаю? Почему бы ему не подойти ближе и не поделиться со мной теми новыми знаниями, которые он так незаслуженно приобрел? Я знал многих людей, которые заплатили бы сколь угодно высокую цену за то, что досталось этому молодому человеку просто так. Что новенького ты увидел на Дорогах Мерт-



вых, Грайтис Дарго? Не поведаешь ли мне и своей даме?

На протяжении разговора вольфгардской чародейки и колдуна из Круга Белой Руки ширриф и в самом деле держался поодаль, не упуская между тем ни единого слова. Теперь он сделал шаг, вступив в круг мутного света от принесенной гостями лампы. Должно быть, Крэган уловил в выражении его лица нечто скверное для себя, потому что сделал попытку плотнее втиснуться в каменную стену и предостерегающе поднял высохший указательный палец на правой руке. Длинный изогнутый ноготь походил то ли на жало скорпиона, то ли на коготь неведомого хищного животного.

— Ты так много интересовался Дорогами Мертвецов, колдун, — бесцветным голосом сказал ширриф, — что пришла тебе пора посмотреть на них самому. Надеюсь, Нергал подыщет для тебя яму позловоннее.

— Пришли убить меня? — ехидная улыбка сползла с лица гиперборейца, сменившись выражением едва ли не торжественным. — Властитель Серых Равнин примет меня с радостью! Вы же, посягнув на жизнь служителя Вечного Мрака, обречете себя на жуткое проклятие! Истинно говорю вам...

— Да заткнись же, — устало вздохнул Грайтис и придавил колдуна коленом, готовя кляп. Крэган рванулся было, но тут же затих и только прошипел злобно:

— Скованного зарежешь, храбрец?



— Нет, меч тебе дам и сойдемся в благородном поединке, — буднично отозвался Грайтис Дарго. — Довольно тебе землю поганить. Кланяйся своему Повелителю.

Крэган распахнул рот, готовясь заорать, но ширриф ловко вогнал туда кляп. Гиперборец забился, как рыба на берегу, оглушительно гремя цепями.

Грайтис выругался яростным шепотом, и рыбный нож с узким, до синевы источенным лезвием вошел под ребра колдуну из Халогии.

Некромант выгнулся дугой и завалился набок. Глаза его остекленели.

К ужасу Ренисенб, над мертвым телом возникло призрачное голубое свечение и собралось в подернутый искорками шар. Шар превратился в подобие оскаленного черепа, беззвучно пощелкал челюстями и растворился в воздухе, оставив после себя резкий прогорклый запах. В тот же миг массивное тело покойного Крэгана из Халогии начало усыхать, сморщиваться, опадать ворохом черно-золотых одежд и грудой желтых костей, подобных тем, какие находят иногда в древних захоронениях. О плиты пола звякнул нож, выпав из прорехи в черном одеянии, и тут же рассыпался горсткой ржавчины, оставив лишь истертую деревянную рукоять.

— Ловко, — хмыкнул ширриф, на которого смерть мага не произвела сильного впечатления. — Знаешь, Рени, я только сейчас полностью убедился, что мы поступили верно. Когда я его ударил... то, что мне открылось... Будто в яму со



змеями заглянул. Эх, сразу бы... Что теперь? Прибрать надо?

— Забери его значок, — с усилием произнесла магичка, подавляя тошноту. — И сожжем... то, что осталось.

Трудностей с символом Белой Руки не возникло — потребовалось всего лишь отстегнуть застёжку. Чародейка бросилась к своему мешку, достав из него бутыль с узким горлышком, тщательно обмотанным ветошью. Бутыль откупорили, из нее полилась вязкая черная жидкость, которой старательно пропитали одежду покойного гиперборейца. Приоткрыв окошко фонаря, магичка сунула внутрь пучок соломы и, когда тот занялся огнем, швырнула на останки Крэгана Беспалого.

— Теперь все, — пробормотала она. — Только пепел. Огонь... очищает.

— Замок не спали, — посоветовал Грайтис, как зачарованный, глядя на разгорающееся пламя. — Ну и вонь от него... Идем, Рени. Нечего нам больше тут делать.

— Утром его кончина обнаружится. Поднимется суматоха, надзиратели вспомнят, что ты приходил сюда поздним вечером, — выйдя в коридор, стигийка прислонилась к выступу стены, ожидая, пока ширриф вновь запрет дверь. Отсветы пламени в зарешеченном оконце становились все меньше и ниже, будто огонь, поглотив высохший труп колдуна из Халогии, понял: он выполнил свое предназначение и ему пора утихнуть.

— Может, и вспомнят, — ключ совершил последний оборот и негромко щелкнул. — Только



мне кажется, что новость об исчезновении Крэгана не вызовет у людей в Цитадели ничего, кроме облегчения. Если нас спросят, не имеем ли мы отношения к этому событию — признаемся. Не спросят — промолчим. Ты согласна?

— Да, — после довольно протяженного размышления кивнула Ренисенб эш Шарвин. — Я предположу, что Беспалый скончался потому, что Белая Рука решила избавиться от него... Или он пытался устроить себе побег с помощью колдовства, но не рассчитал своих сил... Или по какой угодно причине из сотни возможных. Но что теперь станет с нами?

— Ничего такого, с чем бы мы не сумели управиться, — различив еле слышный смешок Грайтиса, магичка изрядно удивилась. Она готовилась смириться с тем, что ее друг лишился возможности испытывать обычные человеческие чувства, вроде радости или страха. — Нам советовали постоянно держаться рядом, и я намерен следовать этому полезному совету... если ты не против. Мы научимся жить с этой обузой, и когда-нибудь ты наверняка сообразишь, как избавить нас от заклятия Гиперборейца.

— А если нет? — возразила чародейка, уже зная, какой ответ услышит.

— Тогда тебе придется терпеть меня еще эдак с полсотни лет, а может, и больше, — подтвердил ее догадку ширриф. — Впрочем, я уж постараюсь не слишком тебе надоедать.



Глава третья

На другом берегу



*4–9 день Второй летней луны.
Немедия — Полуденная Аквилония.*

Все предыдущие путешествия, в которых довелось принимать участие баронетте Монброн, включая удивительную вылазку в Заповедный Край, меркли в сравнении с нынешним. Родители Айлэ предпочитали странствовать не спеша, подолгу задерживаясь в любопытных местах и даже в дальней дороге отнюдь не собирались расставаться с привычными удобствами.

Им это не стоило особенного труда — в распоряжении четы взбалмошных магов всегда имелась парочка-другая полезных заклинаний, изрядно облегчающих жизнь путника. Когда дочурке исполнилось лет пять, Райан и Меланталь



начали брать ее с собой, и оттого у девицы Монброн сложилось в корне неверное представление о том, как одолеваются большие расстояния.

Благодарить за гибель детских иллюзий следовало ее нынешних спутников. Те полагали отличным развлечением болтаться в седле от рассвета до заката, придерживаясь заросших дорог, где уже с десятков лет не ступала нога человека, а еще лучше — троп, которые можно разглядеть, если только уткнуться носом в траву. Еще они откровенно сожалели о том, что за ними никто не гонится и им самим некого преследовать, а на первой же ночевке жизнерадостно высмеяли бедную девушку, у которой подкашивались ноги — слезая с лошадиной спины, та едва не шлепнулась. Разбивка лагеря прошла без нее, поскольку Айлэ лежала пластом возле разгорающегося костерка и страдала, мысленно изошряясь в придумывании остроумных ответов, пока варвару и Хастии наконец не прискучило ее дразнить.

Следующий день выдался еще хуже. Мало того, что у девицы Монброн болело все, что могло и не могло болеть, но вдобавок отряд из трех человек угораздило попасться на глаза разъезду чрезмерно бдительной порубежной стражи. Айлэ не поняла, были то немедийцы или гвардейцы Пограничного королевства, а на ее робкое предложение предъявить имеющиеся подорожные и договориться миром никто и внимания не обратил.

«Госпожа Дженна говорила сущую правду — мужчины вроде ее супруга и того же Хастии до



старости остаются мальчишками», — мрачно рассудила баронетта, когда ее спутники очертя голову погнали коней через заболоченное мелколесье, тянувшееся по краю огромных Вильгарских топей. Ей ничего не оставалось, как следовать за ними, надеясь, что Лев Аквилонии не преувеличивал, заверяя девушку и магика в том, что он отлично помнит всю паутину троп контрабандистов, соединяющих Пограничье и Империю. Лихая погоня длилась где-то с колокол, Айлэ до смерти перепугалась, когда над ее головой зловеще свистнула арбалетная стрела, но в конце концов добыча оказалась хитрее, запутав преследователей среди множества соединяющихся крохотных озер и болот, и благополучно улизнув.

Стычка и последующее бегство заставили путешественников слегка отклониться от первоначально выбранного пути, но это оказалось и к лучшему — неожиданно для самих себя они выбрались на широкий мощный тракт. Высокий каменный знак на обочине извещал всех, разумеющих грамоте, что путник находится в пределах Немедийской Империи, ровно на полпути между лежащей в двух лигах к Полночному Восходу Менорой и отстоящей на таком же расстоянии, но к Полудню, королевской крепостью Барнетт.

— Заглянем в Барнетт? — немедля оживился Конан. — Раньше там был отличный постоялый двор. Сменим лошадей, а заодно узнаем, какие слухи гуляют о заварушке в Вольфгарде.

Рабириец недовольно скривился — он пола-



гал, что всякий день должен быть потрачен на то, чтобы преодолеть как можно большее расстояние, отделяющее Полночь Материка от холмов на правом берегу Хорота — но возражать не стал.

Бедствие, обрушившееся на полуночных соседей, обсуждали едва ли не на каждом углу, в любой лавке и всякой таверне, однако доподлинно никто ничего сказать не мог. Говорили о закончившейся всеобщим побоищем Летней Ярмарке, о нашествии бешеных оборотней, кое-кто даже утверждал, будто короля Эртеля Эклинга более нет в живых, и, стало быть, вокруг опустевшего трона неизбежно вспыхнет баронская смута. Весть о том, что Пограничье отходит под руку Аквилонии, сюда еще не добралась — к вящему облегчению варвара, рассчитывавшего как можно дольше сохранять эту поразительную новость в тайне от Иправителя Бельверуса.

— Меньше знаешь — крепче спишь, — заявил он баронетте Монброн, вполголоса рассуждавшей о том, какой шумный скандал вскоре разразится в столице Немедии. — Когда они опомнятся и спохватятся, будет поздно. Кроме того, сейчас у меня нет ни времени, ни желания спорить еще и с немедийцами. Завершим одно дело, потом примемся за другое. Неизвестно, как нас встретят в этих вапших Рабирах.

— А что там может случиться? — не поняла Айлэ. — Извне на Холмы никто не нападет — они находятся под защитой Стены Мрака. Разве что в самом Княжестве идет спор о том, кому



быть следующим правителем, да продолжают поиски Лесного Венца. Но поскольку минуло уже почти две седмицы, думаю, все благополучно разрешилось...

— Хорошо, кабы так, — рассеянно откликнулся повелитель Аквилонии, и девица Монброн поняла: лучше воздержаться от разговоров на подобные темы. Она мало что понимает в политических хитросплетениях, по молодости лет уделяя внимание только тому, что находится на поверхности и выглядит очевидным.

Покинув Барнетт с его старинной крепостью, выстроенной на высоком холме лет триста тому — если верить устойчивым рассказам, ее подвалы в тревожные годы служили надежным укрытием королевской казны, — трое путников направились на Полуденный Закат. Они рассчитывали в скором времени добраться до Немедийских гор, вдоль подножия которых тянулась недавно проложенная дорога, сливавшаяся в пограничном Кюртене с Большим Полуночным трактом. По летнему времени дорога оказалась запруженной караванами и обозами, неспешно двигавшимися на Полночь — в Пограничье и Аквилонию, и на Полдень — в Немедию и далее, в Офир. Около порубежной крепости Лематы путешественники пересекли еще одну границу, на сей раз согласно всем положенным законам и уложениям. Служащий таможенной Управы, вносивший имена в реестр проезжающих, покосился на них с некоторым недоумением и наполовину в шутку, наполовину всерьез осведомился у ба-



ронетты дия Монброн — какие такие обстоятельства могли вынудить приличную девушку отправиться в путь в обществе подобных головорезов?

В своей полуденной части Немедийский хребет больше напоминал цепь изрядно разрушенных временем и ветрами холмов, плавно понижавшихся и возле истоков Тайбора переходивших в кажущиеся бесконечными равнины и возделанные поля с раскиданными там и сям деревьями. Самую длинную и трудную часть пути можно было считать благополучно завершенной — путешественники добрались до земель Аквилонии.

Оставалось преодолеть чуть больше трех десятков лиг через Шамарское герцогство — до места впадения Тайбора в Хорот и стоящего в излучине городка Плоэрмель. Затем по правобережью великой реки добраться до крепости Вагаро, откуда рукой подать до Пуантенской провинции. Вагаро — один из донельзя оживленных городков вдоль Дороги Королей, и потому на тамошних причалах всегда отыщется посудина, владелец которой с величайшей охотой переправит желающих с правого берега на левый.

По расчетам Конана и Хасты, к месту слияния Хорота и Красной Офирской реки, они должны были прибыть в десятый или даже одиннадцатый день Второй летней луны — с учетом препон на границах и всяческих путевых неожиданностей, вроде размытых летними дождями дорог или чрезмерно самоуверенной шай-



ки грабителей. Однако Небеса решили оказать правителю Аквилонии и его спутникам некоторую поблажку — на шестой день путешествия из Пограничья в Аквилонию путники бодрой рысью въезжали в предместья шумного поселения на берегу великой реки.

Попасть на закатную сторону оказалось и просто, и сложно одновременно. В силу каких-то совпадений нынешним утром в город прибыли два огромных офирских каравана, и теперь хозяева всего плавающего и держащегося на воде сражались за право урвать свою часть перевозимого товара. Путешественникам растолковали, что сейчас подходящей лодки для них все равно не отыщется, а вот завтра — с превеликой радостью.

Рабириец завел было речь о том, что им вполне по карману приобрести какое-нибудь завалящее судно в личную собственность и переправиться на нем, но не нашелся, что ответить на простой вопрос варвара: «Мы что, куда-то опаздываем? Сам же уверял, будто попасть в Рабиры возможно только через два дня, а Пуантен — вот он, за рекой. Сегодня мы там будем или завтра — какая разница?»

— Будь по-вашему, — сдался Хасти, и припомнил, что когда-то проезжал через эти края, сохранив наилучшие воспоминания об одной из многочисленных таверн, выстроившихся вдоль речного берега. Только название он за давностью лет запомнил — то ли «Причал», то ли «Дом на берегу».



* * *

Таверна носила скромное наименование «Дом у реки», и отыскать ее удалось не сразу, так незаметно она приткнулась между огромным складом шерсти и рыбной лавкой. Войдя в низкую дверь, баронетта д-а Монброн немедленно расчихалась от едкого запаха горящего жира и плавающего по помещению дыма, но ее сопровождающие, похоже, словно вернулись после долгой отлучки в родные края. Здесь такие типы, как они, не вызывали ни удивления, ни подозрительных взглядов. Наоборот, слишком пристального внимания удостоилась как раз Айлэ. Кто-то отпустил не слишком лестное замечание касательно ее скромной особы, поименовав ее саму слишком тощей, а ее задницу костлявой. Девушка сделала вид, будто ничего не расслышала, хотя оскорбилась: вовсе она не плоская и уж точно не костлявая.

Торчавший за стойкой хозяин производил впечатление человека, который уже давно отвык удивляться разнообразию вваливающихся в его заведение посетителей. Он меланхолично сообщил, что комнату до утра может сдать только одну на троих («Нам больше и не надо, верно, красotka?» — жизнерадостно хохотнул варвар, подтолкнув локтем баронетту Монброн), а аргосское прошлогоднего урожая идет по двадцать ассов за кувшин. Коли господа воители ищут вербовщика, то им стоит наведаться к Старому рынку и поспрашивать в оружейных лавках —



там наверняка подскажут, к кому обратиться, — или самостоятельно добираться до Тавиты Аргосской, что по другую сторону границы. Вроде бы всех желающих принять участие в грядущей потасовке призывали собираться именно в этом городе.

— Какой потасовке? — почти в один голос пожелали узнать магик и Айлэ, у которой неприятно екнуло сердце.

— Известно в какой, — трактирщик, порывшись под стойкой, вытащил слегка погнутый бронзовый ключ от комнаты. — Или вы издалика прибыли и еще не слыхали, что нынче в наших краях делается?

— Не слыхали, — вмешался киммериец. — Но с удовольствием послушаем, почтеннейший... как только перекусим. Хорошие, равно как и скверные новости я предпочитаю узнавать на сытый желудок. Айлэ, хватай ключ, да не потеряй.

Новости Вагаро разительно отличались от того, что довелось услышать путникам на Полуночи Немедии. Здесь представления не имели о бедах и заботах Пограничья, но были изрядно обеспокоены иным — колдовской шумихой в Рабирийских горах, уже которую сотню лет считавшихся злом тихим, мирным и в чем-то даже привычным. Вокруг облюбованного приезжей троицей стола вскоре собралось не менее десятка местных завсегдатаев и проезжих, желающих поделиться сплетнями, а заодно, воспользовавшись удачным случаем, угоститься на дармовщинку. Подчитав количество скопившихся на столе опус-



тевших кувшинов и бутылей всего после полуколокола общей беседы, Айлэ ужаснулась — правитель Аквилонии явно решил как можно ближе пообщаться с верноподданными, а Хасты не собирався от него отставать.

Слухи сыпались, как горох из порвавшегося мешка, противореча друг другу и на удивление причудливо искажая истину. Не оспаривалось только одно: около трех седмиц тому над Рабирами вспыхнул магический огонь, затем еще два или три дня бушевала нешуточная гроза, после чего выяснилось, что кровопийцы огородили свои владения черной туманной стеной высотой аж до небес, выразив тем свой полный отказ от общения с людьми. Либо же, напротив, готовясь пройти по людским землям, вырезая подчистую всех живущих.

Прознав о таких потрясающих переменах, три сопредельные Рабирам державы — Аргос, Зингара и Аквилония в лице Пуантена — забеспокоились и решили принять меры. Аргосцы, к примеру, спешно пригнали в Тавиту два легиона, перевели их по Мосту Кораблей на левый берег и теперь скликают под свои знамена всех желающих противостоять вампирам, буде те обнаглеют и полезут из своих лесов. Тем же занята и Чабела Зингарская — подвластные ей армии выдвинулись к Полуночи и окружают Рабиры вдоль магической преграды. В некоторых полуценных городках Зингары, расположенных вдоль былой Незримой стены Рабиоров, творились жуткие дела. Обыватели, не будь дураки, после от-



шумевшей грозы сунулись в Холмы, обнаружили, что Стена пала и ринулись шарить по гульским деревушкам. Закончилось предприятие из рук вон плачевно — вампиры применили какое-то убийственное колдовство, вышвырнув мародеров прочь.

Услышав это, Хасти довольно булькнул в кружку: «И поделом».

Касательно Пуантена и Аквилонии сплетни гуляли вовсе ошеломительные. Кое-кто клялся всеми богами, что гули заманили к себе самого Золотого Леопарда вместе с его личной гвардией, всех прикончили, а трупы побросали в Алиману. Другие возражали, заверяя, что еще в начале лета герцог был жив-здоров, и лично ездил в Гайард — встречать прибывшего из Тарантии молодого Коннахара, наследника Аквилонской короны. Якобы сейчас принц собирает армию, дабы пересечь реку, вторгнуться в Рабиры и освободить своего вассала, не убитого, но находящегося в плену у рабирийцев. В подтверждение рассказчик сослался на самолично виденные отряды под знаменем пуантенского герцога, всего две седмицы назад маршировавшие из столицы провинции на Полдень, к какому-то из замков над Алиманой — то ли к Стедвику, то ли к Орволану. Под конец вспыхнул яростный спор о том, следует ли вскорости ожидать военного конфликта между Троном Льва и Золотой Кордавской Башней. Под шумок Конан жестом подозвал к себе выглядевшего несколько озадаченным Хасти и девушку.



— Вот этого вы мне не говорили, — с упреком бросил он. — Хасти, о чем ты вообще думал, когда учинял эту свою стену?

— О безопасности Рабиров, — незамедлительно откликнулся маг и неожиданно икнул, слегка запинаясь языком выговорив: — М-меня эти ваши людские дразги не к-касаются.

— Значит, не касаются? А кого касаются? Меня, что ли? Этого малолетнего обормота, у которого отруби вместо мозгов? — тут король вспомнил о существовании баронетты Монброн, ставшей сидеть тише мыши, и рявкнул: — Ай-ля, почему бы тебе не пойти прогуляться?..

— И в самом деле, — пробормотала девушка, которой время от времени становилось дурно от множества смешанных запахов, азартных воплей над ухом и ощущения, что весь их с Конни замысел обернулся совершенно неожиданной и неприятной стороной.

С полколокола она бродила по набережной, приходя под влажным теплым ветром в себя, а когда вернулась в «Дом на берегу», обнаружила, что веселье там в самом разгаре. Число опустошенных двумя старинными приятелями кувшинов становилось поистине устрашающим, и прочие посетители теперь старались держаться от них подальше. Разговор, как уловила девица Монброн, перешел к бесконечным и многочисленным «А помнишь?..», сопровождаемых то оглушительным хохотом, то якобы шепотом, отдававшимся не только в самых отдаленных углах таверны, но и на речном берегу. Беседа с необы-



чайной легкостью перескакивала с событий полувековой давности на день сегодняшний, тут же перекидывалась к временам падения Алой Цитадели Хоршемиша и, неуловимо вильнув, оборачивалась захватывающими воспоминаниями о потрясающем веселом доме в Шадизаре... вот только оба приятеля никак не могли вспомнить имя его хозяйки. К тихой радости баронетты, ее спутники пока не нагрузились до той степени, когда душа настойчиво требует чего-нибудь возвышенного. Как она усвоила за время жизни в Тарантийском замке, у короля Аквилонии такое желание чаще всего выливалось в громогласное исполнение песен наподобие «Когда я домой возвращался с войны» или, что еще хуже, изрядно непристойных куплетов, каждый из которых начинался со слов: «Сам не видал, но мне говорили...»

— Хорошо гуляют, — с легким оттенком зависти заметил трактирщик, завидев добравшуюся до стойки Айлэ Монброн. — Госпожа, они тебе кто?

— Телохранители, — признала баронетта. — Верные и преданные... когда трезвые.

Мимо нее к столу Аквилонца и магика протаскивали очередную корзину, наполненную кувшинами. Появление корзины приветствовалось радостным и неразборчивым улюлюканьем, сменившимся звонким щелканьем вытаскиваемых пробок.

Одноглазый, не слишком-то уверенно державшийся на ногах, поднялся со скамьи, пошатнул-



ся, но все-таки удержался, цепляясь одной рукой за стену, а другой размахивая наполненной кружкой. Судя по его виду, он собирался произвести по меньшей мере речь о судьбах мира.

Девушка не очень поняла, что случилось. Миг назад Хасты стоял, довольно ухмыляясь и прислушиваясь к тому, что втолковывает ему варвар, а спустя еще мгновение выпавшая кружка разлетелась вдребезги, расплескав содержимое. Рабириец зашатался, слепо шаря руками по столу, повалился на выстланный грязной соломой пол, и его скрутила жестокая судорога.

В таверне, только что гомонившей на множество голосов, стало очень тихо. Было слышно только, как хрипит одноглазый маг, пытаясь втянуть хоть немного воздуха. На пару ударов сердца оторопел даже Лев Аквилонии, не в силах одолеть собственное похмелье.

— Ой, — еле слышным шепотом выдохнула Айлэ, срываясь с места. Она представления не имела, что собирается делать, но нельзя же и дальше оставлять Хасты валяться на вонючем кабацком полу!

Подбежала к упавшему она на редкость не вовремя — магика стошнило, после чего он все-таки сумел сесть, мотая головой, как оглушенный. Его единственный глаз стал из галечно-серого почти черным, налившимся кровью, а обожженная правая половина лица мелко дергалась. Он попытался ухватить Айлэ за руку, но промахнулся. Девушка в панике озиралась, заметив, что ближайшие посетители таверны предпо-



чили улизнуть, а Конан зачем-то выволок трактирщика из-за стойки и теперь размеренно ударяет об эту самую стойку из тяжелых дубовых плашек, угрожаясь требуя ответа: какой гадостью он угостил Одноглазого? Владелец «Дома у реки» сдавленно причитал, что ничего дурного и в мыслях не имел, вино самое обычное, какое всем подается... Да вы ж сами, господин хороший, его только что употребляли безо всякого ущерба здоровью!..

— Коннахт! — завизжала баронетта, смекнув, что хозяина таверны надо спасать, иначе тот даже не узнает, что пал от руки собственного монарха. К счастью, слух киммерийца уловил имя, которым он пользовался в дороге во избежание ненужных расспросов. — Коннахт, оставь этого бедного человека в покое и немедленно помоги мне!

Для порядка варвар еще пару раз приложил трактирщика к стойке, после чего присел рядом с девушкой и крайне скверно выглядевшим Хастом, то и дело норовившим завалиться набок. Маг старался что-то выговорить, однако то, что вырывалось из его перекошенного рта, больше смахивало на разрозненные и крайне невнятные звуки.

— Ну не перешил же он, в самом деле? — озадаченно спросил Конан то ли самого себя, то ли не на шутку испуганную девицу Монброн. — Чтобы свалить его с ног, пяти кувшинов более чем недостаточно... Айлэ, ты можешь что-нибудь сделать?



— Я ведь не целительница и не колдунья, — жалобно напомнила баронетта.

— А золотая ветка с камешком, которую Хаст таскает с собой? Может, от нее будет какой-то прок? — на удивление здравомысляще поинтересовался Лев Аквилоний.

— Мне не по силам ею воспользоваться! — Айлэ не удержалась и всхлинула. — Она... она слишком могущественная! Даже Хаст не рисковал прибегать к помощи Камня без крайней необходимости, а меня он просто не замечает!

— Ну, раз мы бессильны, остается только положиться на удачу, — подвел итог варвар. — Оттащим его наверх, в комнату, и подождем до утра — вдруг сам очухается?

Стараниями Конана, державшегося так, будто он имеет полное право здесь распоряжаться, трактирные служки приволокли две длинные жердины с привязанным к ним холщовым полотнищем, уложили Хаста на эти наскоро сооруженные носилки и с трудом поволокли по крутой лестнице на второй этаж таверны. Карабкавшаяся следом баронетта Монброн успела заметить, что в таверну нагрянули стражи порядка, кликнутые кем-то из удравших посетителей, и принялись рьяно выпрашивать у изрядно помятого хозяина, что стряслось: убили кого или просто слегка пошумели. Трясущийся палец трактирщика указал на киммерийца как на виновника недавнего происшествия, а тот принялся шумно и многословно доказывать всем имеющим уши, что его другу сделалось скверно от



подаваемой в здешнем притоне кислятины. Посему он требует возмещения за причиненный урон... иначе вскорости кому-то изрядно не поздоровится.

*10 день Второй летней луны.
Пуантенская провинция.*

Пыльная дорога с двумя глубоко выбитыми колеями тянулась вдоль склона пологого холма, засаженного виноградниками и разбитого на множество маленьких участков. Резные листья колыхались под ветром, под ними скрывались наливающиеся соком грозди — черные, темно-лиловые и пурпурные. Извивающийся тракт постепенно поднимался все выше, и где-то к середине дня путешественники должны были заметить отблеск солнца на шпиле донжона в замке Орво-лан.

Круг замкнулся, думала баронетта диа Монброн. Почти луну назад мы выехали из Тарантии, полные радужных надежд и счастливые, как вырвавшиеся на огромный луг жеребята. Теперь я снова возвращаюсь сюда, в Орволан, растеряв неведомо где всех своих попутчиков и друзей, в сопровождении правителя страны, везя с собой удивительной силы и могущества вещицу, которой давно полагалось оставить этот мир и с которой никто не может справиться. Для полноты картины в гроыхающей следом повозке лежит гроб, и, судя по всем приметам, в Хол-



мах над Хоротом и вокруг них собираются грозные облака, могущие разразиться в лучшем случае затяжными политическими скандалами, а в худшем — небольшой войной.

Идея с повозкой и гробом принадлежала Его Аквилонскому величеству и посетила его минувшей ночью, когда доподлинно выяснилось: Хасти не в силах не только самостоятельно сделать пару шагов или взобраться на лошадь, но даже шевельнуть рукой. Ожидаемых улучшений в состоянии рабирийского мага не наступило, напротив — с каждым уходящим мгновением ему становилось все хуже и хуже. Он словно бы удалялся куда-то вглубь себя, превращаясь из живого человека в подобие каменного надгробия на могиле, бессмысленно палившего единственным застывшим зрачком в низкий грязный потолок дешевой гостиничной комнаты. Варвар и Айле диа Монброн, сменяя друг друга, сидели рядом с ним, вслушиваясь в медленное, тяжелое дыхание, свидетельствовавшее о том, что Хасти пока еще оставался среди живущих.

Незадолго до рассвета магик заговорил — очень тихо, но довольно внятно. Конан, которому как раз выпала очередь бдеть подле рабирийца, толкнул прикорнувшую девушку, немедля вскочившую на ноги, и они вдвоем стали слушать.

— Скоро я усну, — слова просачивались медленно, преодолевая сопротивление не желавшего ворочаться языка. — Не пугайтесь, если стану похож на мертвого. Так мне проще сохранять в



себе жизнь — не отвлекаясь ни на что иное. Должно быть, меня настигли давние счёты... Бастиян отомстил напоследок... или кто-то иной... Не к добру я опять встретился с Камнем... Мне нужно в Рабиры, в мою магическую школу — тогда я наверняка сумею вернуться... Отвезите меня туда, если сможете... Вуаль Мрака развсётся через день — помните об этом...

— Как же нам теперь поступить? — робко спросила девица Монброн, когда спустя три четверти колокола очевидные признаки жизни покинули рабирийского мага. — Его никак нельзя бросать здесь, но я не представляю, как доставить его в Холмы...

— Зато я представляю, — оборвал ее Конан. — Раз он теперь навроде покойника, то пусть путешествует, как положено мертвецам. Отыщем ближайшую лавку гробовщика, купим подходящую домовину, назовем ее ближайшими родственниками усопшего и повезем тело к месту захоронения. То бишь в Орволан.

— А Хасти не обидится? — вырвалось у Айлэ. — И еще — можно ли вынести труп из таверны, не попавшись на глаза трактирщику, любопытным постояльцам или стражникам на улице?

Замысел в конечном счете удался, чему весьма способствовали щедро раздаваемые направо и налево звонкие подношения. Хозяин «Дома у реки» оказался настолько щедр, что даже одолжил гостям тачку, на которой гроб с телом доставили к причалам. Там возникло новое затруднение: речники не горели желанием принимать на борт



мертвеца, и только трехкратное увеличение платы за переправу убедило их, что гроб с равным успехом можно считать таким же обыденным грузом, как мешки зерна или увесистые тюки с шерстью.

В поселке на левом берегу Хорота баронетте и ее сопровождающему удалось нанять телегу с возницей, подрядившимся за полсотни серебряных сестерциев доставить мрачную поклажу к воротам пограничного замка на высокой скале. Возчик заикнулся было спросить, кто занимает длинный поместительный ящик из сосновых досок, обитый черным крепом, но, глянув на печальную девушку и мрачного седого гиганта варварского обличья, тут же вспомнил мудрую поговорку касательно того, что излишнее любопытство не доводит до добра. Общими усилиями гроб взгромоздили на повозку и пара мулов бойко застучала длинными копытцами по тракту.

Сплетники в таверне на правом берегу Хорота оказались правы — мирную Пуантенскую провинцию наводнили военные отряды, числом по три-пять десятков человек. Несколько раз путникам пришлось ждать на обочине, пропуская верховых под стягами с изображением трех леопардов или выпелами цветов подданных герцога. Однажды их остановил выскочивший из-за поворота дороги конный разъезд, пожелав узнать, кто они такие и куда держат путь. Осмотрев подорожные и выслушав душещипательную историю о павшем в дальних краях былом соратнике Золотого Леопарда, завещавшем похо-



ронить себя подле стен Орволана, гвардейцы недоверчиво переглянулись, но все-таки разрешили ехать дальше, указав кратчайшую дорогу — через посадки оливковых деревьев, по гребню цепи холмов и вниз в лесистую долину.

Охристую скалу, горделиво взметнувшуюся над окрестностями, первой заметила Айла, с облегчением признав места, по которым они проезжали в середине прошлой луны. Крепость цвета светлого золота произвела впечатление даже на выдавшего вида повелителя Аквилонии. Он придержал коня и какое-то время пристально разглядывал парящие над курчавой лесной зеленью бастиины горной цитадели. Баронетте очень хотелось узнать, о чем думает ее спутник, и чуть позже, когда кони вновь затопали по потрепавшемуся от жары известняку, она решилась спросить: не связывают ли... э-э... Коннахта с этим краем некие личные воспоминания?

— Я видел Орволан только в руинах, но слышал уйму преданий о том, какая это была великая крепость, — рассеянно отозвался варвар. — Между прочим, ты и Хасты обмолвились, якобы Леопард, помчавшись вас спасать, оставил заправлять делами в провинции свою благоверную?

— Точно не знаю, но скорее всего так, — кивнула девица Монброн.

— Скверно, — киммериец негромко засвистел сквозь зубы и пояснил: — Адалаис имеет привычку настолько все запутывать, что никто не в силах понять — чего, собственно, она добивает-



ся. А уж если она решила о чем-то умолчать, из нее клещами слова не вытянешь. Спорим, госпожа Эйкар ничуть не обрадуется нашему появлению?

— На ее месте я тоже не слишком бы ликовала, — пробурчала девушка, отвернувшись в сторону и внезапно заметив на прогалине между деревьями в низине парусиновые крыши выстроившихся рядами палаток, яркие промельки флагов на шестах и скачущих всадников. — Ой, что это там? Похоже на большой военный лагерь!

— Угу, — согласился Лев Аквилонии, встав на стременах и глянув вниз по склону холма. — Что ж, по крайней мере здесь подготовились к тому, чтобы защищаться... или защищать.

Пояснять свои слова он не пожелал, но Айла догадалась и сама.

У надвратного укрепления крепости, куда они добрались, с трудом одолев последние крутые витки ведущей в замок дороги, вышла заминка — стражники наотрез отказались впустить подозрительных незнакомцев, вдобавок обремененных лежащим в повозке гробом. Девушка приготовилась к тому, что сейчас Конану надоест выслушивать ее перебранку с дозорными, он назовет себя и потребует открыть ворота, но варвар почему-то помалкивал. Наконец ей удалось убедить старшего над караулом отнести короткую записку Ее светлости.

Минуло еще с полколокола, проведенных под ослепляющим солнцем Пуантена, и только тогда



створки нехотя приоткрылись. Вышедший навстречу незваным гостям человек в темно-синих с золотом цветах герцогского дома окинул их чуть удивленным взглядом, поприветствовал и осведомился, куда поместить доставленный ими печальный груз — в подвалы или в митрианскую часовню замка?

— Отнесите в часовню, — решила Айлэ, которую внезапно разобрал нервный смех. Возчик получил остаток причитающейся ему mzды и десяток сестерциев вознаграждения, гроб сняли с телеги и унесли, новоприбывших повели в замок — не через парадное крыльцо, но кружным путем, через галереи и укромные коридоры, явно заботясь о том, чтобы они не попались на глаза посторонним. Орволан стал довольно оживленным местом: баронетта заметила воинов во дворе и топчущихся под наскоро сооруженными на весами лошадей, множество людей во внутренних помещениях, уловила эхо оживленных разговоров, тревожно метавшееся под высокими потолками.

Провожатый распахнул очередную створку, украшенную резными изображениями грифонов и виноградных лоз, впустил приезжих, но сам остался снаружи. За дверями скрывалась маленькая светлая комната с обтянутыми желтой кожей стенами, массивными дубовыми шкафами и придвинутым к полукруглому окну столом. Окно выходило на нижний двор замка, оттуда долетало конское ржание, отрывистые команды и звонкое металлическое бряцание оружия. За



столом в кресле с высокой спинкой сидела, перебирая исписанные листы пергамента, женщина в ярко-алом шелковом платье. Услышав скрип закрывающихся створок, она оглянулась, поднялась на ноги и сдержанно поклонилась.

— Добро пожаловать в Орволан, Ваше величество... и вы, молодая госпожа, — спокойно и приветливо произнесла герцогиня Пуантенская. — Приношу извинения за то, что обитатели крепости не оповещены о высочайшем визите, но я взяла на себя смелость рассудить, что Ваше величество наверняка пожелает еще на какое-то время сохранить свое столь неожиданное прибытие в тайне.

* * *

Первоначальное впечатление оказалось ошибочным — вглядевшись пристальнее, Айлэ поняла, что хозяйка замка Орволан переживает не самые лучшие дни и расходует последние силы в попытках сохранять невозмутимую любезность. Впрочем, после краткого объяснения Льва Аквилонии касательно того, какие веские причины заставили его отправиться на Полдень Аквилонии, а также рассказа баронетты, описавшей передраги, выпавшие на долю ее самой и Хасты Рабирийца, на лице внимательно слушавшей дамы Эйкар все-таки промелькнула и быстро скрылась нешуточная обеспокоенность.

— Пограничье, — словно привыкая к звучанию незнакомого названия, медленно повторила



Адалаис. — Но почему именно оно? Этот край так далеко от Рабиров и вряд ли среди тамошних жителей отыщутся гули...

— Хастис сказал: произошло чудовищное совпадение, — попыталась растолковать Айлэ, неожиданно для себя занявшая место магика, пребывавшего в немом оцепенении. — Изгнанное Проклятие обрушилось на землю, где проживает достаточно большое число тех, чье происхождение не имеет отношения к людям. По воле случая это оказались владения Карающей Длани и dwarфов. Гномы ушли под землю — мы пока не знаем, помогло ли им это поспешное бегство, — а оборотни... Оборотни не залили свою страну кровью лишь потому, что их удержала на краю падения в бездну маленькая принцесса Ричильдис.

Упомянув Дису, баронетта опасливо покосилась в сторону Льва Аквилонии: как-то он отнесется к звуку имени его затерявшейся в Полуденных лесах младшей дочери? Хвала богам, гневаться вроде бы не собирается, хотя упорно смотрит в сторону распахнутого окна и даже не обращает внимания на появившееся на столе блюда и кувшины. Самой Айлэ есть почему-то тоже не хотелось — и это после целого дня, проведенного в пути! — зато девица Монброн то и дело тянулась к разведенному вину с кусочками льда. Она едва не поперхнулась льдинкой, когда герцогиня поинтересовалась: можно ли ей увидеть диковинную вещь, с помощью которой одоглазый волшебник намеревался одолеть Слово Безумца?



Баронетта рассудила, что исполнение просьбы госпожи Эйкар не принесет большого вреда. Пошарив в своем дорожном мешке, она извлекла резную шкатулку, водрузила на стол и осторожно подняла крышку. Вечернее солнце отразилось в гранях Алмаза, испятнав стены многоцветьем радужных искр, каждое мгновение сменяющих друг друга. Довольно долго Адалаис пристально рассматривала Жезл, склонив набок голову с узлом темных волос, однако не решилась прикоснуться к альбийской реликвии — дважды осторожно подносила к золотой ветви указательный палец и боязливо отдергивала.

— Очень красиво, — наконец проговорила она печально. — И, если я правильно поняла, совершенно бесполезно в обычных человеческих руках. Извини мою настойчивость, Айлэ, но ты уверена в том, что нам не нужно поскорее закопать привезенный вами гроб и воздвигнуть над ним поминальный камень?

— Хастис нарочно предупредил, чтобы мы не торопились принимать его за мертвого, — отрезал вмешавшийся в разговор Конан. — Он просил отвезти его в Рабиры, и именно так я и поступлю. Адалаис, тебе известно, что завтра можно будет попасть в Холмы?

Прежде чем ответить, женщина в алом рассеянно перемешала разложенные перед ней бумаги: то ли собиралась с мыслями перед нелегкой беседой, то ли принимала окончательное решение: о чем она будет говорить, а что сохранит в тайне. Девица Монброн украдкой показала вар-



вару глазами на дверь, — мол, не уйти ли мне? — но тот отрицательно мотнул головой, приказывая Айла оставаться на месте.

— Именно по этой причине в течении трех минувших седмиц я собирала в Орволане и поблизости от него всех, на кого могу положиться и кому доверяю, — доселе мелодичный голос хозяйки крепости зазвучал сухо и деловито. Поверх рассыпанных записей лег чертеж, изображавший окрестности горной цитадели, широкую синюю полосу Алиманы и часть таинственной местности на полуденном берегу реки. — Сейчас тут находится около семи сотен человек: треть стоит в долине у подножия замка, остальные разбили лагерь подле моста, ведущего в Рабирийские холмы. В основном это легкая кавалерия, пришедшая из Гайарда, лучники с арбалетчиками, егеря — все, кто обучен искусству вести сражения в лесах. У реки также находятся дружины наших ближайших соседей — владельцев Стедвика и Идуанна. Своим именем и своей властью я доверила распоряжаться в этой маленькой армии троим: столичной гвардией заправляет старинный знакомец мужа, Гиалабер дие Таула, над местными я поставила моих двоюродных племянников — Кламена и Пейру. Они молоды, но сообразительны и у них хорошие наставники. Пейру и дие Таула сегодня утром отправились вниз, к реке, но Кламен еще здесь, в крепости — я попросила его задержаться, дабы обсудить кое-что перед отъездом. Если обещанное исполнится и грядущий рассвет развеет Стену Мрака,



они пересекут Алиману, направятся к поселку под названием Токлау — он расположен вот здесь, — мельком глянув на чертеж, женщина ткнула острым ногтем в маленькое черное пятно недалеко от речного берега, — и постараются вывести оттуда всех уцелевших людей. В первую очередь это касается наследника трона.

Девушка Монброн вдруг вспомнила, что отчасти знакома с Кламеном Эйкаром из замка Идуанн — года четыре тому ее отец навещался туда, дабы по просьбе хозяев утихомирить беспокойного духа, уже второе столетие упорно не желавшего мириться со своей кончиной. Оказалось, призрак желал указать тайник, в котором некогда укрыв сундучок с ценностями. Будучи при жизни человеком скупым и недоверчивым, дух не пожелал делиться с наследниками, но после смерти невыполненное обязательство препятствовало душе отправиться в последний путь. Стену одного из помещений крепости разобрали в указанном месте, вытащив на свет тяжеленный сундук. Маленькой дочке магика тогда преподнесли на память какую-то безделушку из обретенного клада, и, кажется, вручал подарок именно Кламен — тогда ему было восемнадцать или чуть больше. Вряд ли он помнит о том случае и узнает повзрослевшую Айла, из-за которой, собственно, вспыхнула круговерть в Полуденной Провинции и в Холмах. Может статься, грядущий день принесет избавление от тревог — уже к наступлению вечера она доберется до Токлау и встретит Конни. Пусть их обоих неминуемо



ждет жутчайшая выволочка от правителя Аквилонии — да и Пуантенский Леопард, наверное, не останется в стороне — но дальнейшие события уже будут зависеть не от них.

— Это все? — бесцветным голосом поинтересовался киммериец, когда Адалаис умолкла.

Госпожа Эйкар кивнула. Варвар помолчал, словно бы в задумчивости барабанил пальцами по бумагам, и вдруг, хватив по столу кулаком, раненым медведем страдальчески взревел:

— Ну почему, почему все так вышло?! Кто виноват, кому голову рубить? Моему сумасбродному сынку, чья голова набита романтическими бреднями? Верному вассалу, затеявшему рискованную интригу за моей спиной? Этой маленькой вертихвостке, у которой самомнения больше, чем мозгов? Ей и Коннахару пока по молодости положено совершать глупости, но вы-то с Просперо хороши! Почему пустили за реку, почему способствовали? Умник Озимандия спровоцировал, Стиллис, тряпка, не задержал... я, дурак, бросил все, решил отдохнуть у старого друга... Отдохнул, демон меня задери! Вольфгард обезлюдел, старый друг бегаёт на четвереньках и жрет сырое мясо. За Алиманой один Нергал ведает, что творится, зингарцы того и гляди вцепятся нам в глотку, вопя, что мы покусились на их вассальные земли. Единственный колдун, который хоть что-то умеет, валяется трупом и не дышит, я потерял двух наследников из трех... Что еще случится, Адалаис? Черный мор в столице? Наводнение, землетрясение, нашествие са-



ранчи? Где твой муж? Где мои дети? Не знаю, чего мне хочется больше — отправить всю вашу компанию на плаху или удалиться в изгнание самому! Все лучше, чем править бандой дураков и дешевых интриганов!..

Вспышка ярости, как ни странно, позволила Конану несколько успокоиться, а на госпожу Эйкар особого впечатления не произвела. С пяток ударов сердца они мерялись через стол взглядами, после чего Аквилонец потянулся за ближайшей наполненной чашей, а хозяйка Орволана в задумчивости скрестила перед собой пальцы и успокаивающе кивнула побледневшей баронетте.

— Ты в своем праве, — бесстрастно молвила Адалаис. — Пусть я порой зову эту крепость и эти земли своими, на самом деле они принадлежат тебе. Как и моя жизнь, и жизнь вот этой юной девочки, и жизни тех, кто готовится завтра пересечь реку ради спасения твоего отпрыска. Тебе достаточно произнести всего одно слово — и Адалаис Эйкар не увидит нынешнего заката... хотя, возможно, отыщутся те, кто осудит столь поспешный и необдуманный поступок монарха. Но, прежде чем принимать решение, ты позволишь мне привести некоторые доводы в свое оправдание и объяснить, почему мы поступили именно так, а не иначе?

Ответом на это послужил раздосадованный взмах руки.

— Мальчику ничего не грозило, — мягко, но с непоколебимым внутренним убеждением произнесла владычица Полуденной Провинции. —



Ты не знал Князя Лесов так, как знали его мы — я и мой супруг. Драго не позволил бы причинить Коннахару какой-либо вред, и только поэтому мы решились устроить для принца и его спутников поездку в Холмы. Признаю, мы слегка подтолкнули Коннахара к мысли нарушить твой запрет покидать Тарантию, но, в конце концов, он не малое дитя, за которое думают родители. Он уже почти взрослый, твой сын. Ты и сам прекрасно это знаешь, иначе не оставил бы Конни управлять страной в свое отсутствие. Что же до запретной магии, которую пробудил к жизни Коннахар, — клянусь, я ничего не знала о его намерениях. Думаю, не знал и мой супруг. Но даже и эта магическая гроза, обрушившаяся на Рабиры и Пограничье, если поразмыслить, не всецело на совести мальчика. Рядом с тобой сидит очевидица тех событий, так спроси ее — чего добивался принц, намереваясь провести в Холмах колдовской ритуал? Она скажет: освободить ее из-под власти Проклятия Побежденных. Только ее одну, не целый народ! Как знать, если бы ему не помешали, все бы благополучно завершилось — или попросту ничего не произошло.

— Знаю, что помешали, только жалею, что слишком поздно, — буркнул киммериец, остудив свой гнев добрым глотком вина и уже протягивая руку за добавкой. — Я б еще не так помешал. Проклятье, жаль, что он вообще пересек Алиману — с вашего попустительства, между прочим!

— Что случилось — случилось, Конан. Со-



гласна, кое-кто, и я в том числе, оказались во всей этой истории мягкотелыми глупцами. Но еще большими глупцами мы будем, если опустим руки или начнем в запальчивости винить друг друга вместо того, чтобы попытаться превратить наше поражение в нашу победу!

— В победу? При всем, что произошло? — хмыкнул Конан, однако в его голосе прорезались едва слышные нотки заинтересованности. — Адди, ты случаем не повредила рассудком от переживаний?

— Благое намерение Коннахара и его друзей обернулось совершенно не тем, на что они рассчитывали... но, может, именно тем, чего уже давно ожидали сами рабирийцы, — упрямо стояла на своем герцогиня. — И, если мы будем достаточно умны, терпеливы и отнесемся с пониманием к чужим трудностям, Аквилония получит то, о чем ее прежние властители только мечтали — земли за Алиманой и выход к побережью Хорота. Зингарцы могут хоть до скончания века предъявлять свои претензии: новый правитель Рабиров будет сам делать свой выбор. Вряд ли он пожелает вернуться к прежнему положению дел — стране, замкнутой в собственных границах. Так почему бы Рабирам не перейти под руку тех, кто не отказал Лесному Княжеству в помощи в те дни, когда они были совершенно беззащитны и открыты любому завоевателю? Кому будут благодарны гули — не твоему ли отпрыску, избавившему их от тысячелетнего гнета постоянной жажды крови?



— Думаешь, мне мало нынешних хлопот с Пограничем? — подобный взгляд на случившееся, кажется, слегка ошеломил варвара, а баронетта Монброн честно призналась: столь неожиданное разрешение трудностей Полудня могло родиться только в голове леди Эйкар. Но, если этот замысел осуществится... Ох, лучше не загадывать — потом не придется разочаровываться.

— Это не хлопоты, — отмахнулась хозяйка Орволана. — Посмотри правде в глаза: уже четверть века Вольфгард следует по той дороге, которую для него прокладывает Аквилония. Теперь об этом просто объявят во всеуслышание, и я первая принесу тебе свои поздравления в связи с таким удачным и своевременным расширением владений страны. Так ты не откажешься от нашей помощи? Гвардия Пуантена — в твоём распоряжении, и многие будут счастливы увидеть тебя во главе уходящего за Алиману отряда...

— Ты получаешь весточки из-за реки, ведь так? — неожиданно осведомился король Аквилонии. Бойко рассуждавшая Адалаис сбилась, на миг отвела глаза к открытому окну и бледно-золотому закату, и ответила не сразу:

— Просперо, когда уходил, взял с собой голубей и почтовых соколов — три или четыре дюжины, что ли... Когда возникла эта чёрная пелена, дня два к нам не приходило вообще никаких известий. Затем птицы появились вновь — колдовской туман, похоже, не стал для них препятствием. Мы пытались придумать способ отвечать



тем, кто остался в Холмах, но ни одна из наших идей не достигла успеха. В одном из первых посланий говорилось о спешном приезде из Кордавы Хасты и Рейенира да Кадены, о том, что Вуаль Мрака — дело рук Одноглазого и она должна растаять через три седмицы, и что Княжество перенесло внезапный удар лучше, чем можно было ожидать. Затем Просперо известил меня, что перебирается ближе к Алимане — вкуче с уцелевшими спутниками принца и тем, что осталось от приведенной им в Рабиры полутысячи воинов, — она помолчала и словно через силу выговорила: — С начала второй летней луны ни голуби, ни сокола в Орволан больше не прилетали. Ни одного, хотя по моим подсчетам в клетках должно было оставаться еще около полутора десятков птиц.

— Плохо, — признал киммериец. — Хотя само по себе отсутствие вестей еще ни о чем не говорит наверняка. Но завтра Стена падет, и тогда мы узнаем... Изумруд, можешь идти. Этот свой жезл оставь пока здесь, ничего с ним не стрясется, а мне будет спокойнее. Постарайся отдохнуть перед предстоящим походом. Ну, а мы с тобой, Адалаис, теперь побеседуем о том, как нам обратить поражение в победу...





Глава четвертая

Павшая Стена



*11 день Второй летней луны.
Пуантенская провинция, берег Алиманы.*

В течение двух десятков минувших летних дней сотканная из бархатной непроглядной черноты Вуаль Мрака ничуть не изменилась, оставаясь такой же противоестественной и изумляющей человеческий глаз преградой. Поднимавшийся на высоту не менее сотни локтей черный туман жил своей непостижимой жизнью, внутри него, если приглядеться как следует, пробегали волны и закручивались водовороты, возникали очертания то ли кричащих лиц, то ли сражающихся животных, призраки марширующих армий и огромных крылатых существ, парящих в ночном небе.

Разум впервые увидевших Стену просто отка-



зывался верить в ее существование — она перечеркивала солнечный день своей расплывчатой несокрушимостью, одним своим присутствием опровергая любые рассуждения о том, что в мире больше не осталось магии.

Удивительно, но нагромождение непроницаемой для взгляда тьмы даже в солнечный день не отбрасывало тени — иначе под Стеной царил бы постоянный сумрак. Стену беспрепятственно преодолевали птицы, но не пролетая насквозь, а поднимаясь выше туманного гребня. Люди, вот уж вторую седмицу вынужденные празднично созерцать диковинное явление, озверев от безделья и ожидания, пробовали на загадочном творении рабирийца буквально все, что попадалось под руку — безо всякого успеха. Нашлись умники, пытавшиеся стрелять сквозь колдовской туман из арбалета, привязывая к болту длинный шнур.

Выпущенная стрела исправно и безвозвратно исчезала в клубящемся мраке, вытащенная обратно бечева на длине в пятнадцать локтей неизменно оказывалась оборвана и опалена. С копьями и иными метательными снарядами повторялась та же история, а человек, попытавшийся коснуться нечеткой границы, мгновенно отлетал шагов на шесть в сторону, отброшенный неведомой силой. Прodelавшие этот трюк смельчаки долго страдали потом от головокружения. Двое сорвиголов из егерской сотни побились об заклад, что под Вуалью можно проплыть, ибо на протяжении полулиги туманные пряди стлались



над поверхностью реки. Один из них и впрямь разделся и нырнул. Больше его не видели.

Животные — лошади, собаки, овцы и коровы — словно не замечали Стену, без страха приближаясь к ней и стоя рядом, но соваться внутрь даже не пробовали. Кому-то из егерей пришла в голову мысль бросить в сторону Вуали Мрака охотничьего пса — что с ним станется? Визжащая собака пролетела пару шагов по воздуху, упруго шмякнулась о бесплотный туман, отлетела обратно и, оклемавшись, искусила своего хозяина. Более таких попыток не повторяли, сожалея только об одном — под рукой не нашлось почтовых птиц, выращенных на полуночном берегу Алиманы. Оказавшись на свободе и устремившись к дому, они наверняка смогли бы преодолеть туманную преграду.

Воздвигнутая Хасты Вуаль, отгородившая растревоженные Рабиры от прочего мира, отчего-то прошла не по той черте, которую очерчивала прежняя Граница. Может статься, магик нарочно расширил предел оберегаемых земель или черный туман следовал вдоль какого-нибудь бывшего рубежа, пролежавшего с тысячу лет назад и постепенно отступившего под натиском расширяющихся людских владений. Так или иначе, туманная стена тянулась вдоль правого лесистого берега Алиманы, накрыв собой дальний конец трехпролетного моста из красного гранита. Было очень странно и диковинно смотреть на переправу, словно бы обрубленную ножом в своей дальней трети — добротная кладка тонула в ис-



синя-лиловых тенях, простиравшихся вдоль берега в обе стороны, сколько хватало глаз.

И темнота, что самое досадное, не торопилась развеиваться, хотя долетавший из Орволана приглушенный звон курантов оповестил всех сначала о наступлении девятого утреннего колокола, а затем и десятого. Правда, порой в глубинах Стены вспыхивало некое подобие метели из ярких белых искр, а несколько раз из непостижимых глубин тумана изникало нечто, напоминавшее по очертаниям громадный призрачно светящийся диск (бывавшие на Полуденном Побережье сравнивали увиденное с огромнейшей медузой, лениво всплывающей из морской пучины), но дорога в Рабирийские холмы открываться людям явно не собиралась.

Единственным, кто мог хоть что-то разъяснить, был сам создатель стены, но последний, увы, мало отличался от холодного трупа — вернее говоря, не отличался совсем. Из наспех сколоченной зловещего вида домовины Хасты переложили в крытую повозку, заботливо навалив на дно мягкого сена, — что, впрочем, ничуть не повлияло на состояние болезного, — и в этой же повозке доставили из Орволана к месту общего сбора. Поскольку последним человеком, побывавшим за Алиманой до наступления известных событий, оказалась баронетта дия Монброн, нетерпеливцы обращали свою тревогу именно к ней. Каждую четверть колокола являлся гонец от короля Аквилонии, передавая один-единственный вопрос: «Когда исчезнет эта дрянь?»



Чем ближе становился полдень, тем более разъяренным и угрожающим становился тон посланий. В последнем содержалось обещание варвара лично явиться в расположение обозов, вытащить проходимца Хасти из его укрытия и утопить в Алимане вкупе с никчемной девчонкой — если последняя немедленно не займется делом и не наколдует что-нибудь. Айлэ только беспомощно разводила руками, повторяя услышанное когда-то от одноглазого мага. Стена должна пасть нынешним утром... или днем... в крайнем случае, к наступлению вечера!

Едва появившись в разбитом на берегу Алиманы лагере, киммериец отбросил свое ставшее ненужным инкогнито, и уже спустя четверть колокола немаленькое войсковое расположение загудело, как потревоженный улей. Каждому немедленно нашлось дело: кавалеристы седлали коней, арбалетчики из Гайарда и орволанские егеря готовились к строевому смотру, и в общей толчее, для непосвященного взгляда представавшей сущим муравейником,десятники споро навели порядок — где луженой командирской глоткой, а где и крепким кулаком. Сам Конан, устроивший штаб в большом полотняном шатре на высоком берегу Алиманы, вызвал к себе поименованных Адалаис Эйкар дворян — Гиалабера дие Таулу, Пейру и Кламена — а также командиров сотен и развернул военный совет. Что за вопросы обсуждались на этом совете, баронетта, естественно, не слышала. Однако, посмотрев на багровые физиономии иных вояк, пробкой выле-



тавших из штабного шатра и тут же с удвоенным рвением принимавшихся за дело, Айлэ с едким смешком заключила, что могучий киммериец попал наконец в родную стихию.

Суэта в укрепленном лагере достигла своего пика и постепенно начала стихать. Сотни и платунги один за другим строились меж разбитых на тесном лугу шатров, командиры заканчивали проверять готовность воинов к предстоящему выступлению. С того места, где устроила себе наблюдательный пункт девица Монброн, было видно, как взметнулся полог штабной палатки и появился Аквилонец в сопровождении дворян, сменивший невзрачное одеяние «десятника Коннахта» на серебристую кольчугу и одежду, более подобающую королю:

Троекратно рывкнули здравицы, раскатившись недолгим эхом в холмах.

Далекий звук колокола из Орволана возвестил полдень.

Буаль Мрака упорно не желала исчезать, похоже, собравшись стоять здесь до скончания времен.

Внизу спешно сворачивали последние шатры.

Ситуация складывалась не слишком радостная, но девушка была довольна и тем, что ее взяли в поход, а не оставили маяться дурными предчувствиями под крылышком госпожи Эйкар. Ничего, что она находится довольно далеко от королевской ставки, зато отсюда, со склона холма, занятого фургонами с припасами и провиантом, мост и колеблющаяся Черная Буаль



лежат перед ней, как на ладони. Она разглядывала сторожку бывшей охраны переправы, похожую на маленький форт, хлопающие над черепичной крышей флаги, постепенное перемещение маленьких воинских групп вниз, к реке, и то, как они рассредоточиваются вдоль берега. Прищурившись, она заметила пятерку верховых, рискнувших с грохотом промчаться через пустынный мост и остановившихся, не доезжая десятка шагов до устремлявшихся вверх и струившихся вниз темных клубов тумана. Всадники уже разворачивали лошадей, чтобы ехать обратно, когда Вуаль внезапно пришла в движение.

Сперва вдоль взметнувшейся к голубому летнему небу черной преграды побежали рождавшиеся неведомо где длинные судорожные волны — одна выше другой. Стена беззвучно и тяжело колыхалась, и Айлэ ужаснулась, представив, как размеренное движение прядей туманного наваждения повторяется на всей протяженности Вуали — несколько сотен лиг вдоль подножия Рабиров. Некоторые участки Стены превращались на десяток ударов сердца в каменные или кирпичные — иллюзия плыла среди завихряющихся колец и спиралей черноты, постепенно исчезая.

Вдоль берега Алиманы пронесся многоголосый людской крик, когда вершина Стены, маячившая на высоте сотни локтей, начала раскачиваться взад-вперед, подобно колеблющемуся в воздушных струях листу пергамента. Все без исключения задрали головы вверх, некоторые по-



пятнулись в явном испуге. Непроглядно-угольную черноту испятнали широкие темно-бурые потеки, по цвету напоминавшие запекшуюся кровь. В недрах бурлящего тумана вспыхивали проблески сизых молний, а потом Вуаль Мрака, как оплывший на солнце край горного ледника, без малейшего всплеска и звука обрушилась в реку. Она просто исчезла — за мгновение, достаточное лишь для того, чтобы быстро сморгнуть.

Противоположный берег открылся во всей красе: желтые глинистые обрывы, темно-зеленая лесная полоса и голубые очертания далеких холмов. По контрасту с только что сгинувшей тьмой представшее взгляду зрелище казалось на удивление ярким и блестящим, словно новехонькая, только что законченная мозаичная картина. Потрясенные такой переменной всадники на мосту, похоже, не сразу смекнули, какая деталь совершенно не вписывается в радующий глаз летний пейзаж. Айлэ даже рот приоткрыла от удивления, зацепившись взглядом за бесформенную груду в дальнем конце трехпролетного моста.

От одного парапета до другого, местами злоеюще поблескивая на солнце, тянулся вал высотой в человеческий рост из опрокинутых набок и перевернутых телег, наскоро сколоченных деревянных щитов, утыканных длинными гвоздями, толстых суковатых бревен и заостренных кольев, остриями направленных на аквилонский берег. Ничто не двигалось по ту сторону засеки, по обширной вытоптанной площадке на правом



берегу поднимающийся ветер лениво гонял пыльные вихри. И однако же у Айла дия Монброн при виде этой, казалось бы, абсолютной и безмятежной пустоты отчего-то тревожно засосало под ложечкой.

* * *

Небольшая группа верховых на породистых конях наблюдала за диковинным зрелищем от бывшей сторожки у переправы. Здесь собрались все старшие командиры маленькой армии, включая и короля Аквилонии. Однако последний после проведенного совета, обсудив с подчиненными основную тактику действий, решил предоставить им возможность проявить свои воинские способности в деле. Теперь, отъехав слегка наособицу, Конан с высоты конского крупы хмуро созерцал открывшийся перед ними пейзаж.

Черноволосый, худой как жердь, с ястребиным профилем, Гилабер дие Таула приподнялся на стременах.

— Засека, — сказал он, указывая на странное сооружение в дальнем конце моста. — Сооружена по всем правилам, на совесть... Кавалерия не пройдет.

— Непохоже, чтобы нам здесь были рады, — вполголоса заметил Пейру, оглянувшись на короля.

— А чего ты ждал? Накрытый стол и туранских танцовщиц? — съязвил Кламен. Конь под ним горячился, приплясывая и вскидывая узкую



точную голову. Братья вечно подтрунивали друг над другом, притом более молодой Кламен обычно выступал заводилой. — Сотник! Отправь туда два десятка под прикрытием арбалетчиков, пусть разберут завал. Прочим ждать. И поосторожнее на мосту. Если бы такую засеку строил я, то непременно посадил бы за ней десяток парней со скорострельными луками.

Зазвучали команды, небольшой отряд щитников двинулся по мосту, а младший Эйкар, отдавший распоряжение, украдкой глянул на более опытного Гилабера — одобряет ли? Дие Таула лишь молча пожал плечами: не надо быть седым ветераном, чтобы отдать единственно возможный в такой обстановке приказ. Только последнее замечание Кламена всерьез обеспокоило пожилого кавалериста из Гайарда, поскольку сам он думал ровно так же. Два десятка стрелков с хорошим запасом стрел могут удерживать узкий, перекрытый засекой мост неограниченно долгое время.

Двигавшийся бегом отряд преодолел уже половину расстояния. Должно быть, воины тоже почуяли недоброе — широкие щиты приподняты, взведенные арбалеты наготове. Кламен затаил дыхание, Пейру больно прикусил губу и беззвучно выругался.

— Рассыпся, олухи! — во всю мочь легких проорал дие Таула, видя, что воины неосознанно сбились в тесную кучку, отличную мишень для предполагаемых стрелков. Некоторые из перебиравшихся через мост выполнили приказ, но не



все. До засеки им оставалось шагов двадцать, кое-кто уже закинул щит за спину, освобождая руки, и Кламен с облегчением перевел дух:

— Вроде бы чисто...

И тут в воздухе зафырчали стрелы — длинные тяжелые стрелы с узкими калеными головками, рассчитанными на легкий кольчужный доспех.

Сразу стало ясно, что переправа защищена надежно. Более того — дальнобойные луки покрывали почти всю длину моста. Стрелки оставались невидимыми, укрывшись в густом подлеске на другом берегу Алиманы. Они стреляли вразнобой и не особенно точно, но, судя по густоте смертоносного ливня, мгновенно подметшего мост, лучников насчитывалось самое малое полсотни и каждый за три удара сердца успевал дважды спустить тетиву. Те из воинов, кто убрал за спину щит, погиб почти сразу, арбалетчики успели дать единственный ответный залп и полегли, будто колосья под серпом.

Уцелевшие, меньше половины от трех первоначальных десятков, закрывшись щитами, медленно пятились назад. Время от времени кто-то из этих оставшихся издавал вопль боли, когда мощная стрела, пробив щит насквозь, входила в руку. Мертвых тел на красных гранитных плитах прибавлялось, и в конце концов отряд не выдержал: бросая щиты и петляя на бегу, воины со всех ног устремились к своему берегу. Но расстояние было немалым, и из тех, кто положился на быстроту и удачу, не добрался ни один.



Трое, перемахнувшие через парапет, оказались более сообразительными, а возможно, просто умели плавать. Их, мокрых насквозь, стучащих зубами от холодной воды и прошедшей рядом смерти, но все-таки живых, вскоре уже вытаскивали на берег свои — изрядно ниже по течению. В этом месте река несла свои ледяные воды быстро.

Едва упал последний из отправленных на верную смерть щитников, стальной дождь иссяк. Три пролета моста, изящно повисшего над волнами Алиманы, испытывали неподвижные тела, раскиданные в причудливых позах, и мелкая сыпь не нашедших жертву стрел.

Среди ожидающих переправы воинов, подобно ветру в листве, прокатился гневный ропот. Кламен Эйкар побледнел как полотно, да и старший брат его выглядел ничуть не лучше.

— Командиры сотен, ко мне! — громовым голосом рявкнул Конан и развернул коня, оказавшись лицом к лицу с Гилабером.

— Ваше величество... — начал дие Таула.

— Не оправдывайся, не за что, — отрезал киммериец. — Война есть война, меня этим не удивишь, да и тебя, думаю, тоже. Хотя, признаться, я рассчитывал на иную встречу. Есть соображения, полководцы? Например, что за твари стреляют и сколько их?

— Нечего и гадать, стрелы гульские, — не задумываясь ответил один из сотников, коренастый вислоусый крепыш с нашитой на одежде виноградной гроздью, символом Гайарда. — Луч-



ников до пяти или шести десятков и оружие у них славное, а вот толкового командира нет, иначе положили бы всех одним залпом. Провозимся, пожалуй... Если позволите предложить, Ваше величество... Собьем щитную «черепаху», большую, щитов на сотню, да платунг арбалетчиков под щиты, чтоб с полсотни шагов всадить пяток залпов вон в тот подлесок, хотя бы вслепую. Их стрелки прячутся именно там, больше нигде. Луки у них длинные, стало быть, лупят с колена или в полный рост. Наши арбалетки, стреляя промеж щитов, здорово тех лучников проредят или, по крайности, заставят залечь, а там «черепаху» подберется к самой засеке...

— Что ж, придумано умно, — похвалил Конан. — Еще: есть поблизости хорошие броды, провешенные, чтоб конница прошла?

— В трех лигах выше по течению Сарнский брод, — припомнил дие Таула. — Дно там ровное и твердое, но берегом к нему толком не добраться — овраги и лес. Придется большого крюка давать. Если вы, Ваше величество, думаете отправить отряд в обход стрелкам, то через Сарнский брод они хорошо если к вечеру поспеют. Ниже моста до самого Стедвика переправ нет, там глубина растет.

— Лодки или плоты, — предложил другой сотник.

—хлопотно. И большой кровью обойдется.

— Мои егеря могут под мостом скрытно проплыть, — заикнулся еще один. — А то запалить засеку огненными стрелами и...



— Чуть, — отрезал король. — Завал большой, гореть будет до темноты, да неизвестно еще, прогорит ли как следует. Кони же по горячим углям не поскачут. Что до егерей твоих, проплыть они проплывут, а дальше что? Голые с ножами попрут на полсотни луков? Решено, готовьте людей, собирайте «черепаху»... Эйкар, чего тебе?

— Ваше величество, — Кламен Эйкар покраснел, как девица, однако глаз не отводил, и голос его звучал решительно, — позвольте выйти посланником.

— Какого демона, Кламен? — рявкнул дие Таула. — Если казнишься за свой приказ, то брось дурить. Эти потери были неизбежны. А коли лезешь в герои, то героизму твоему цена — гульская стрела промеж глаз. Какой еще посланник, Нергал побери этих кровососов?

— Ваше величество, позвольте объяснить, — настойчиво повторил младший Эйкар, не обращая внимания на слова Гилабера.

— Говори, — разрешил киммериец, нахмурившись, — только коротко и по существу.

— Гули ведь на родной земле, Ваше величество, и они в своем праве. Как бы поступил аквилонский гарнизон, увидев, что немалое войско пытается пересечь границу? Наверняка они решили, что мы вторглись с целью захватить их страну. Но ведь вы упомянули на совете, что нам нужно только добраться до Токлау, чтобы вызвать герцога и тех, кто с ним. Может быть, если мы попытаемся договориться...



— Хорошо, я понял, — прервал Конан, недослушав горячую речь молодого дворянина, — переговоры так переговоры. Отправьте посланника с белым флагом — нет, ты не пойдешь, Кламен, и твой брат тоже. Не то чтоб я очень дорожил вашими благородными головами, месьоры, однако мне надоело приносить Адалаис одни только дурные вести. Сыщите добровольца.

Спустя четверть колокола щитники были готовы к выступлению. Посланец, десятник из Орволана, вызвавшийся рискнуть собственной жизнью ради возможности сберечь жизни собратьев по оружию, с прикрепленным к копейному древку белым полотнищем ступил на мост. Размерно шагая, отважный воин преодолел треть расстояния, отделяющего его от засеки, потом две трети — гули, соблюдая неписанные законы воинской чести, не открывали стрельбу. Возле преграды посланник остановился и укрепил шест с полотнищем меж наваленных грудой бревен и досок.

Зная парламентаря затрепыхалось на теплом летнем ветерке.

— Мы не хотим крови! — прокричал орволанец в полной тишине, поднимая руку с зажатым в ней свитком. — Я один, без оружия! У меня послание, подписанное самим Конаном, владыкой Трона Льва! Пусть кто-нибудь из вас выйдет и заберет письмо!

В ответ долетело несколько гневно звучащих фраз на пуантенском наречии, которых никто из оставшихся на берегу не разобрал толком, и два-



жды тренькнула спускаемая тетива. Человек на мосту дернулся, будто от удара в грудь, выронил свиток и упал навзничь. Впрочем, через мгновение он с трудом поднялся и заковылял прочь от негостеприимного рабирийского берега. Вслед ему не стреляли, но, когда истекающий кровью десятник свалился на руки подхвативших его егерей и Кламена Эйкара, стало видно, что обе руки его пропитаны навылет — тонкий наконечник стрелы, застряв под кожей, еще торчал над правым локтем. Прибежавший лекарь только покачал головой:

— Связки перебиты, ваша милость. Ложку держать сможет, а чего тяжелее — уже, боюсь, навряд ли...

— Что они там кричали? — уточнил дие Таула у раненого, куда лекарь готовился к удалению застрявшего под кожей наконечника. Сдерживая стон, тот выговорил:

— Велели убираться. Мол, ничего, кроме смерти, люди за Алиманой не найдут.

— Вот и поговорили! — свирепо прорычал киммериец, сжимая пальцы на рукояти секиры — когда бывало ясно, что драки не избежать, варвар-воитель всегда шел в первых рядах. Слово в подкрепление решения гулей, со стороны Рабиоров над рекой взвилось несколько стрел, пущенных по очень крутой дуге. Большая часть бесполезно раскололась о плиты мостового настила, но одна, с полосатым черно-белым оперением, упала почти отвесно и глубоко вонзилась в землю у самых ног короля Аквилонии. Резким



движением Конан вырвал ее и двумя пальцами переломил прочное древко, точно хрупкую соломинку:

— Мы давали им шанс, но теперь заставим платить кровавую виру! С нами Кром и пресветлый Митра! Вперед, воины!

* * *

Зрелище медленно ползущей через мост «черепахи» с боками и спиной из составленных вплотную тяжелых квадратных щитов, должно быть, произвело на обороняющих правый берег гулей удручающее впечатление. Они наверняка рассчитывали, что после столь недвусмысленного отказа вести переговоры люди отступятся от замысла преодолеть Рабирийский мост и удалятся прочь. Лязгающий многоногий таран одолел уже добрую треть переправы, а из густого подлеска на другой стороне пока не выпорхнуло ни единой стрелы. Возможно, рабирийцы тоже спешно совещались: не поторопились ли они, обстреляв посланника?

Движущееся сооружение из дерева и стали как раз добралось до середины второго пролета, когда молчаливый лес напротив исторгнул из себя стремительное шелестящее облако. Часть лучников целилась понизу, рассчитывая, что хоть десяток наиболее удачливых стрел юркнет под край щита, вонзившись наступающим в ноги. Другие метнули стрелы отвесно вверх — авось падающее и утяжеленное собственным весом



древко отыщет неосторожно приоткрывшуюся на миг щель.

Послышался дробный частый стук, словно от падающих на черепичную крышу градин. «Черепаха» мигом осела, став несколько приземистее и терпеливо пережидая опасность. С пяток щитов в разных местах упали — беспощадно жалящие острия все-таки отыскивали себе добычу — но тут же взлетели обратно, подхваченные соратниками раненых или убитых. Лучники на правом берегу продолжали рьяную стрельбу еще с десятков ударов сердца, затем стрелы начали падать реже — какое бы огромное количество оружейного припаса ни заготовили гули, его следовало поберечь.

Именно в этот миг два ряда щитов, образовывавших железный панцирь, слегка приподнялись, словно крышка над закипающим котлом. В отверстия проснулись толстые хищные рыльца арбалетных болтов, кто-то невидимый отдал команду. Скрывавшийся под щитами отряд слаженно огрызнулся залпом из трех десятков арбалетов.

Тяжелые короткие болты прошили ближайшие к мосту заросли. Брызнули срезанные листья и ветви. Кто-то вскрикнул — коротко, но так пронзительно, что услышали даже на левом берегу. Замешкавшиеся рабирийцы не сумели достойно ответить, выпустив несколько дюжин разрозненных стрел, зато следующий залп арбалетчиков наконец убедил людей в уязвимости противника. В растревоженной листве над песча-



ным откосом возникло что-то темное и неуклюжее закувыркалось вниз по склону, пока с плеском не шлепнулось в воду.

Очередная набежавшая волна лизнула неподвижную фигуру, приподняла, оторвала от берега и увлекла вниз по течению в расширяющемся пятне крови.

На пуантенском берегу торжествующе взревели, подбадривая вновь затоптавшую по гранитным плитам «черепаху». На правом молчали, высказывая свою ярость в частых, но неточных выстрелах. К тому времени, когда прикрывавшиеся щитами егеря и стрелки находились шагах в десяти от засеки, гули потеряли троих лучников, попавших под залп и скатившихся в равнодушные ко всему струи Алиманы. Возможно, арбалетчикам удалось ранить или прикончить еще кого-то из рабирийцев, кто не сообразил удалиться от берега или неосмотрительно счел себя достаточно укрытым ветвями деревьев.

Еще усилие — и обстреливаемая со всех сторон «черепаха» доковыляла до засеки. Часть отряда рассыпалась, прячась за наваленными досками и бревнами — теперь препятствие, напротив, стало защитой атакующим — а платунг арбалетчиков вступил в ожесточенную перестрелку с рабирийскими лучниками. Замелькали прихваченные крюки, багры и просто копья с наскооро примотанными к наверху железными когтями — все, чем можно зацепить, отволочь в сторону и отбросить преграждающее путь неподатливое дерево. Вопреки худшим ожиданиям



людей, за самой засекой никто не отсиживался, а засевшие в подлеске гули не решились кинуться в рукопашный бой.

Недолгая возня под сопровождение посвиста летящих из леса и в лес стрел проложила через деревянный часток широкий проход.

Щитники и стрелки ворвались в пролом... и попятились назад, встреченные почти непрерывными залпами лучников-гулей. Видимо, те решили положить напоследок как можно больше наступающих, прежде чем смириться с утратой переправы.

— Пошли! Вперед, Гайард! За короля! К бою, в атаку!.. — это разнообразие кличей, словно искры от костра, разнесшееся над берегом после выкрикнутой Львом Аквилонии команды, сорвало с места нетерпеливо ожидавшую сигнала пуантенскую конницу и бросило ее на мост. Пронзительно запели высокие голоса рожков, оповещающие о приближении всадников. Копыта гулко громыхали по гранитным блокам, егеря и стрелки предусмотрительно шарахались в стороны, открывая дорогу.

Возглавлявшего атаку всадника на массивном гнедом коне даже не пытались уговорить остаться в стороне, зная, что все подобные попытки заранее обречены на провал. Если уж речь зашла о вызове, брошенном лично ему — а именно так и не иначе киммериец расценил прилетевшую с враждебного берега стрелу — то любые соображения безопасности, сохранения королевского достоинства и даже ссылка на преклонный воз-



раст монарха не имели никакого значения. Гилабер и братья Эйкар, следовавшие сразу за королем, уповали только на то, что среди рабирийцев не отыщется достаточно меткого стрелка, мечтающего войти в летописи с почетным титулом «тот, кто свалил самого Аквилонца».

Сквозь частично разобрannую преграду они проскочили благополучно, вылетев на широкую и вытопанную множеством копыт площадку, где еще совсем недавно останавливались шедшие в Пуантен и из него караваны. Однако тут же с полдюжины следовавших в середине строя кавалеристов вылетели из седел, утыканые стрелами, лошади, лишившиеся седоков, заматались в узком проходе, на несколько мгновений превратив атаку в свалку. Вошедшие в азарт схватки пешие воины карабкались прямо через засеку, рискуя переломать ноги. Первые из них уже вломились в скрывающий врага кустарник, сойдясь с лесными стрелками на длину меча. То там, то здесь слышались истошные вопли, хлопки тетивы, глухой стук каленых жал, пронзающих живую плоть, кое-где сталь звенела о сталь, но уже становилось ясно, что сопротивление почти сломлено.

В общей суматохе кто-то умудрился заметить удирающих по лесному тракту верховых, но кинуться за ними в погоню не вышло — четверых всадников из Гайарда сразили одного за другим на удивление метко пущенные стрелы. Краем глаза Кламен Эйкар уловил, откуда явились посланцы смерти с черно-белым оперением — купа



лиственниц на плавно поднимающемся склоне подле приметной высокой сосны — и повернул коня в ту сторону, даже не удосужившись глянуть, следует ли за ним кто-нибудь. В тот миг он не сомневался в своей способности без труда одолеть хоть десяток гулей.

Младший из братьев Эйкар успел настичь таинственных стрелков прежде, чем они растворились среди лесной зелени. Он не разглядел, сколько их — показалось, что всего двое. Первого, оказавшегося на пути, Кламен спшиб конем, второй навскидку выстрелил в пуантенца из своего лука, но в спешке взял неверный прицел. Кламен ощутил дуновение от чиркнувшей мимо стрелы, а спустя мгновение кто-то прыгнул на него с низко нависшего древесного сука, пытаясь ударить ножом.

Из-за внезапного толчка лошадь едва не упала, завалившись назад и набок, Эйкар потерял стремяна и вместе с неведомым противником покатился по земле, среди хрустко ломающихся стеблей папоротника. Из-за падения дыхание отшибло у обоих, но упавший сверху гуй очнулся быстрее — Кламен еле успел перехватить занесенную руку с тонкой полоской стали. Рабириец яростно шипел, стараясь дотянуться своим оружием до человека, однако силы сражающихся были примерно равны. Где-то рядом земля откликнулась на тяжелый топот, высоко над головой раздался гневный крик, отчаянный вопль и хлесткий удар. Похоже, отважная вылазка Эйкара-младшего не осталась незамеченной. Кто-то



пришел ему на выручку, схватившись с двумя уцелевшими гулями.

Эйкар рванулся, но добился лишь того, что оказался лицом к лицу с сидящим на нем гулем. По людским меркам противнику было лет семнадцать, — совсем молодой парень, легкий и жилистый, черные, как смоль, волосы перехвачены зеленой повязкой, пальцы судорожно сжимают рукоять кривого ножа. Гуль завопил и крутанул кистью с ножом, чиркнув острым лезвием по запястью Кламена. Тот вскрикнул от боли, непроизвольно отпуская вооруженную руку врага, и гуль замахнулся — добить. В следующий миг он отлетел в сторону, сбитый страшным ударом в бок, а Эйкар, воспользовавшись моментом, немедленно откатился прочь.

Массивная секира с двумя хищно изогнутыми лезвиями и ограненным в виде пирамидки сапфиром в навершии со свистом опустилась.

— Не надо! — заорал Эйкар-младший. И опоздал. Киммериец развернулся на каблуках — лицо, будто вырубленное из граскаальского гранита, искажено гневом, свежие кровавые брызги на сверкающей кольчуге и лезвии топора:

— Совсем спятил? Я спас тебя, молокосос! Еще мгновение, и ты был бы остывающим трупом!

— Да, Ваше величество. Спасибо, Ваше величество, — пробормотал Кламен, поднимаясь на ноги и с трудом подавляя приступ тошноты — два окровавленных тела вытянулись в папоротниках, под третьим, отдававшим двергской секи-



ры, песок на два шага кругом пропитался кровью, и туда Кламен изо всех сил старался не смотреть. Буланый конек Эйкара бродил неподалеку. — Я только хотел сказать, что нехудо было бы взять его живым.

О пленных в горячке боя напрочь забыли. Конан, запоздало сыпая проклятиями, напрасно обещал сотню золотых тому, кто приведет хоть одного кровопийцу живым — на берегу подобрали лишь десятка три мертвецов в одинаковой коричневой с зеленью одежде, почти незаметной в лесу, столько же длинных охотничьих луков и уйму опустошенных колчанов. Какое-то количество защитников моста через Алиману, видимо, успело вовремя уйти, оставив лишь группу прикрытия. Людские потери, включая первый расстрелянный отряд, оказались втрое больше, многие были ранены, и песни, звучавшие в этот день на марше к торговому поселку Токлау, были невеселыми.





Глава пятая

Открытия и утраты



*11 день Второй летней луны
1313 года по основанию Аквилонии.
Рабирийские холмы.*

В недавние мирные времена добратся до крепости у границ Лесного Княжества не представляло особого труда: около двух лиг по хорошо наезженной проселочной дороге в направлении Восхода, пока не увидишь порубежный знак — диковинную статую, выращенную из живого дерева. Там повернуть налево и ехать еще две или две с половиной лиги меж постепенно повышающихся холмов. Покружив, дорога бодро устремлялась на Полдень, завершаясь перед воротами поселения.

Строили Токлау люди, на свой, людской манер, хотя и обращаясь за помощью и подсказкой к местным уроженцам, оттого маленькая крепо-



стца получилась несколько странной. С первого взгляда — обычный форт на плоской вершине холма, земляной вал у подножия деревянных стен, несколько сторожевых башен, укрепление над воротами и соломенные крыши расположенных под защитой стен построек. Выстроили форт довольно давно, однако кое-что позволяло думать, что он способен простоять тут до окончания столетия и даже дольше — гули поделились секретом, как сделать бревна стен и зданий неуязвимыми для гниения, воды и огня. Сами рабирийцы крепостей давно не возводили, а потому всячески пытались сделать так, чтобы выросшая на холме постройка меньше всего напоминала военное сооружение. Частично им это удалось, но людская настороженность к окружающим чужим владениям все-таки взяла верх, хотя нападать на поселок вроде никто не собирался.

Заправляли делами в поселке люди, старостой уже лет десять был увлекшийся идеей налаживания торговли с Рабирами купец из городка Риальсы, в крепости имелся небольшой гарнизон числом в полсотни воинов. Сложилось даже нечто вроде постоянного населения, хотя сперва полагали, что Токлау станет только местом торговых встреч и большим складом перевозимых товаров.

Но, благодаря усилиям Пуантенского Леопарда и загадочного Князя Рабирийских земель, добрососедские отношения между их подданными год от году налаживались и становились



крепче, и в некоторые предприимчивые головы закрадывалась осторожная мысль — а если рискнуть и поселиться в маленьком поселке вместо того, чтобы всякий раз метаться с берега на берег?

Таких желающих пока набралось немного — в основном торговцы, проводники караванов, десятка два мастеровых, земледельцев и охотников.

Ставились новые дома, Токлау из крепости на чужой земле превращался в маленький городок, но в середине лета 1313 года по основанию Аквилонии все благие замыслы оказались под угрозой.

Более всего Гиалабер дие Таула опасался, что стычка у моста через Алиману была всего лишь пробой сил. Если гули всерьез вознамерились начать войну, то, спрашивается, какие причины помешают им после первого разгрома усыпить бдительность пуантенцев ложным отступлением, собрать армию побольше и обрушиться на людей где-нибудь на марше к крепости? Он сделал все, что мог — окружил передвигающийся по дороге отряд егерскими разъездами и пешими дозорами, выслал вперед летучую группу для разведки, строжайше наказав смотреть в оба и сообщать о любом подозрительном шевелении, но сомневался в том, что люди сумеют на равных тягаться с обитателями Холмов в игре в прятки.

Шесть изрядно прореженных сотен пылили по лесному тракту — всадники, пешие воины,



повозки с припасами, снова всадники — солнце катилось по безоблачному небу, и, хвала Всеединому и Всевидающему, пока что все шло благополучно.

Короткая заминка, правда, возникла подле дерева-знака, отмечавшего поворот к Токлау. Кто-то стесал кору в нижней трети древнего толстого ствола, оставив темно-желтый просвет размерами с большую книгу. Посреди затеса красовался оттиск ладони с растопыренными пальцами, сделанный то ли краской, то ли настоящей кровью.

Оставлен непонятный символ был уже давно, судя по тому, что кровь (или все-таки краска?) успела давно высохнуть и побурела от солнечных лучей.

Обнаружившие отметину егеря спорили, что она может означать, если вообще означает что-нибудь, но замолчали, заметив приближение короля Аквилонии и его невеликой свиты. Отпечаток окровавленной ладони вызвал у киммерийца некое мимолетное любопытство, однако разъяснить монарху смысл странного символа никто взялся — пока к знаку не подъехала единственная сопровождавшая отряд женщина. Дие Таула кое-что о ней знал: дочка волшебника Монброна и рабирийки, гулька-полукровка, по слухам — сама начинающая чародейка и дама принца Коннахара. Девушка глянула на бурую ладань, глаза у нее сделались как плошки, после чего она отчетливо выдохнула короткое словечко: «Дуэргар».



— Непримиримые? — понимающе уточнил варвар, жестом разрешая девице занять место рядом с собой. — Те, про которых вы с Адалаис и Хастии мне рассказывали — ненавидящие людей?

— Да, — кивнула баронетта дия Монброн, через плечо еще раз бросив взгляд на исчезнувшее за поворотом дороги старое дерево. Оттиск нехорошо напомнил ей другой знак, оставленный на светлом дереве резного изголовья кровати. С воспоминаний ее мысли перескочили к иному соображению: — Может, именно дуэргар пытались удерживать мост? Нас предостерегали, чтобы мы опасались вылазок с их стороны. Вожак непримиримых бежал из нашего плена, и кто знает, что с ним случилось: изловили его за три минувших седмицы или нет? Во всяком случае, его единомышленники оставили здесь свой символ — как предостережение возможным захватчикам или каким-то своим противникам. Или в знак некоего триумфа — вот, мол, Рабирь наши, вроде как знамя над захваченной крепостью.

— Всегда-то ты найдешь, чем порадовать, — буркнул в ответ Конан.

...Около шестого дневного колокола, когда солнечный диск начал свой долгий путь к закату, отряд находился в полулиге от Токлау. Собственно, умчавшиеся далеко вперед передовые разъезды уже разглядели деревянные башни крепости и заметили в них некое движение. Осталось только выяснить, кто именно распоряжает-



ся в поселке — по-прежнему торговый люд с левого берега Алиманы или озлобившиеся рабирьцы, так быстро позабывшие о былом хорошем отношении к соседям из Пуантена? Лазутчикам показалось, якобы цвет знамени над воротами крепости был темно-синим, что еще ни о чем не говорило. У гулей вполне достало бы ума состряпать незамысловатую ловушку, вывесив людской стяг.

Значит, все идет к тому, что нужно готовить атаку. Причем вверх по довольно-таки крутому склону. Причем не зная, сколько противников засело за стенами и на что они способны. А вдруг те гули, что успели сбежать после схватки у реки, напрямик направились сюда — упредить остальных о приближающихся врагах?

Тревожные размышления ничуть не препятствовали Гилаберу заниматься привычным ремеслом.

Прибывающие конные и пешие сотни покидали проселочный тракт и размещались в кстати подвернувшейся буковой рощице на краткую стоянку перед последним, коротким и решающим броском к поселку. Обшаривающие округу командиры десятков то и дело являлись с донесениями — пока заключавшимися в том, что признаков каких-либо противников или мирных жителей не обнаружено.

Краем глаза дие Таула присматривал за братьями Эйкар: младший вполне успешно справлялся с возложенной на него обязанностью обеспечить безопасность прибывающих отрядов; стар-



ший, прихватив два десятка своих гвардейцев и егерей, ускакал к городку на холме — им доверилось в точности выяснить, кому принадлежит Токлау, но при том не рисковать без нужды и в случае опасности немедленно отступить обратно.

К радости Гиалабера, Его величество вроде пока был доволен своими подданными и в творящееся действо не вмешивался: король расположился на опушке роши, разглядывая суматоху в лагере и беседуя о чем-то с гульской девицей. Та казалась встревоженной и изрядно озадаченной.

Очередная принесенная разведчиками новость заставила Гиалабера дие Таулу на миг удивленно приподнять бровь. Примчавшийся егерский десятник утверждал, будто они наткнулись на пустой лагерь, а поблизости от него такое, что его милости лучше глянуть самому.

Место находки на всякий случай окружено, туда никого не подпускают — во избежание слухов. Это тут, совсем рядом, около двух полетов стрелы...

— Никак стряслось чего? — окликнул дворянина Конан, приметив, что тот собирается куда-то идти..

— Поблизости нашли чью-то стоянку, — дие Таула рискнул добавить: — Отыскавшие ее егеря передали, что мне стоит лично на нее взглянуть. Ваше величество не желает присоединиться?

— Идем, — Лев Аквилонии спрыгнул с конской спины, небрежно сунув поводья кому-то из подвернувшихся воинов. Баронетта Монброн по-



следовала за удалявшимся королем и его спутниками, стараясь не попадаться лишним раз на глаза.

* * *

Укрытый в ложбине между двумя холмами обширный лагерь выглядел покинутым совсем недавно, где-то незадолго после наступления полудня.

Зола в очагах подернулась тонким слоем седого пепла, но там, где неизвестные держали лошадей, остались глубокие отпечатки копыт и свежие навозные кучки. Хозяева стоянки успели свернуть шатры, но не раскидали в стороны срубленный лапник — выцветшие желтые пятна предательски выдавали места, где были разбиты палатки.

Встречались и другие приметы недавно обитавших здесь и спешно скрывшихся людей: закопченный котелок под кустом, чья-то порванная и выброшенная одежда, пустой колчан...

Кто-то из егерей подобрал и многозначительно показал сотоварищам обломок длинной стрелы с черно-белым оперением.

Провожатый свернул на еле заметную тропинку, бежавшую через трепещущее осиновое мелкоколесье и постепенно огибавшую возвышенность.

Теперь за ним шли только трое — аквилонский правитель, Гиалабер из Гайарда и черноволосая девица в охотничьем костюме.



С полуночной стороны, почти весь день находившейся в тени, на склоне холма имелся обширный скальный выход, образовывавший подобие усыпанной песком и мелкими камешками площадки. Пяток толстых бревен, расположенных полукругом, образовывал подобие скамей, а в глубине каменных уступов различалось отверстие высотой в рост человека, похожее на устье пещерки.

В целом увиденное напоминало место для собраний с малым числом участников — и, как завершающий штрих, посреди песчаного круга чернело обложенное валунами небольшое кострище.

Чему обучилась Айлэ дия Монброн в Заповедном Краю — так это привычке сперва оглядываться по сторонам, и только потом раскрывать рот и высказывать свои соображения. К тому же ее насторожил не столько вид пустынной площадки, сколько висящий над ней запах, кисло-сладкая вонь, почти осязаемыми струйками текущая из пещеры. Как замороженная, она медленно повернула голову — отчетливо хрустнули позвонки — уткнувшись взглядом в то, что поначалу ошибочно приняла за причудливого вида древесный ствол, сумевший прорасти среди гранитных скал.

Только никакое это было не дерево.

Два длинных неошкуренных бревна толщиной в ладонь, сколоченные накрест и надежно укрепленные между камней.

На них точным подобием готовой к разделу



свиной туши подвешено человеческое тело — ногами вверх, головой вниз. Разведенные в стороны и нелепо вывернутые руки привязаны около локтей к толстой и короткой доске, прибитой к бревнам, запястья перечеркнуты черными браслетами свернувшейся крови. Кровь разбрызгана по окрестным камням, по вытоптаным кустикам черники и светлому песку, как будто ее нарочно плескали во все стороны...

Айлэ доводилось видеть мертвецов — не далее, чем сегодняшним полднем она насмотрелась на них досыта, пока одолевала захваченный мост — но павшие у реки люди и рабрийцы хотя бы пали с оружием в руках, в честном бою! А здесь...

Что происходило здесь по ночам, когда горел костер и эхо уносило крики? И кто должен ответить за совершенное?

Девушка не потеряла сознания, просто мир на какое-то время стал прозрачным и отдалился в сторону. Она услышала свой собственный внятный и четкий голос, заверяющий месьора Гилабера, что с ней все в порядке, потом разобрала торопливую скороговорку егеря — тот говорил, что рискнул сунуться в пещеру и немедленно выскочил обратно: внутри свалено еще не меньше десятка мертвецов.

Да, они все такие же — с подрезанными жилами. Этот бедолага, должно быть, скончался минувшей ночью, а кто он был и откуда — сказать трудно. Похоже, что человек, уроженец правого берега Алиманы...



— Многие ли успели увидеть это место? — перебил король Аквилонии. Десятник, поразмыслив, сказал, что всего трое — он сам и двое его подчиненных, однако внутри подземелья они не заглядывали. Прочим он тут же велел окружить скверное место, а сам побежал извещать господина дие Таулу. Варвар рассеянно кивал в знак того, что слушает, но, похоже, что-то быстро обдумывал. — Хорошо, ты поступил совершенно правильно. Выполнишь в точности остальное, что я велю — весь твой десяток получит по пятидесяти золотых солидов на брата, а лично тебе пойдет вдвое больше.

Егерь вытянулся в струнку, стремясь не упустить ни единого слова.

— Сейчас позовешь тех двоих, что вместе с тобой наткнулись на пещеру. Снимите мертвеца и положите его к остальным. Постарайтесь все-таки сосчитать, сколько их там, и не найдется ли каких приметных вещей. Когда закончите — только когда закончите! — можешь кликнуть прочих. Завалишь пещеру хворостом и спалишь все, что в ней находится. Раскатайте бревна и заройте кострище, чтобы тут ничего не осталось. Хорошо бы вообще обрушить камни и завалить эту треклятую пещеру, но вряд ли вдесятером быстро управитесь... Когда закончите, отыщешь меня либо Гилабера — лично доложишься и заберешь награду. А теперь запомни самое главное, — киммериец сделал шаг, угрожающе нависнув над приземистым егерским десятником, но говорил по-прежнему негромко и деловито.



— Если до меня дойдет хоть одно слово, даже полслова, если твоим людям вздумается лишний раз почесать языком в каком-нибудь кабаке, то я вас всех под землей отыщу и в эту же землю рядом закопаю. Понял?

Вояка так отчаянно затряс головой, что было удивительно, как только она не слетела у него с плеч.

— Вот и умница, — похвалил Лев Аквилонии, развернулся и запагал обратно к лагерю. Дие Таула и Айлэ следовали за ним в почтительном — или, что звучало точнее, предусмотрительном — отдалении, пока он не оглянулся и не подозвал их, раздраженно осведомившись у баронетты:

— Твои сородичи что, окончательно разум потеряли? Они ведь запросто могут обходиться теперь без питья крови! Зачем им понадобилось учинять это безобразие? Кто-нибудь из них подумал своей дурной головой, какой вид они будут иметь, если их капище попадет на глаза людям? Да покажи мы эту пещерку воинам, штурмовавшим сегодня мост, к вечеру на десяток лиг кругом Токлау не осталось бы ни одного живого гуля, включая женщин и детей!.. Айлэ, чего молчишь?

— Я не знаю, для чего они это делают, — обескураженно призналась девушка. — Разве только...

— Договаривай, договаривай, — потребовал Конан, и Айлэ нерешительно высказала свое предположение:



— Может быть, гули не захотели признавать то обстоятельство, что Слово Безумца больше не довлеет над ними? Какой-то части рабирийцев, как объяснял принцу Коннахару местный правитель, нравится быть вампирами. Им по душе скрываться в человеческих поселениях, запугивать людей и охотиться на них. Они привыкли к такому существованию и находят его единственно возможным. Вдруг они продолжают употреблять живую кровь в надежде, что это поможет им вернуть прежний облик и утраченные способности?

Рассуждения девушки удостоились недоверчивого хмыканья обоих слушателей, а самой баронетте стало как-то не по себе: что, если она не так уж далека от истины? Как жаль, что она так мало знает о собственном народе! Вот Хасты наверняка сразу бы разобрался, что тут к чему, и посоветовал, как быть.

* * *

Хотя Конан и его спутники отсутствовали всего с полколокола, в лагере их встретили поразительными новостями. Вернувшийся из своей разведки Пейру Эйкар сообщил, что путь в Токлау открыт и полностью свободен — городок по-прежнему находится в руках пуантенцев. Правда, теперь там скопилось больше людей, чем способна вместить маленькая крепость, ибо за стенами находится также дружина Золотого Леопарда и пришедшие вместе с ней коренные жи-



тели Холмов, но прибывший из Орволана отряд ждуг с величайшим нетерпением. Более ничего Эйкар-старший разузнать толком не успел, торопясь вернуться назад и поделиться своим известием.

Городские ворота и в самом деле стояли распаханутыми настезь, а на надвратном укреплении, дозорных башнях, стенах и под ними успело скопиться изрядное число желающих поприветствовать приближающуюся маленькую армию. Когда же встречающие углядели плывущее во главе колонны алое знамя с золотым львом, дружный радостный вопль вспугнул птиц и зверей в окрестных лесах.

Айла, получившей высочайшее дозволение ехать в первых рядах — впрочем, понимая донельзя взвинченное состояние души баронетты Монброн, Конан только с сожалением поцокал языком — все происходящее казалось наконец-то избывшимся кошмаром, который окончательно развеется, стоит ей завидеть Конни. Принц непременно должен быть тут, не мог же он уехать из крепости как раз накануне ее появления! Она вернулась обратно, преодолев столько преград и препятствий, ей наплевать на законы благопристойности и правила, которым должна следовать приличная девушка. Она желает увидеть Коннахара — и помощи боги тому, кто попытается задержать ее хоть на мгновение!

Преодолев ворота, голова отряда выехала на широкую площадь, в обычное время, наверное, выполнявшую должность рынка. Сейчас все лав-



ки убрали, и от волнения Айлэ едва не приняла за наследника аквилонского трона человека, появившегося на ступеньках вычурного крыльца высокого дома в два этажа, замыкавшего главную площадь Токлау. Однако, подъехав ближе и всмотревшись повнимательнее, она с сожалением поняла свою ошибку — хотя у этого человека были темные волосы, как у Конни, и почти такой же рост, он обладал совершенно иной манерой держаться.

Когда же всадники наконец преодолели гонимую и ревущую, забитую людьми площадь, встречающий, прихрамывая, спустился по ступенькам крыльца, одарив прибывших нерадостной ухмылкой и задержав взгляд черных с блестящими золотыми крапинками глаз на баронете дия Монброн, так и продолжавшей растерянно восседать на своей лошади. Что же до правителя Аквилонии, то он, узрев личность встречающего и безошибочно признав его, украдкой соорудил кислую физиономию.

— Глазам своим не верю — наконец-то о нас вспомнили, — резкий зингарский акцент Рейенира Морадо да Кадена словно лишний раз подчеркивал язвительность его приветствия. — Что ж, лучше поздно, чем никогда. Ваше величество переживет, если я не буду падать на колени? Нас всех недавно изрядно потрели, но я еще легко отделался... в отличие от его пуантенской светлости.

— Что с нашим герцогом? — в иное время Гиалабер дие Таула никогда бы не позволил себе



заговорить прежде короля, но сейчас его словно за язык дернули. Братья Эйкар в нетерпеливом ожидании ответа тоже подались вперед.

— Маленькая неприятность, именуемая слишком точно пущенной стрелой, — сочтя, что достаточно помучил собеседников, Рейе заговорил чуть серьезней: — Ничего опасного и тем более грозящего скорой смертью. Однако лекари настаивают, чтобы он хотя бы несколько дней оставался в покое, я им поддакиваю — это дает мне возможность распоряжаться тут всеми и каждым... Входите же! — он отступил на пару ступенек вверх, делая приглашающий жест.

— Где Коннахар? — киммериец хоть и покинул седло, но с места не двинулся.

— Полагаю, об этом надо спрашивать не меня, а вот ту юную особу, — Айлэ вздрогнула, когда поднятый палец да Кадена указал на нее. — Либо же знакомого нам обоим некоего колдуна с прескверным характером и единственным глазом. Во всяком случае, здесь твоего сына нет, — в понизившемся голосе Рейенира да Кадена звучало нечто вроде холодного сочувствия. — Я имею в виду, его нет ни в Токлау, ни где-либо еще в Холмах, и мне ничего не известно о его нынешнем местонахождении. Он пропал ровным счетом три седмицы назад — вошел в магические ворота и сгинул безвозвратно. Признаться по правде, нам было как-то не до его участи — к тому же я до сих пор испытываю сильнейшее желание устроить твоему отпрыску заслуженную взбучку. С его легкой руки в Рабирах



вспыхнула небольшая междоусобная война, и мы уже дюжину дней сидим в осаде, то отбивая вылазки своих же сородичей, проникшихся стойкой неприязнью ко всему сущему, то настойчиво убеждая их сложить оружие и прекратить воображать себя погибелью мира. Вдобавок у нас тут запахло на редкость самоуверенной попыткой узурпаторства, так что сам понимаешь — хлопот у меня невпроворот. Коннахару, куда бы его ни занесло, придется самому позаботиться о себе. Впрочем, у него же имелся перед глазами достойный пример в твоём лице...

Конец третьей книги



СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛЧЬЯ БАШНЯ

Джеральд Старк

Страницы летописей I..... 5

Часть 1. Отблески былой славы

Глава первая. Случайный ветер..... 44

Глава вторая. Край полуночных тревог..... 84

Глава третья. Древесный чертог..... 113

Глава четвертая. Время сомкнулось в круг..... 141

Глава пятая. Возмездие..... 175

Глава шестая. Перемена участи..... 207

Страницы летописей II..... 243

Часть 2. Лето тревоги

Глава первая. Перекрестки судеб..... 285

Глава вторая. Пенел и огонь..... 317

Глава третья. На другом берегу..... 338

Глава четвертая. Павшая Стена..... 372

Глава пятая. Открытия и утраты..... 396



Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000**

названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким
издательским ценам в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Фокельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Старк Джеральд
КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*
Обложка: *Владимир Савватеев*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ». 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СТИШЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИСАРА 56
КОНАН И СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЕРПОВИЩЕ ПЯТКОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВОЛАНЧИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСТОРИИ 63	КОНАН И САГА ТУМАНА 64
КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ АРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕПЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ГЕРЯЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕОФИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80
КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН И ВАЛАНКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАГЛАД НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕТИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛАА 88
КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ 89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90	КОНАН И КАРТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПЕТР МАГА 92				



ISBN 5-17-007328-3



9 785170 073283